

СЕЛО РОССИИ

ежегодный выпуск

2018

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

СЕЛО РОССИИ

2018

СЕЛО РОССИИ

Издается с 2018 г.

ISSN 2658-5987

DOI 10.22162/2658-5987

2018. № 1

Выходит 1 раз год

Главный редактор: канд. филол. наук *В. В. Куканова*
Зам. главного редактора: канд. соц. наук *Л. В. Намруева*

Редколлегия:

Бакаева Э. П., д-р ист. наук;
Барсукова Т. И., д-р соц. наук;
Габдрахманова Г. Ф., д-р соц. наук;
Деларю В. В., д-р соц. наук;
Денисова Г. С., д-р соц. наук;
Дулина Н. В., д-р соц. наук;
Калугина З. И., д-р соц. наук;
Лиджи-Горяева С. Э., канд. соц. наук;
Лушников Д. А., д-р соц. наук;
Манджиева Б. Б., канд. филол. наук;
Нухаева Б. Б., канд. соц. наук;
Очиров У. Б., д-р ист. наук;
Филоненко В. И., д-р соц. наук;
Хайруллина Н. Г., д-р соц. наук;
Широкалова Г. С., д-р соц. наук

Адрес редакции и издателя: 358000, Российская Федерация,
Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: kigiran@mail.ru

Содержание

Анисимова Н. Ю. Социально-демографические аспекты кадрового обеспечения АПК Республики Крым	5
Антамошкина Е. Н. Оптимизация агропродовольственной политики южного макрорегиона	17
Бадмаева Н. В. К вопросу о внутренней миграции сельского населения Калмыкии	29
Барсукова Т. И. Реализация муниципальных программ по развитию инфраструктуры сельских поселений Ставропольского края	37
Гарипов Ф. Н. К проблеме развития аграрных территорий	48
Гриценко Г. Д. Поселок Маныч: современное состояние и факторы возрождения	61
Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Современные селянки и горожанки: конфликт или консенсус? (по итогам прикладного социологического исследования)	72
Епимахова Е. Э., Барсукова Т. И., Ивашова В. А. Органические продукты питания: ожидания молодого поколения	84
Ивашова В. А. Агроинженер как профессия в оценке экспертов и работодателей	91
Каргаполова Е. В. Сельские территории в динамике социокультурных измерений (на примере Астраханской области)	102
Намруева Л. В. Религиозный фактор в социальной адаптации русского сельского населения (по итогам исследований 2016 и 2017 гг. в Калмыкии)	114
Нусхаева Б. Б. Население южнороссийских регионов о демографических проблемах	124
Суций С. Я. Демографическая динамика сельских территорий Ростовской области (реалии постсоветского периода)	136
Тарасова М. В. Программное управление развитием сельских территорий как инструмент поддержки региональной политической стабильности	148

Чернова О. А. Отношения интеграции и сетивизации в развитии многоукладной экономики региона	158
Чигрин В. П., Шилкина Е. Л., Родионова В. И. Поселенческие ориентации сельской молодежи: миф или реальность?	167
Швачкина Л. А., Родионова В. И. Современное состояние и тенденции развития сельских территорий в Российской Федерации . . .	176

Социально-демографические аспекты кадрового обеспечения АПК Республики Крым

Agro-Industrial Complex of the Republic of Crimea: Social and Demographic Aspects of Staffing

Н. Ю. Анисимова (N. Yu. Anisimova)¹

¹ кандидат экономических наук, Институт экономики и управления, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация). E-mail: anisimova.99@mail.ru

Ph.D. in Economics (Cand. of Economic Sc.), Vernadsky Crimean Federal University, Institute of Economics and Management (Simferopol, Russian Federation). E-mail: anisimova.99@mail.ru

Аннотация. В статье показана роль агропромышленного комплекса в социально-экономическом развитии Республики Крым как аграрно-ориентированного региона, рассмотрена его отраслевая структура и специфические особенности. На основании исследований различных авторов уточнено, что проблематика социально-демографических изменений в сельском хозяйстве и кадрового обеспечения АПК не только не утратила своей актуальности, но и становится все более сложной. Отражены результаты мониторинга социально-демографической ситуации в аграрном секторе экономики Республики Крым: общие и отраслевые показатели занятости населения, половозрастная и образовательная структура, количественный и качественный состав работников массовых профессий и руководителей предприятий АПК. Выявлены причины дисбаланса кадрового обеспечения агропромышленного комплекса региона, предложены механизмы оптимизации социально-экономического развития сельских территорий Республики Крым. Преодоление дисбаланса в кадровом обеспечении АПК Республики Крым возможно только на основе эффективного регионально-отраслевого механизма регулирования спроса и предложения на аграрном рынке труда, начиная с системы аграрного образования и заканчивая фактической трудообеспеченностью сельскохозяйственных предприятий. Результаты проведенного анализа социально-демографической ситуации в АПК Республики Крым свидетель-

ствуют, что предпринимаемые региональными органами меры по ее улучшению пока не принесли желаемых результатов, в связи с чем необходимо усилить пропаганду сельского образа жизни и привлекательности аграрного труда, моральную и материальную заинтересованность населения в развитии сельских территорий полуострова. **Ключевые слова:** аграрный сектор экономики, агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, сельские территории, аграрно-ориентированный регион, Республика Крым, социально-демографическая ситуация, кадровое обеспечение, дисбаланс трудовых ресурсов

Abstract. The article shows the role of the agro-industrial complex in the socio-economic development of the Republic of Crimea positioned as an agrarian-oriented region, examines its structure and distinct features. With evidence from some studies by a number of authors, it clarifies that the problems related to socio-demographic changes and staffing in the agricultural sector remain as topical — and tend to become even more complicated. The paper provides diverse socio-demographic data, such as general and sectoral indices of employment; gender, age and education structures; qualitative and quantitative composition of workers of mass professions and managers of agro-industrial enterprises (businesses). The reasons of the agricultural staffing imbalance have been detected, certain mechanisms to facilitate further socio-economic development of Crimean rural territories proposed.

The agricultural staffing imbalance in the Republic of Crimea can only be settled through the efficient regulation — by respective regional authorities — of labor market mechanisms including from the agricultural education system to direct supply of workers for agricultural enterprises. The results of the conducted socio-demographic analysis attest to the fact that measures undertaken by regional government agencies and aimed to improve the situation have so far been ineffective enough, which means that additional steps be determined to enforce the propaganda of the rural way of life and, thus, enhance the attractiveness of agricultural labor, stimulate moral and material incentives of the population for further development of their native agrarian territories.

Keywords: agricultural sector, agro-industrial complex, agriculture, rural territories, agrarian-oriented region, Republic of Crimea, socio-demographic situation, staffing, labor imbalance

Введение

АПК и его базовая отрасль — сельское хозяйство — являются ведущими системообразующими сферами экономики Республики Крым, формирующими агропродовольственный рынок, продовольственную и экономическую безопасность региона, трудовой и демографический потенциал его сельских территорий. В структуре валового регионального продукта аграрный сектор занимает 22,0 % [Валовой региональный продукт ... 2018], сельские территории составляют 87,2 % [Муниципальные образования ... 2018], а удельный вес сельского населения в его общей численности — 49,2 % [Население ... 2018], что позволяет охарактеризовать Крым как аграрно-ориентированный регион.

Основой социально-экономического развития аграрных регионов является агропромышленный комплекс, представленный в Республике Крым производством зерновых, технических, овощных, плодово-ягодных культур и винограда в отрасли растениеводства; продукцией скотоводства, свиноводства, птицеводства и овцеводства — в отрасли животноводства, а также их переработкой в сфере пищевой промышленности. В аграрном секторе экономики Республики Крым зарегистрировано 3 447 предприятий, в том числе в сельском хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве — 1 535 организаций [Предприятия и организации... 2018].

Аграрный труд весьма специфичен и сложен в силу его сезонности, взаимодействия с живыми организмами, непредсказуемости погодно-климатических условий, истощаемости почв и многих других факторов, оказывающих влияние на физическое и социально-психологическое состояние работников. Негативные условия труда в аграрном производстве усиливаются и так называемой «долгосрочной фермерской проблемой» [Серова 1999: 19], в соответствии с которой рост доходов в других секторах экономики всегда опережает рост доходов в сельском хозяйстве, что приводит к оттоку квалифицированной рабочей силы из АПК в другие отрасли. В то же время добиться высокого уровня интенсификации аграрного производства возможно только при условии сбалансированного и высококвалифицированного кадрового обеспечения.

Вопросы труда в аграрном секторе экономики как основной отрасли жизнеобеспечения населения широко рассматривались в научных трудах, начиная с А. В. Чайнова [Чайнов 2015], С. Г. Струмилина [Струмилин 1982] и заканчивая современными исследованиями [Искандаров 2017; Кузнецова 2018; Скараник 2017; и др.].

Изучение результатов проведенных ими исследований свидетельствует, что проблематика социально-демографических изменений в сельском хозяйстве и кадрового обеспечения АПК не только не утратила своей актуальности, но и становится все более сложной. Всеобщий процесс урбанизации привел к массовому оттоку сельских жителей в города, усиливая и без того сложную ситуацию в аграрном секторе экономики.

Результаты исследования и их анализ

Сельские территории Республики Крым выгодно отличаются от других регионов близостью территориального расположения к городам, благодаря чему жители крымских сел и деревень могут использовать все возможности, предоставляемые городской инфраструктурой современному человеку. Однако в реальности большинство сельских жителей полуострова проводят в городах не только вне рабочее, но и рабочее время, что вызывает резкий дисбаланс между количественными показателями сельского населения и его занятости в аграрном секторе экономики (табл. 1).

Как видно из данных, представленных в таблице 1, в АПК Республики Крым в настоящее время занято всего 10,2 % населения, тогда как удельный вес сельских жителей в общей численности населения региона составляет свыше 49,0 %. В свою очередь анализ динамики неудовлетворенной потребности аграрной экономики Крыма в кадровом обеспечении позволяет констатировать увеличение данного показателя почти в 6,5 раз — со 180 чел. в 2000 г. до 1 187 чел. в 2016 г.

Социально-демографические показатели, характеризующие сельское население Республики Крым, в целом идентичны как общерегиональным показателям, так и показателям городского населения. В регионе проживает 45,9 % мужчин и 54,1 % женщин, при этом в городском населении это соотношение составляет

45,0 % и 55,0 %, в сельском — 46,9 % и 53,1 % соответственно. В возрастной структуре населения региона преобладают мужчины и женщины трудоспособного возраста, однако обращает на себя внимание значительная доля людей старше трудоспособного возраста (в целом по Крыму — 26,9 %, в численности городского населения — 28,2 %, в численности сельского населения — 25,6 %).

Таблица 1. Показатели занятости населения Республики Крым в 2016 г., тыс. чел.

Показатели	Численность		Доля в общей численности населения, %
	Мужчин	Женщин	
<i>Все население, в том числе в возрасте:</i>	868,6	1 022,9	100,0
– моложе трудоспособного	163,3	154,6	16,8
– трудоспособном	552,2	508,4	56,1
– старше трудоспособного	151,2	357,7	26,9
<i>Городское население, в том числе в возрасте:</i>	431,6	528,3	100,0
– моложе трудоспособного	76,1	72,1	15,4
– трудоспособном	274,7	263,7	56,1
– старше трудоспособного	79,2	190,8	28,1
<i>Сельское население, в том числе в возрасте:</i>	436,9	494,6	100,0
– моложе трудоспособного	87,2	82,5	18,2
– трудоспособном	277,5	244,7	56,1
– старше трудоспособного	71,9	166,9	25,6
<i>Занято в аграрном производстве</i>	94,0	98,2	10,2

Источник: составлено автором на основании данных Управления ФСТГ по Республике Крым [Рынок труда...].

В гораздо большей степени, чем количественный дисбаланс, на уровень кадрового обеспечения аграрного сектора экономики Республики Крым влияет качественный дисбаланс работников массовых профессий и специалистов высшего управленческого звена (табл. 2).

Так, как видно из данных табл. 2, образовательный уровень работников массовых профессий, занятых в сельскохозяйственных предприятиях Республики Крым, имеет выраженную положительную динамику: за период 2014–2016 гг. численность работников с высшим образованием возросла в 2,4 раза, со средним специальным образованием — в 2 раза, с начальным профессиональным образованием — в 1,7 раза. В то же время удельный вес работников АПК, занимающих должности руководителей и специалистов и имеющих высшее образование, сократился за последние три года с 58,2 % до 52,0 %. В целом же образовательный уровень руководителей аграрных организаций снизился с 67,9 % в 2014 г. до 50,6 % в 2016 г.

Необходимо констатировать, что за прошедшие три года в Крыму в 5 раз снизилось число руководителей АПК, имеющих стаж работы в должности от 10 и более лет, в 2 раза — имеющих стаж трудовой деятельности от 5 до 10 лет. При этом численность руководителей, практически не имеющих стажа работы в АПК или на руководящих должностях, увеличился на 13,0 %. Также следует отметить крайне низкую активность руководителей аграрного сектора в системе повышения квалификации: если в 2014 г. соответствующие курсы прошли 30 человек, то в 2016 г. всего 1 руководитель.

Таким образом, в последние годы в кадровом обеспечении АПК Республики Крым наблюдается тенденция роста образовательного уровня работников массовых профессий при одновременном снижении образовательного уровня руководителей высшего и среднего звена. При этом повышение качественных характеристик персонала аграрных предприятий происходит преимущественно за счет заочного обучения штатных работников, так как доля молодых специалистов (выпускников отчетного периода), принятых на работу в сельскохозяйственные организации Крыма, остается крайне незначительной, а большинство (80,0 %) выпускников аграрных техникумов и колледжей продолжает дальнейшее обучение в вузах.

Таблица 2. Образовательный уровень работников массовых профессий сельскохозяйственных предприятий Республики Крым, чел.

Наименование должностей	Имеют профессиональное образование						Не имеют профессионального образования					
	высшее		среднее		начальное профессиональное		практики (подготовка на производстве)		имеют классность			
	2014	2016	2014	2016	2014	2016	2014	2016	2014	2016		
Постоянно работают в сельском хозяйстве	329	784	1 465	2 969	1 877	3 122	1 291	2 761	1 023	1 610		
Работники отрасли растениеводства, в том числе:	179	151	703	1 610	1 138	1 751	248	1 303	868	1 123		
– трактористы-машинисты	2	8	156	380	490	741	13	38	859	1 104		
– прочие работники отрасли растениеводства	177	143	547	1 230	648	1 010	235	1265	9	19		
– в числе прочих — рабочие плодового и ягодоводства	3	12	24	28	25	45	53	234	78	0		
Работники отрасли животноводства, в том числе:	33	496	99	561	147	488	550	668	15	372		
– операторы машинного доения	0	122	8	120	6	76	23	4	14	116		
– птицеводы	9	360	17	360	8	237	75	83	0	256		
– операторы животноводческих комплексов по выращиванию и откорму, всего, в том числе:	1	6	42	57	76	109	236	487	0	0		
– КРС	1	0	5	18	18	19	46	100	0	0		
– свиней	0	6	37	38	58	82	175	365	0	0		
– овец и коз	0	0	0	1	0	8	15	22	0	0		

12 Таблица 2. (Продолжение)

Наименование должностей	Имеют профессиональное образование						Не имеют профессионального образования					
	высшее		среднее		начальное профессиональное		практики (подготовка на производстве)		имеют классность			
	2014	2016	2014	2016	2014	2016	2014	2016	2014	2016		
– прочие работники отрасли животноводства	23	8	32	24	57	66	216	94	1	0		
Работники, занятые в переработке сельскохозяйственной продукции	6	7	51	38	48	37	248	101	0	0		
Другие работники, занятые в сельскохозяйственном производстве, в т. ч.:	144	130	711	760	691	846	795	689	155	115		
– водители	13	19	89	289	200	343	98	112	145	172		
Работники, обслуживающие сельское хозяйство	146	48	132	338	85	130	171	160	0	2		
Работники пищевой и перерабатывающей промышленности, в том числе:	10	291	17	388	56	102	43	290	0	0		
– переработка молочной продукции	1	0	2	2	8	3	7	0	0	0		
– переработка мясной продукции	3	226	5	318	12	56	19	227	0	0		
– пищевая промышленность	6	84	10	73	35	36	17	71	0	0		
Всего работников АПК	485	1125	1614	3695	2018	3360	1505	3211	1023	1614		

Источник: составлено автором на основании данных Министерства сельского хозяйства Республики Крым.

В настоящее время система аграрного образования Республики Крым представлена структурными подразделениями ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»: Академией биоресурсов и природопользования, Ордена Трудового Красного знамени агропромышленным колледжем (с. Маленькое), Прибрежненским аграрным колледжем, техникумом гидро-мелиорации и механизации сельского хозяйства (пгт. Советский). Также в Крыму функционируют три государственных бюджетных профессиональных образовательных учреждения АПК (Красногвардейский агропромышленный техникум, Чапаевский агротехнологический техникум, Прудовский аграрный техникум), находящиеся в ведомстве Министерства образования, науки и молодежи Республики Крым.

Одной из проблем созданного в 2014 г. федерального вуза, негативно отразившейся на кадровом обеспечении АПК Республики Крым, явился переход от дифференцированного приема абитуриентов на экономические специальности отраслевой направленности к их общему приему по укрупненным направлениям подготовки. Косвенным результатом такой реорганизации явилось перенасыщение аграрного рынка бухгалтерами, финансистами, менеджерами, слабо представляющими научно-обоснованные требования организации, планирования, мотивации и контроля агропромышленного производства как целостной системы.

Так, переизбыток в кадровом обеспечении АПК региона выявлен по бухгалтерам — 82 чел., агрономам всех специальностей — 32 чел., энергетикам и электрикам — 36 чел., ветеринарным врачам, ветфельдшерам, ветинспекторам — 15 чел., главным бухгалтерам — 12 чел. В то же время аграрный сектор Крыма испытывает недостаток в специалистах по охране окружающей среды (экологах) — 158 чел., экономистах — 74 чел., работниках служб управления персоналом всех уровней — 54 чел., руководителей среднего звена (начальниках цехов, отделов, участков, комплексов, управляющих отделениями, фермами и др.) — 28 чел., главных агрономах — 26 чел., главных зоотехниках — 21 чел.

Преодоление дисбаланса в кадровом обеспечении АПК Республики Крым возможно только на основе эффективного регионально-отраслевого механизма регулирования спроса и пред-

ложения на аграрном рынке труда, начиная с системы аграрного образования и заканчивая фактической трудообеспеченностью сельскохозяйственных предприятий. Можно отметить, что в этом направлении Министерством сельского хозяйства Республики Крым ведется определенная работа. В частности, Постановлением Совета министров Республики Крым от 06.07.2017 г. [Об утверждении Порядка ... 2018] утвержден размер единовременной выплаты молодым специалистам, трудоустроившимся в организациях АПК Республики Крым, расположенных в сельской местности: 250 тыс. руб. — получившим высшее профессиональное образование, 200 тыс. руб. — получившим средне-специальное образование. Кроме того, многие сельскохозяйственные предприятия предоставляют молодым специалистам жилье и земельные участки с правом последующего выкупа.

Однако эти меры, как показали результаты проведенного анализа системы кадрового обеспечения АПК Республики Крым, пока привели к незначительному росту количественных и качественных показателей трудовых ресурсов аграрных предприятий. По данным Министерства сельского хозяйства Республики Крым, удельный вес выпускников профильных аграрных вузов, принятых на работу после окончания учебных заведений, составляет всего 34,7 %, причем большинство из них по окончании обязательного трехлетнего периода работы в АПК планируют сменить сферу деятельности и работать в городской местности. Те же молодые специалисты, которые не связаны с работодателями — агротоваропроизводителями жилищными обязательствами, планируют сменить и место жительства, что обусловлено отсутствием в большинстве сел и деревень Крыма соответствующей социальной инфраструктуры.

Заключение

Таким образом, для улучшения социально-демографической ситуации в АПК Республики Крым необходимо устранить системный дисбаланс в его кадровом обеспечении одновременно по нескольким направлениям:

— сформировать и обеспечить выполнение межотраслевого баланса между системой аграрного образования региона и реаль-

ными потребностями АПК на условиях динамичности и адаптивности;

— определить одним из векторов развития системы аграрного образования в Республике Крым его отраслевую направленность для всех направлений подготовки;

— продолжить реализацию федеральных, региональных и отраслевых программ развития АПК и сельских территорий региона в контексте системного и комплексного развития их социальной инфраструктуры;

— усилить пропаганду сельского образа жизни и привлекательности аграрного труда, моральную и материальную заинтересованность населения в развитии сельских территорий полуострова.

В целом, выполнение данных мероприятий приведет не только к осязаемому социальному, но и к экономическому эффекту, так как рекреационный потенциал Республики Крым может быть раскрыт в полной мере на основе устойчивого развития аграрного сектора экономики.

Литература

Валовой региональный продукт: официальная статистика [электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/grp/ (дата обращения: 15.05.2018).

Искандаров Х. Х. Совершенствование мотивационного механизма кадрового обеспечения аграрного сектора экономики (на материалах Республики Таджикистан): дис. ... канд. экон. наук. Душанбе, 2017. 183 с.

Кузнецова И. Г. Государственная поддержка формирования человеческого капитала в сельском хозяйстве региона (на материалах Новосибирской области): дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2018. 166 с.

Муниципальные образования: официальный портал правительства Республики Крым [электронный ресурс] // URL: https://rk.gov.ru/structure/municipal-pnye_obrazovaniia (дата обращения: 12.06.2018).

Население: официальная статистика [электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/population/ (дата обращения: 15.05.2018).

Об утверждении Порядка предоставления единовременной выплаты из бюджета Республики Крым молодым специалистам, трудоустроившимся в организациях агропромышленного комплекса Республики Крым, расположен-

ных в сельской местности, в рамках реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Крым на 2015–2020 годы [электронный ресурс] // Постановление Совета министров Республики Крым от 06.07.2017 г. № 345. URL: https://msh.rk.gov.ru/file/pub_350111.pdf (дата обращения: 16.05.2018).

Предприятия и организации: официальная статистика [электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/organizations/ (дата обращения: 16.05.2018).

Рынок труда и занятость населения: официальная статистика [электронный ресурс] // Управление ФГС по Республике Крым и г. Севастополю. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/employment/

Серова Е. В. Аграрная экономика. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 1999. 478 с.

Скараник С. С. Формирование и эффективность реализации трудового потенциала: дис. ... канд. экон. наук. Симферополь, 2017. 168 с.

Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982. 472 с.

Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М.: Академический проект, 2015. 363 с.

Оптимизация агропродовольственной политики Южного макрорегиона

The Southern Macroregion of Russia: Optimizing Agri-Food Policies

Е. Н. Антамошкина (E. N. Antamoshkina)¹

¹ кандидат экономических наук, доцент, кафедра социально-культурного сервиса, Волгоградский государственный аграрный университет (Волгоград, Российская Федерация). E-mail: antamoshkina@mail.ru

Ph.D. in Economics (Cand. of Economic Sc.), Associate Professor, Department of Social and Cultural Services, Volgograd State Agricultural University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: antamoshkina@mail.ru

Аннотация. В статье предложена концепция комплексного механизма оптимизации агропродовольственной политики. На основе методологии системного подхода обоснованы содержание, субъектно-объектная структура, система целей и задач данного механизма. В качестве критериев механизма оптимизации агропродовольственной политики предложено использовать: степень удовлетворения физиологических потребностей населения в основных продуктах питания; уровень экономической доступности продовольствия для населения региона; степень продовольственной самообеспеченности. Автором отмечено, что существует возможность анализа механизма оптимизации агропродовольственной политики в статичном, либо динамическом состоянии, характеризующем развитие агропродовольственной политики и ее совершенствование по выбранным критериям оптимизации.

Оценку эффективности агропродовольственной политики предлагается проводить на основе расчета интегрального показателя — индекса эффективности агропродовольственной политики ($I_{\text{агр}}$), учитывающего экономические, финансовые и социальные индикаторы. Проведена апробация предложенного механизма на примере регионов ЮФО. Установлено, что эффективность аграрной политики ЮФО в сфере обеспечения продовольственной безопас-

ности региона соответствовала допустимому уровню, поскольку по социальным индикаторам наблюдалось отклонение от оптимальных значений показателей. Полученные результаты имеют практическое значение при выборе приоритетных мер по оптимизации аграрной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности.

Ключевые слова: агропродовольственная политика, механизм оптимизации, эффективность, критерии оптимизации

Abstract. The article proposes a concept for the comprehensive mechanism of agri-food policy optimization. Methods of the system approach serve to determine its content, subject-object structure, system of goals and tasks. The paper suggests that criteria for the agri-food policy optimization mechanism include as follows: a level of satisfaction of physiological needs in basic food products, a level of product availability to residents of the region, and a level of food self-sufficiency. It is noteworthy that there are possibilities to analyze the agri-food policy optimization mechanism both in static and dynamic conditions, the latter aiming to characterize the development and elaboration of corresponding policies with respect to the identified criteria.

It is also suggested that efficiency assessment of agri-food arrangements be performed on a basis of the calculated integrated index — agro-industrial policy efficiency index (Ieap) — that would involve economic, financial, and social indicators. The proposed mechanism has been applied to cases studies of regions of the Southern Federal District which revealed that the efficiency of food safety agrarian policies — by SFD governments — somewhat meet the accepted levels, though a number of social indicators displayed deviations from optimal values. The results obtained are of practical significance for selecting key measures aimed to optimize food safety agrarian policies.

Keywords: agro-industrial policy, optimization mechanism, efficiency, optimization criteria

Введение

В условиях глобализации и модернизации экономики России от эффективности мер агропродовольственной политики зависят конкурентоспособность российской сельскохозяйственной продукции, как на внутреннем рынке, так и на внешних рынках, а также уровень продовольственной безопасности страны. В качестве одного из критериев, по которому можно проводить оценку оптимальности мер аграрной политики, выступает обеспечение продовольственной безопасности. Обеспечение оптимального уровня продовольственной безопасности требует оценки эффективности текущих методов и инструментов агропродовольственной политики, а также разработки механизма ее оптимизации для обеспечения продовольственной безопасности в условиях влияния внутренних и внешних факторов, в том числе импортозамещения.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологические основы анализа аграрной политики изложены в трудах советских и российских экономистов-аграрников: Н. И. Буздalова, А. В. Чаянова, В. В. Милосердова, Н. К. Фигуровской и ряда других исследователей. Меры и инструменты аграрной политики, ее специфика, в том числе в сфере обеспечения продовольственной безопасности, охарактеризованы А. И. Алтуховым [Алтухов 2014: 4–10], Н. А. Кулагиной [Кулагина 2014: 5], И. Г. Ушачевым [Ушачев 2014: 3–15]. Самостоятельным направлением анализа аграрной политики являются исследования по оценке ее эффективности, результаты которых представлены в трудах П. В. Михайлушкина, В. Я. Узуна [Узун 2008; 2012].

С целью разработки и обоснования механизма оптимизации агропродовольственной политики целесообразно использовать системный метод исследования в контексте основных аспектов анализа и синтеза. Выделение механизма оптимизации агропродовольственной политики как подсистемы экономического механизма АПК предполагает:

— обоснование структуры механизма оптимизации агропродовольственной политики и характеристику взаимосвязи и взаимодействия между структурными элементами;

— анализ особенностей функционирования механизма оптимизации с учетом влияния внешних и внутренних факторов, в частности реализуемой политики импортозамещения;

— оценку эффективности агропродовольственной политики на основе разработанной системы показателей и определение системы мер по ее оптимизации, в том числе на региональном уровне с целью обеспечения оптимального уровня продовольственной безопасности;

— формирование приоритетных направлений оптимизации и поддержание продовольственной безопасности в зависимости от достигнутого уровня эффективности агропродовольственной политики.

Людвиг фон Мизес в своей научной работе «Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции» писал, что механизмы, сконструированные в соответствии с научными теориями, работают так, как предсказывают эти теории, и тем самым обеспечивают прагматическое подтверждение их правильности [Мизес 2001: 180–181]. Анализ современного состояния исследований по проблемам разработки механизма оптимизации агропродовольственной политики показал, что сформировались следующие основные научные направления: теория хозяйственных (экономических) механизмов, оптимизационное моделирование аграрной политики, теории продовольственной безопасности и государственного регулирования аграрной сферы.

Экономические механизмы зачастую связывают с реализацией функций регулирования отдельных сфер и отраслей экономики, в рамках которых эти механизмы выделяются. Применительно к механизму оптимизации агропродовольственной политики речь должна идти о воздействии на объект регулирования с помощью различных методов, связанных с изменением соответствующих параметров аграрной политики по установленным критериям обеспечения продовольственной безопасности. В системе механизма регулирования, как правило, выделяются следующие элементы: субъекты регулирования (государство и другие экономические институты); объекты; цели и задачи; средства, формы и методы регулирования; блок мониторинга и коррекции результатов регулирования [Осипов 1994].

Механизм оптимизации агропродовольственной политики можно рассматривать в статичном либо динамическом состоянии. Существует возможность определить элементный состав, структуру, объекты, цели и задачи его механизма в статичном состоянии. Анализ динамического состояния характеризует трансформацию, развитие агропродовольственной политики, ее совершенствование по выбранным критериям оптимизации.

Результаты

Механизм оптимизации агропродовольственной политики представим в виде структурно-функциональной модели, включающей следующие элементы (блоки механизма): субъекты механизма, объект, цели, задачи и критерии оптимизации, блок мониторинга и оценки эффективности, блок оптимизационной коррекции. Интегральная цель механизма оптимизации агропродовольственной политики заключается в обосновании критериев оптимизации и выборе оптимальных мер агропродовольственной политики, реализация которых позволит обеспечить продовольственную безопасность, в том числе на региональном уровне экономики. В качестве субъектов механизма оптимизации выступают органы государственной власти и управления, осуществляющие разработку и реализацию мер аграрной политики на различных уровнях регулирования (федеральном, региональном), а также сельскохозяйственные предприятия и организации (производители продовольственной продукции), в отношении которых и будет осуществляться реализация агропродовольственной политики.

Достижение интегральной цели механизма требует конкретизации задач, возникающих при оптимизации политики. Задачи механизма оптимизации агропродовольственной политики объективно обусловлены потребностями сельскохозяйственного производства, необходимостью развития продовольственных рынков, сбытовой и транспортной инфраструктуры, обеспечения условий для защиты производителей сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешних рынках.

Так в Федеральной программе развития сельского хозяйства России на 2017–2025 гг., разработанной в общем русле концепции импортозамещения, учитывается необходимость обеспечения не-

зависимости и конкурентоспособности российского сельского хозяйства и АПК [Федеральная научно-техническая ...].

В приоритете программы — развитие отраслей растениеводства и животноводства, которые на данный момент имеют высокий уровень зависимости от иностранных производителей и поставщиков. Особое внимание рекомендуется уделять инновациям во всех направлениях развития сельскохозяйственного производства. В целом программа направлена на снижение технологических рисков в продовольственной сфере и повышение качественных характеристик российской сельскохозяйственной и продовольственной продукции, что соответствует приоритетам, обозначенным в стратегии научно-технологического развития России [Стратегия научно-технологического развития 2016].

Оптимизация агропродовольственной политики включает мониторинг и оценку ее эффективности по выбранным критериям: удовлетворение физиологических потребностей населения в основных продуктах питания; экономическая доступность продовольствия для населения; продовольственная независимость (самообеспеченность продовольственной продукцией). Между блоками мониторинга оптимизационной коррекции и блоком целей регулирования существует обратная взаимосвязь: на основе проведенной оценки эффективности предполагается последующая корректировка мер и направлений агропродовольственной политики по обеспечению продовольственной безопасности.

С целью определения уровня эффективности аграрной политики по критериям обеспечения продовольственной безопасности рекомендуется интегральный показатель — индекс эффективности аграрной политики (I_{eap}), рассчитанный с помощью экономических (i_e), финансовых (i_f) и социальных индикаторов (i_s) [Антамошкина 2017: 48–58]:

$$I_{eap} = \sum (i_e + i_s + i_f)$$

Предлагается установленный перечень пороговых значений индекса эффективности аграрной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности (табл. 1).

Таблица 1. Значения индекса эффективности аграрной политики

Диапазон значений (I_{eap})	Достигнутый уровень эффективности аграрной политики
$0 < I_{eap} \leq 0,2$	аграрная политика не эффективна
$0,3 \leq I_{eap} \leq 0,5$	низкий уровень эффективности
$0,6 \leq I_{eap} \leq 0,8$	допустимый уровень эффективности
$0,9 \leq I_{eap} \leq 1$	оптимальный уровень

Источник: составлено автором.

Для формирования комплекса мероприятий по оптимизации аграрной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности определим индекс эффективности аграрной политики регионов Южного Федерального округа (ЮФО).

В 2016 г. индекс потребительских цен на продовольственные товары в ЮФО составил 105,7 %, значение показателя незначительно превышало среднероссийский индекс роста потребительских цен на продовольственные товары [Регионы России ...]. Среди регионов ЮФО наиболее значительный рост уровня цен в 2016 г. наблюдался в Республике Крым (7,2 %), городе Севастополе (6,5 %) и Краснодарском крае (6 %), наименьший прирост уровня цен по итогам года был зафиксирован в Астраханской области — 4,7 % и в Волгоградской — 5,1 %.

Оценка экономической эффективности аграрной политики по регионам ЮФО предполагает анализ коэффициентов фактического потребления продовольствия населением. Для этого потребуется провести сравнение фактических объемов потребления продовольствия населением с рациональными нормами. Объемы потребления отдельных видов продовольствия: овощей и овощной

продукции, фруктов, хлебной продукции, сахара, масла растительного по ЮФО в 2016 г. превышали средние показатели по России (табл. 2).

Вместе с тем потребление населением регионов ЮФО отдельных продуктов питания в 2016 г. было ниже рекомендуемых рациональных норм потребления продовольствия: потребление молока и молокопродуктов составляло 67 % от нормы, фруктов — 78 %, мяса и мясной продукции — 89 % от рекомендуемой нормы потребления.

При этом потребление хлебопродуктов превышало норму потребления на 22 %, сахара — на 70 %, картофеля — на 15 %, масла растительного — на 20 %. Это свидетельствует о несбалансированности продовольственного рациона населения регионов ЮФО, когда недостаток калорий в потребительском рационе компенсируется повышенным потреблением продуктов, содержащих углеводы — хлебной продукции (макаронные изделия, крупы), картофеля, сахара.

С помощью полученных в результате проведенных расчетов значений ($K_{фн}$) по ЮФО в 2016 г. определяется средний показатель фактического потребления продовольствия и рассчитывается индикатор экономической эффективности аграрной политики (i_e), величина которого составила 0,2.

Определение индикатора социальной эффективности аграрной политики (i_s) показало, что численность населения с доходами ниже прожиточного минимума в ЮФО в 2016 г. составила 17,2 %¹.

Наиболее высокий уровень бедности в Калмыкии — 31,2 % и Республике Крым, где 22,2 % населения имели доход ниже прожиточного минимума, установленного для региона на соответствующий период. Таким образом, значение (i_s) в зависимости от параметра численности населения с доходами ниже прожиточного минимума в регионе для ЮФО в 2016 г. составит 0,2.

Среди регионов ЮФО в 2016 г. максимальный удельный вес расходов на питание в общей структуре потребительских расходов домашних хозяйств был в Крыму и Севастополе — 52,9 %,

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 [Регионы России...].

Таблица 2. Потребление продуктов питания в ЮФО в 2016 г.
(в среднем на одного члена домашнего хозяйства в год; кг)

Субъект Российской Федерации, нормы и уровень потребления	Вид продукта									
	Хлебные продукты	Картофель	Овощи	Фрукты	Мясо	Молоко	Растительное масло	Сахар	Яйца, шт.	
Российская Федерация	117	113	112	62	68	236	13,7	39	273	
ЮФО	118	104	146	78	65	218	14,5	41	308	
Республика Адыгея	116	69	131	76	67	207	11,1	48	215	
Республика Калмыкия	122	47	113	32	101	230	11,9	27	228	
Республика Крым	113	120	127	70	48	165	12,8	38	297	
Краснодарский край	132	94	137	94	73	224	17,4	50	325	
Астраханская область	129	119	168	70	75	207	11,4	40	228	
Волгоградская область	115	131	171	76	63	197	11,9	34	309	
Ростовская область	104	101	151	68	62	257	14,7	37	325	
г. Севастополь	97	80	134	53	50	138	9,7	27	270	
Рациональные нормы потребления ¹	96	90	140	100	73	325	12	24	260	
<i>K_{н.п.}</i>	1,22	1,15	1,04	0,78	0,89	0,67	1,2	1,7	1,18	

Источник: составлено автором по: [Регионы России...].

Астраханской области — 41,8 %, Республике Адыгея — 41,1 %. Для ЮФО в целом значение данного показателя составило 39,4 %. Значение (i_y) в зависимости от величины коэффициента потребления (K_n) для ЮФО в 2016 г. составило 0,1.

Для регионов ЮФО характерен достаточно высокий уровень поляризации доходов, коэффициент Джини в 2016 г. был равен 0,378, наиболее высокий уровень дифференциации доходов среди населения регионов ЮФО в Краснодарском крае — 0,415 [Регионы России]. Значение (i_y) в зависимости от оцениваемого параметра $K_{дж}$ не оптимально, но соответствует допустимому уровню и составляет 0,1.

Проведем расчет уровня продовольственной самообеспеченности региона в 2016 г., для этого требуются данные о рациональных нормах потребления продовольствия и численности населения ЮФО, которая на 1 января 2017 г. составила 16 млн 428,5 тыс. человек (табл. 3).

Таблица 3. *Продовольственная самообеспеченность ЮФО в 2016 г.*

Продукты питания	Фактический объем производства, тыс. тонн (q)	Необходимые объемы производства продовольствия в соответствии с рациональными нормами ($n * q_p$)	K_c
Картофель	2 109,3	1 478,5	1,42
Овощи	3 892,5	2 299,9	1,69
Молоко	3 578,2	5 339,2	0,67
Мясо	993,8	1 199,3	0,82
Яйца, млн шт.	5 573,1	4 271,4	1,30

Источник: составлено автором по: [Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017].

Среднее значение коэффициента самообеспеченности (K_c) по ЮФО составило 1,18, следовательно, индикатор (i_p) = 0,2. Проведем расчет показателя I_{eap} для ЮФО в 2016 г.:

$$I_{eap} = \sum (i_e + i_s + i_f) = 0,8$$

По результатам расчетов эффективность аграрной политики ЮФО в сфере обеспечения продовольственной безопасности ре-

гиона находилась на допустимом уровне. Отклонение показателя от оптимального значения было обусловлено недостаточной эффективностью аграрной политики по социальным индикаторам.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют обосновать перспективные направления совершенствования аграрной политики ЮФО в сфере обеспечения продовольственной безопасности региона: требуется увеличение показателей самообеспеченности по ряду категорий продовольственной продукции, в частности молочной, мясной; в приоритете региональной аграрной политики — создание условий для развития животноводства, в том числе молочного; необходимо поддержание экономической доступности продовольствия для населения, что предполагает разработку системы мер по обеспечению роста уровня доходов населения регионов ЮФО и снижение общего уровня их дифференциации.

Предложенная модель оптимизации аграрной политики позволит на основе реальных статистических данных проводить оценку эффективности аграрной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности. В результате проведенных расчетов и эмпирических данных, полученных в рамках построенной модели, существует возможность получения объективной оценки для последующего выбора приоритетных мер по оптимизации аграрной политики в современных экономических условиях с учетом влияния внешних и внутренних факторов.

Литература

Алтухов А. И. Парадигма продовольственной безопасности страны в современных условиях // Экономика сельского хозяйства России. 2014. № 11. С. 4–12.

Антамошкина Е. Н. Эффективность агропродовольственной политики региона: методика и показатели оценки // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. № 1, январь (346). С. 48–58.

Кулагина Н. А. Совершенствование государственной агропродовольственной политики как инструмент экономической безопасности АПК // Агропродовольственная политика России. 2014. № 10 (22). С. 4–7.

Мизес Л. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции / под ред. проф. А. Г. Грязновой; пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 295 с.

Осинов Ю. М. Основы теории хозяйственного механизма. М.: изд-во МГУ, 1994. 368 с.

Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614 «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» [электронный ресурс] // URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/71485784/paragraph/1:0> (дата обращения: 16.05.2018).

Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 10.05.2018).

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [электронный ресурс] // Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 14.05.2018).

Узун В. Я. Российская политика поддержки сельского хозяйства и необходимость ее корректировки после вступления в ВТО // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 132–149.

Узун В. Я. Аграрная реформа в России: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2008. № 10. С. 139–155.

Ушачев И. Перспективы развития АПК России в условиях глобальной и региональной интеграции // АПК: экономика, управление. 2014. № 1. С. 3–15.

Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы [электронный ресурс] // Постановление правительства РФ от 25 августа 2017 г. № 996. URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/1e9/1e97bd2630e613804cf5ef016063bd60.pdf> (дата обращения: 15.06.2018).

К вопросу о внутренней миграции сельского населения Калмыкии¹

Internal Migration of Kalmykia's Rural Population Revisited

Н. В. Бадмаева (N. Badmaeva)¹

¹ научный сотрудник, отдел комплексного мониторинга и информационных технологий, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, Российская Федерация). E-mail: badmaevanv@kigiran.com

Research Associate, Department for Comprehensive Monitoring and Information Technologies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: badmaevanv@kigiran.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме внутрирегиональной миграции сельского населения Республики Калмыкия. В Южном федеральном округе республика является единственным регионом, где сельское население составляет более половины жителей. Удельный вес сельского населения в республике в 2017 г. составил 54,7 %. Однако анализ статистической информации показывает, что в регионе на протяжении многих лет наблюдается сокращение численности сельского населения. По результатам социологического опроса, посвященного проблеме занятости и миграции сельского населения, более трети респондентов готовы выехать на работу внутри республики. Среди желающих выехать на работу в другое село или город республики преобладают люди молодого и среднего возраста. Основными факторами, влияющими на трудовую внутрирегиональную миграцию, являются уровень заработной платы, доступность жилья и наличие работы по специальности. В целом внутренняя миграция сельских жителей не влияет на общую численность населения республики, но вносит серьезные

¹ Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов» (2017–2021) (номер государственной регистрации: № АААА-А17-117030910098-1).

изменения в социально-экономическую, демографическую структуру сельских территорий региона. Внутрирегиональная миграция является объективным показателем социально-экономических, природно-климатических, экологических условий жизни, индикатором благополучия или неблагополучия того или иного района региона.

Ключевые слова: внутренняя миграция, трудовая миграция, урбанизация, факторы миграции, Республика Калмыкия

Abstract. The article deals with the inter-regional migration of Kalmykia's rural population. The republic is the only region of the Southern Federal District with predominant rural population, the share of the latter — as of 2017 — being 54,7 %. Still, the statistical analysis shows there has been a many-years-long rural population decline in the region. According to the sociological survey dealing with rural population employment and migration, over one third of the respondents expressed readiness to migrate within the republic for work. The bulk of those ready for relocation to another village or town of the republic are young or middle-aged individuals. The basic factors influencing inter-regional labor migration are availability of habitation, salary level, and jobs in certain professional fields. In general, internal migrations of rural residents introduce no changes to the overall population size, but significantly modify socio-economic and demographic structures of rural territories. Inter-regional migration is an objective indicator of socio-economic, climatic, and ecological living conditions, a well- or ill-being measure in separate territories within one region.

Keywords: internal migration, labor migration, urbanization, factors of migration, Republic of Kalmykia

Введение

Миграция — сложный социально-демографический процесс, влияющий на социальную структуру населения, его размещение и расселение, этнический состав и др. Одной из актуальных проблем современной России является проблема миграции сельского населения в городскую местность.

Исследование миграционных процессов, их роли в социально-экономическом развитии региона в настоящее время представляется особенно важным. Миграционная ситуация в Калмыкии определяется как межрегиональными перемещениями граждан, связанными с пересечением внешних административных границ республики, так и миграционными перемещениями внутри республики.

На фоне сокращения общей численности населения Калмыкии главной чертой миграции внутри республики остается переезд жителей районов в столицу [Бадмаева 2009: 69; Намруева 2016а: 394].

Внутренняя миграция населения является важнейшим механизмом урбанизации. Это социально-экономический процесс, выражающийся в росте городов, городского населения и распространении городского образа жизни на все общество. Это обычно трудовая и учебная миграция в областной центр или районные города. Л. В. Намруева отмечает, что еще одним фактором миграции является то, что выпускники вузов и колледжей не стремятся возвращаться в село, укореняются в городах, вступая в брак или устраиваясь на работу. В настоящее время сложилась такая ситуация, когда удельный вес инициативных людей (молодых, энергичных, ориентированных на аграрный труд) приближается к нулю, поэтому прогнозировать оптимистические картины будущего села не представляется возможным. К тому же сельское население стареет, когорт для деторождения остается все меньше, что уже через 25 лет приведет к резкому снижению численности сельского населения [Намруева 2016б: 27].

Последствия миграции сельского населения имеют как позитивные, так и негативные стороны. К положительной стороне можно отнести более полное использование социального и трудо-

вого потенциала населения, повышение социального статуса человека, его политическое и духовное развитие, рост эффективности труда, развитие научно-технического прогресса во всех областях народного хозяйства.

Отрицательная сторона село-городской миграции связана с процессами упадка сельских поселений, возникновением зон бедствий и зон процветания, что неизбежно сказывается на судьбах людей, так как меняются структура занятости населения, профессиональный и квалификационный уровень работников, условия труда и жизни.

Результаты исследования и их анализ

Сельское хозяйство практически для всех регионов Юга России имеет большое значение с учетом природно-климатических условий и традиций проживающих здесь народов. Республика Калмыкия входит в состав Южного федерального округа и является единственным регионом округа, где сельское население составляет более половины жителей. Удельный вес сельского населения в Республике Калмыкия в 2017 г. составил 54,7 % [Оценка численности...]. Однако анализ статистической информации показывает, что в республике на протяжении многих лет наблюдается сокращение численности сельского населения. Важно отметить, что все это протекает на фоне сокращения общей численности населения Калмыкии.

Рассмотрим динамику изменения численности сельского населения Республики Калмыкия (таблица 1, таблица 2).

Таблица 1. *Изменение численности городского и сельского населения Республики Калмыкия 2012–2017 гг.*

Население	2012	2013	2014	2015	2017
Городское	127 425	127 091	126 520	126 544	125 834
Сельское	159 264	157 049	155 501	154 020	151 969

Источник: [Оценка численности...].

Таблица 2. *Изменение численности населения за 2017 г.*

	На 1 января 2018 г.	Изменения за 2017 г.			На 1 января 2018 г.
		Общий прирост	Естественный прирост	Миграцион- ный прирост	
Все население	277 803	-2 390	290	-2 680	275 413
Городское	125 834	-809	339	-1 148	125 025
Сельское	151 969	-1 581	-49	-1 532	150 388

Анализ изменения численности сельского населения в течение 2017 г. показывает, что миграционный отток превышает естественный прирост населения более чем в 30 раз.

Как правило, причинами миграции из села в город являются поиск работы, получение образования, а также недостаточный уровень материального обеспечения и улучшение жилищных условий. В трудовой миграции в связи с поступлением детей в учебные заведения и по семейным обстоятельствам находятся 19,2 % обследованных лиц [Эльдяева, Кованова 2016: 236]. Это подтверждается исследованиями Л. В. Намруевой [Намруева 2016а; 2016б].

Результаты социологических исследований, проведенных в 2010-е гг., показывают, что смысловые ценности сельского населения республики связаны в первую очередь с перспективами трудовой занятости и восходящей мобильности (качественное образование для детей, возможность построения карьеры). К сожалению, обе эти ценности не присутствуют сегодня в жизнедеятельности большинства сельских территорий республики. Поэтому миграционные устремления сельчан не ослабевают, а усиливаются [Намруева 2016а: 392].

Недостаточная реализация трудового потенциала вследствие сложного социально-экономического положения в селах региона пагубно сказывается на распределении трудовых ресурсов, уводит перспективные кадры в населенные пункты с более благоприятными условиями для трудовой реализации. Это отражается и на миграционной ситуации в регионе. Безработица на селе усиливает миграционные процессы и тем самым лишает село людских ресурсов.

Также отметим тот факт, что представители титульной национальности в большей степени перемещаются внутри республики.

Абсолютный и относительный рост калмыцкого населения в целом по республике происходил на фоне неуклонного снижения его численности в районах. Абсолютная убыль калмыцкого населения резко контрастирует с быстрым его ростом в г. Элисте, где численность калмыков за период между переписями 1989 и 2010 гг. увеличилась с 45 654 до 71 541 человек, а удельный вес увеличился с 49,6 % до 66,1 % [Население по национальности... 1991: 6; Национальный состав... 2013: 14].

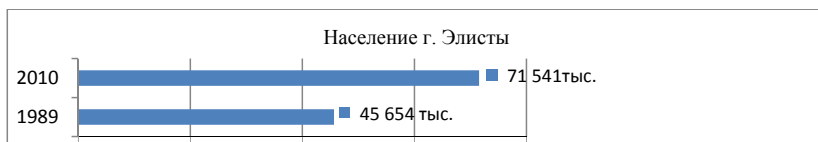

Диаграмма 1. *Изменение численности калмыков в г. Элисте по результатам переписей 1989 и 2010 гг.*

Русское население, проживающее большей частью в приграничных районах республики, предпочитает выезжать в такие крупные города соседних регионов, как Волгоград, Ростов, Астрахань, Ставрополь.

Рассмотрим результаты социологического опроса по вопросу изучения проблем занятости и миграционного настроения сельского населения, проведенного Калмыцким научным центром РАН в 2017 г. (N=300). Среди опрошенных респондентов 38 % составляют мужчины и 62 % — женщины.

Рассмотрим готовность к трудовой миграции и условия, при которых опрошенные респонденты могут переехать в другое село или в другой город республики.

Таблица 3. *Готовность выехать на работу в другое село или город республики*

Согласие выехать на работу	в %
Да	30,8
Нет	66,2
Затрудняюсь ответить	3

Более трети респондентов готовы выехать на работу внутри республики. При этом 8,2 % опрошенных, согласных выехать на работу в другое село, — это молодые люди до 20 лет, далее соответственно 42 % опрошенных — в возрасте 20–29 лет, 19,8 % респондентов — в возрасте 30–39 лет, 17 % — в возрасте 40–49 лет, 10 % — в возрасте 50–59 лет, 3 % опрошенных — в возрасте старше 60 лет. Таким образом, мы видим, что среди желающих выехать на работу в другое село или город республики преобладают люди молодого и среднего возраста.

По данным таблицы 4 мы видим, что респонденты в большей степени согласны на зарплату от 20 до 30 тыс. рублей и более 40 тыс. рублей.

Таблица 4. *Уровень заработной платы, который считают достаточным, чтобы переехать в другое село, город, район республики*

Уровень заработной платы	в %
До 20 тыс. рублей	6,2
20–30 тыс. руб.	35,4
30–40 тыс. руб.	20
Более 40 тыс. руб.	35,4
Затрудняюсь ответить	3,1

Основными факторами, влияющими на трудовую внутрирегиональную миграцию, согласно опросу, являются уровень заработной платы (41,3 %), доступность жилья (28,4 %) и наличие работы по специальности (16,5 %) (табл. 5).

Таблица 5. *Факторы, влияющие на трудоустройство в другом городе, районе, поселке республики*

Факторы	в %
Наличие работы по специальности	16,5
Зарплата	41,3
Доступность жилья	28,4
Развитая инфраструктура	4,6
Возможность самореализации	1,8
Перспектива карьерного роста	4,6
Другое	2,8

Заключение

Таким образом, внутренняя миграция сельских жителей не влияет на общую численность населения республики, но вносит серьезные изменения в социально-экономическую, демографическую структуру сельских территорий Калмыкии. Внутрорегиональная миграция является объективным показателем социально-экономических, природно-климатических, экологических условий жизни, индикатором благополучия или неблагополучия того или иного района региона.

Литература

Бадмаева Н. В. Внутрорегиональные миграционные процессы в Республике Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 69–72.

Намруева Л. В. Миграция сельского населения как следствие трансформации крестьянского сознания (на примере Республики Калмыкия) // Великие евразийские миграции: Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КалмГУ им. Б. Б. Городовикова, 2016а. С. 392–397.

Намруева Л. В. О процессе уменьшения численности крестьян в современной Калмыкии // Известия вузов. Социология. Политика. Экономика. 2016б. № 3. С. 26-29.

Население по национальности и владению русским языком // Национальный состав и языки народов Калмыцкой АССР. Элиста, 1991. Ч. II. 110 с.

Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста: Калмыкия-стат, 2013. 843 с.

Оценка численности постоянного населения Калмыкии на 1 января 2018 г. [электронный ресурс] // Официальная статистика. Республика Калмыкия. Население: Управление ФСГС по Астраханской области и Республике Калмыкия. URL: http://astrastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/astrastat/ru/statistics/kalmStat/population/ (дата обращения: 17.05.2018).

Эльдяева Н. А., Кованова Е. С. Анализ влияния внутренней трудовой миграции населения на социально-экономическое развитие региона // Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития общества: Мат-лы IX Междунар. науч.-практ. конф. Минск: Ковчег, 2016. 280 с.

Реализация муниципальных программ по развитию инфраструктуры сельских поселений Ставропольского края

Rural Settlements of Stavropol Krai: Implementation of Municipal Infrastructure Development Programs

Т. И. Барсукова (T. I. Barsukova)¹

¹ доктор социологических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Российская Федерация). E-mail: ti94@yandex.ru

Ph.D. in Sociology (Doct. of Sociological Sc.), Professor, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: ti94@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа документов осуществлено исследование содержания и реализации муниципальных программ по развитию инфраструктуры сельских поселений Ставропольского края. Показано, что развитие сельских муниципальных образований осуществляется в соответствии с муниципальными программами, задачи которых направлены на жизнеобеспечение местных сообществ. Дано понимание инфраструктуры поселения и описаны ее основные подсистемы. Предложена типология муниципальных программ по развитию инфраструктуры сельских поселений. Проведен анализ ряда паспортов программ и выявлены их обязательные структурные элементы. Внимание акцентировано на нормативном правовом обеспечении муниципальных программ. Подтверждено, что в соответствии с законодательством почти каждое муниципальное образование приняло и реализует в настоящее время муниципальную программу по совершенствованию дорожно-транспортной инфраструктуры, и такие программы являются преобладающими. Делается акцент на том, что в муниципальных программах по развитию инфраструктуры особое место занимает коммунальная, однако в результате проведенного анализа выясняется, что развивать и восстанавливать коммуналь-

ную инфраструктуру практически невозможно из-за малого уровня ресурсов.

По итогам исследования также делается вывод, что социальная инфраструктура не создает материальных благ, однако развивающееся сельскохозяйственное производство объективно требует ее развития для сохранения на селе кадров сельхозпроизводителей.

Ключевые слова: местное самоуправление, сельские поселения, сельские муниципальные образования, дорожная и транспортная инфраструктура, социальная инфраструктура, коммунальная инфраструктура

Abstract. The article analyzes and studies the essential aspects and stages of implementation of municipal programs for infrastructure development of rural settlements in Stavropol Krai. It shows that the development of municipal entities is carried out pursuant to municipal programs aimed to promote essential services throughout local communities. The paper provides insight into settlement infrastructure, describes its key sub-systems, proposes a typology for municipal rural settlement infrastructure development programs. It also analyzes a number of program charters and identifies their compulsory structural elements, with emphasis being laid on regulatory support of such programs. It is confirmed that in furtherance of the adopted legislation virtually every municipal entity has enacted and is currently implementing individual municipal programs for the development of transport infrastructure, the latter prevailing. It is stressed that the municipal infrastructure development programs give special attention to community (public) facilities, but the conducted analysis reveals there are almost no decent opportunities to develop and restore municipal engineering networks because of scarce resources.

The study concludes that social infrastructure creates no material benefits but the advancing agri-production requires it be sustained for sufficient agricultural staffing in rural territories.

Keywords: local self-governance, rural settlements, rural municipal entities, transport infrastructure, social infrastructure, community facilities

Введение

Местное самоуправление реализует свой потенциал через многочисленные формы внедрения в жизнь целей и задач гражданского общества и, в первую очередь, самоорганизации населения. Социальный институт местного самоуправления осуществляет свои функции, опираясь на весь комплекс ресурсов — финансовых, материальных, информационных, человеческих, кадровых. При этом необходимо сделать акцент на том, что в сельских муниципальных образованиях перечисленные ресурсы весьма скудны. Так, в качестве примера можно привести такой факт: согласно паспорту муниципальной программы «Реализация молодежной политики в муниципальном образовании Новодеревенского сельсовета Кочубеевского района Ставропольского края на 2018–2020 годы» (с населением порядка 8 тысяч человек, в него входят 10 населенных пунктов), на развитие социальной инфраструктуры по этой программе прогнозируемые объемы собственного финансирования составили: 2018 год — 10 тыс. рублей; 2019 год — 10 тыс. рублей; 2020 год — 10 тыс. рублей [Муниципальная программа «Реализация...»].

Развитие сельских муниципальных образований осуществляется в соответствии с муниципальными программами, которые охватывают своими задачами, отраженными в них (или в подпрограммах), практически все стороны жизни местного сообщества.

Исследователи выделяют объективные элементы, связанные с воздействием на целеполагание социальных структур и институтов. Изменение целеполагания приводит к трансформации регулятивных элементов в жизни общества [Родионова 2015: 220]. Анализ муниципальных программ сельских муниципальных образований Ставропольского края позволяет отметить такие из них, как программы молодежной политики в муниципальном образовании, развития социальной и коммунальной сферы, жилищного и дорожного строительства, образования, здравоохранения и др.

В данном исследовании мы остановимся на муниципальных программах сельских поселений Ставропольского края, направленных на развитие инфраструктуры муниципальных образований.

Объект и методы исследования

Инфраструктура — в самом общем представлении — это система обслуживания, создающая благоприятные условия в основных отраслях экономики, удовлетворяющие потребности населения. В составе инфраструктуры муниципальных образований принято выделять следующие основные подсистемы:

– социальную инфраструктуру (к ее объектам на селе относят медицинские и детские дошкольные учреждения, организации общественного питания, учебно-производственные комбинаты, службы по охране труда, спортивно-оздоровительные организации, связь и информационные службы);

– инженерную инфраструктуру (в том числе подразделения жилищно-коммунального хозяйства);

– транспортную и дорожную инфраструктуру (в том числе транспорт, обслуживающий рабочих и служащих).

Обратившись к позиции Т. Н. Духиной, согласно которой «социальная структура местного, в том числе и сельского, сообщества — это сеть устойчивых и регулярных связей между социальными институтами, группами и организациями, существующими и взаимодействующими в рамках отдельно взятого муниципального образования, оказывающая влияние на функционирование и развитие регионального социума» [Духина 2012: 192], можно утверждать: именно местное самоуправление как социальный институт обеспечивает успешность развития сельской инфраструктуры.

Исследование осуществлялось методом анализа документов, в качестве которых были рассмотрены муниципальные программы, в соответствии с которыми реализуются задачи развития инфраструктуры ряда муниципальных образований Ставропольского края. В ходе работы мы сравнивали муниципальные программы развития инфраструктуры сельских поселений Ставропольского края.

Результаты исследования и их анализ

Анализируемые муниципальные программы можно разделить на три вида:

– отражающие задачи комплексного развития, включающие, наряду с другими вопросами (молодежная политика, социальное

обслуживание), вопросы развития сельских муниципальных образований в целом;

- направленные на развитие инфраструктуры муниципальных образований в целом;

- ряд программ по отдельным направлениям развития инфраструктуры;

Кроме того, отметим, что на ряде сайтов сельских муниципальных образований Ставропольского края отсутствуют программы развития инфраструктуры поселений.

В настоящее время в Ставропольском крае (далее — СК) насчитывается 734 сельских населенных пункта, из них 268 имеют статус «сельское поселение», а остальные входят в состав 284 сельсоветов; понятно, что дать всеобъемлющий анализ развития инфраструктуры сельских муниципальных образований СК в рамках одной статьи — представляется возможным только по отдельным позициям. Так как нами рассматриваются сельские муниципальные образования, то речь идет в основном о развитии социальной, коммунальной и дорожной инфраструктуры. Исходя из этих соображений, мы детально проанализировали только ряд характерных муниципальных программ, представленных пятью муниципальными образованиями СК, и выделили несколько закономерностей.

Мы проанализировали содержание ряда положений, устанавливаемых муниципальными программами. Все они утверждены либо постановлениями администраций, либо решениями представительных органов поселений, сельсоветов или муниципальных районов СК. Анализу подверглись следующие программы:

- комплексного развития социальной инфраструктуры муниципального образования станица Боргустанская Предгорного района;

- комплексного развития коммунальной инфраструктуры муниципального образования Ставропольского сельсовета Благодарненского городского округа;

- «Социально-экономическое развитие муниципального образования Новодеревенского сельсовета Кочубеевского района Ставропольского края на 2016–2020 гг.»;

– комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры муниципального образования Старомарьевского сельсовета Грачевского района;

– «Развитие дорожного хозяйства Шпаковского муниципального района».

В результате анализа обнаружено, что большинство программ выполнено в типовой форме, включающей непременно их паспорт. Проанализировав ряд паспортов программ, мы обнаружили, что несколько структурных элементов наличествуют в обязательном порядке. Это касается: наименования программ (все паспорта); оснований для их разработок (почти все); муниципального заказчика программы, ее разработчика, исполнителей программ и субъектов, осуществляющих контроль (обычно это одно лицо — все эти функции выполняют исполнительные органы власти муниципальных образований, есть, правда, небольшие исключения); целей и задач программ (анализируемые муниципальные программы по развитию инфраструктуры сельских населенных пунктов четко выделяют цели, иногда разбиваемые по пунктам, конкретизируют ряд задач программ); сроков их реализации (отдельные программы, например, администрации муниципального образования Старомарьевского сельсовета Грачевского района, называют, помимо сроков, ряд этапов их исполнения); ожидаемых конечных результатов, также приведенных в большинстве программ; важнейших целевых показателей (индикаторов) — их формулировки зависят от устремленности направлений программ, отраженных в их наименованиях, и от целей программ; перечня, включающего основные мероприятия программ с указанием объемов и источников финансирования (их приводят все программы).

Отметим такой обязательный раздел в паспортах муниципальных программ, служащий основанием для их разработки, как нормативная база. В качестве базового нормативного правового акта используется закон от 06.10.03 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Об общих принципах...2003]. Другими основаниями служат те законы и подзаконные акты, которым следуют авторы программ, собирающиеся реализовать их в различных отраслях социальной,

инженерной и транспортной инфраструктуры муниципального образования.

В их числе выделяются: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»; постановление Правительства РФ от 25.12.2015 г. № 1440 «Об утверждении требований к программам комплексного развития транспортной инфраструктуры поселений»; закон от 08.11.2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Российской Федерации»; закон Российской Федерации от 27.07.2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении»; Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации» на 2006–2015 годы; «Правила охраны водоемов от загрязнения сточными водами», а также требования СанПиН 4630-88; Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 23.04.2018); Генеральные планы муниципальных образований.

Далее проанализируем, на развитии какой муниципальной инфраструктуры сосредоточено преобладающее количество муниципальных программ поселений сельского типа Ставропольского края. Выявлено, что почти каждое муниципальное образование приняло и реализует в данное время муниципальную программу (или подпрограмму), направленную на совершенствование дорожно-транспортной инфраструктуры. Дело в том, что в 2003 г. был введен в действие Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», и в связи с этим правительство РФ поставило задачу перед местными властями: отрегулировать движение транспорта так, чтобы жители дальних населенных пунктов смогли за один рабочий день посетить соответствующий райцентр (побывать в поликлинике, налоговой инспекции и др.) и вернуться назад.

Президент РФ В. В. Путин, выступая 1 марта 2018 г. с Посланием перед Федеральным Собранием, охарактеризовал дорожную инфраструктуру страны так: «Мы серьезно обновили федеральные автомобильные трассы (77,2 % федеральных автомобильных дорог соответствуют нормативным требованиям. — Т. Б.). Теперь предстоит привести в порядок региональные и местные дороги. Сос-

тояние дорог должно быть в центре внимания руководителей... Нужно наращивать качество и объемы дорожного строительства», ибо сельские дороги по-прежнему в очень плохом состоянии. Тут, конечно, не хватит только лишь местных ресурсов, поэтому президент конкретизирует задачу: «необходимо удвоение расходов (из федерального бюджета. — Т. Б.) на строительство и обустройство автомобильных дорог» [Послание Президента РФ... 2018].

Таким образом, объем государственных инвестиций в дорожное строительство и ремонтные работы составит в 2018–2024 гг. более 11 триллионов рублей. Это составляет более 70 % бюджета РФ на 2018 г. (15,1 триллиона рублей).

В муниципальных программах по развитию инфраструктуры особое место занимает коммунальная. Она почти повсюду в стране (особенно на селе) находится в ветхом состоянии. Наиболее это заметно на примере инженерных сетей. Конечно, нашему селу (кроме райцентров) пока еще далеко до центрального отопления и горячего водоснабжения (не говоря уже о хозяйственно-фекальной и ливневой канализации), однако водо- и газопроводы существуют практически повсеместно.

Ряд муниципальных программ касается этих проблем, от которых зависит жизнеобеспечение жителей населенных пунктов в сельской местности Ставропольского края. Однако в результате проведенного анализа выясняется, что восстанавливать коммунальную инфраструктуру практически невозможно из-за скудости выделяемых ресурсов.

Статья 7 (п. 1) Конституции РФ гласит: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Анализ выявил, что сельскими населенными пунктами в большинстве своем принимаются программы развития муниципальной социальной инфраструктуры. Цели программ сосредоточены в основном на том, чтобы повысить уровень и качество жизни селян. Сформулированы цели, однако, разнотипно. Понимание развития социальной инфраструктуры, например, содержится в Паспорте целевой программы «Социально-экономическое развитие муниципального образования Новодеревенского

сельсовета Кочубеевского муниципального района»: «Создание экономических и социальных условий для динамичного развития Новодеревенского сельсовета, обеспечивающего гармоничное развитие личности, повышение качества жизни населения муниципального образования. Обеспечение роста доходной части бюджета муниципального образования; повышение доходов населения; обеспечение высоких темпов роста новых рабочих мест».

Старомарьевский сельсовет (Грачевский район СК) в аналогичной программе развития социальной сферы отмечает: для того, чтобы обеспечить комфортное проживание сельских жителей, необходимо развивать социальную инфраструктуру, в том числе бытовое обслуживание, практически отсутствующее на селе.

Социальная сфера не создает материальных благ, однако развивающееся сельскохозяйственное производство (к примеру, в 2017 г. в крае собрано более 10 млн т зерновых) объективно требует адекватного ее развития.

Заключение

Сельское хозяйство становится важным фактором экономики, валютным ресурсом (Россия продает зерно за границу — в Турцию, Египет и др.). Значительное увеличение объемов производства способствует росту заработной платы, а значит, повышается уровень жизни сельчан. Расширяющееся сельскохозяйственное производство требует рабочих рук; это позволяет предупредить отъезд молодых людей в города, закрепляя их в сельской местности, в том числе развивая инфраструктуру муниципальных образований, и таким образом удается остановить вымирание села.

Литература

Духина Т. Н. Институциональная структура сельских сообществ: результаты социологического исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3. С. 191–193.

Муниципальная программа «Реализация молодежной политики в муниципальном образовании Новодеревенского сельсовета Кочубеевского района Ставропольского края на 2018–2020 годы» [электронный ресурс] // URL: <http://newderevnya.ru/normativnye-pravovye-akty/postanovleniya-administraczii> (дата обращения: 15.05. 2018).

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 [электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 15.05.2018).

Правила охраны водоемов от загрязнения сточными водами...Требования СанПиН 4630-88 [электронный ресурс] // URL: http://gostrf.com/norma_data/2/2845/index (дата обращения: 16.05.2018).

Родионова В. И. Социально-философский анализ технологизации социальных практик в современном обществе: дис. ... д-ра филос. н. Ставрополь, 2015. 332 с.

Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 23.04.2018) [электронный ресурс] // URL: <http://logos-pravo.ru/gradostroitelnyu-kodeks-rf-n-190-fz> (дата обращения: 16.05.2018).

О теплоснабжении: закон от 27.07.2010 №190-ФЗ (в ред. от 29.07.2017 № 279-ФЗ) [электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102975/ (дата обращения: 19.05.2018).

Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Российской Федерации: закон от 08.11.2007 г. № 257-ФЗ (в ред. от 29.12.2017 № 453-ФЗ) [электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/ (дата обращения: 16.05.2018).

Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: закон от 06.10.03 г. № 131-ФЗ (в ред. от 18.04.2018 № 83-ФЗ) [электронный ресурс] // Сайт Конституции РФ. URL: <http://constitution.garant.ru/act/local-government/186367/chapter/2cb9bddea07f9dfceeebba9d5bb6391/> (дата обращения: 16.05.2018).

Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской федерации» на 2006–2015 годы [электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/189071/> (дата обращения: 18.05.2018).

Программа комплексного развития социальной инфраструктуры муниципального образования станица Боргустанская Предгорного района [электронный ресурс] // Утв. решением от 27.09.2017 г. № 12 Совета депутатов станицы Боргустанской Предгорного района Ставропольского края. URL: <http://borgustanskaya.ru/?p=1788> (дата обращения: 20.05.2018).

Программа комплексного развития коммунальной инфраструктуры муниципального образования Ставропольского сельсовета Благодарненского района Ставропольского края на 2014-2016 гг. и на период до 2025 г. [электронный ресурс] // Утв. постановлением администрации Ставропольского сельсовета Благодарненского района Ставропольского края от 20 апреля 2014 г. № 41. URL: <http://p-stavropolskiy.ru/documents/326.html> (дата обращения: 20.05.2018).

Муниципальная программа «Социально-экономическое развитие муниципального образования Новодеревенского сельсовета Кочубеевского района Ставропольского края на 2016-2020 годы». Утв. постановлением

Администрации муниципального образования Новодеревенского сельсовета Кочубеевского района Ставропольского края от 18 декабря 2015 г. № 129 [электронный ресурс] // URL: <http://newderevnya.ru/normativnye-pravovye-akty/postanovleniya-administraczii/1683> (дата обращения: 20.05.2018).

Программа комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры муниципального образования Старомарьевского сельсовета Грачевского района. Утв. решением Совета депутатов муниципального образования Старомарьевского Сельсовета Грачёвского района Ставропольского края от 27 июля 2012 г. № 27 [электронный ресурс] // URL: <http://staromarevka.ru> (дата обращения: 20.05.2018)

Муниципальная программа Шпаковского муниципального района Ставропольского края «Развитие дорожного хозяйства Шпаковского муниципального района Ставропольского края на 2018–2020 гг.». Утв. постановлением Администрации Шпаковского муниципального района от 01 февраля 2018 года [электронный ресурс] // URL: <http://shmr.ru/regulatory/normativno-pravovye-akty/postanovleniya-rasporuzheniya/> (дата обращения: 20.05.2018).

К проблеме развития аграрных территорий

Development of Agrarian Territories Revisited

Ф. Н. Гарипов (F. N. Garipov)¹

¹ кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Российская Федерация). E-mail: loyal-z@bk.ru

Ph.D. in Economics (Cand. of Economic Sc.), Senior Research Associate, Institute of Socio-Economic Studies, Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russian Federation). E-mail: loyal-z@bk.ru

Аннотация. В материале особо отмечается значимость процесса развития сельских территорий. Как наиболее эффективное направление использования природных ресурсов сельских территорий рекомендуется два глобальных направления: закрепление сельской молодежи преимущественно по месту рождения и достижение прироста численности населения в этих регионах, повышение их технологической квалификации и диверсификация отраслевой структуры сельской экономики путем развития мини-производств, непосредственно несвязанных с сельскохозяйственной деятельностью, использования современного мирового опыта и его роли в «старой» русской экономике села.

Ведущим направлением развития сельских территорий признается вертикальная интеграция и формирование крупных межотраслевых корпораций. Рекомендуется более объективно оценить самогенерирующие возможности села, признать эйфорией роль фермерства в развитии сельской экономики, ориентироваться на коллективную форму собственности на земельные угодия и усиление внимания к развитию производственной и социальной инфраструктуры на сельских территориях юга страны.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ИСЭИ УФИЦ РАН на 2018 г.

Ключевые слова: сельские территории, вертикальная интеграция, сельская промышленность, межотраслевая корпорация, технологическая квалификация, человеческий фактор

Abstract. The paper emphasizes the significance of rural development in a general context of economic well-being. It identifies two major directions as most efficient means to use natural resources of rural territories, such as 1) binding of rural youth to birth localities, and 2) stimulation of population growth in such localities, creation of conditions for their further technical training, and diversification of rural economy through the development of minor — essentially non-agricultural — producing units, use of international practices and their impact on the ‘old’ Russian rural economy.

It is the vertical integration accompanied by the establishment of large-scale interindustry corporations that is viewed as a leading rural development model. The study recommends to take a more objective approach in estimating self-generated opportunities of the village, view farming and its role in rural economy as a pattern of mere euphoria, tilt toward collective ownership of land, and pay enhanced attention to the social and industrial rural infrastructure development in Southern Russia.

Keywords: rural territories, vertical integration, rural industry, interindustry corporation, technical skills, human factor

Введение

Существенные ресурсы экономического развития страны связаны с сельскими территориями. Сегодня они сосредотачивают около 2/3 общей площади страны и свыше 40 % населения. Это обобщенная картина потенциала развития. В ее содержании имеется ряд специфических составляющих. В частности, примерно 2/3 территории страны находится в зоне вечной мерзлоты и более 70 % сельскохозяйственных угодий — в зоне недостаточного увлажнения и, следовательно, неблагоприятны для возделывания культурных растений.

Состав населения сельских территорий характеризуется к тому же высокой долей людей пожилого возраста, которые лишь услов-

но могут быть причислены к категории экономически активных людей.

В то же время наличие около 50 % черноземов мира, сравнительно высокая обеспеченность водой и экологическая емкость российских просторов делают нашу страну конкурентоспособной и в аграрном отношении. В целом же на сельских просторах таится значительный ресурс экономического роста — как самих сельских территорий, так и экономического потенциала страны вообще.

Использование упомянутых возможностей сельских территорий является важнейшим компонентом социально-экономического развития страны в целом. Проблема эта, на наш взгляд, имеет *два* очевидных направления решения. *Во-первых*, государственной стратегией и целевыми программами следует добиться закрепления сельской молодежи преимущественно по месту рождения и добиться необходимых темпов роста численности и производственной квалификации населения.

Приоритетное значение, *во-вторых*, следует придать диверсификации отраслевой структуры сельской экономики, развивая не только производственные объекты доведения сельскохозяйственного сырья до продуктов конечного потребления, но и формируя мини-производства, непосредственно не связанные с сельскохозяйственной деятельностью. Направление это связано с созданием на сельских территориях промышленного типа производств по опыту Израиля и ряда других стран мира.

Результаты исследования и их анализ

Современная экономическая теория на основе изучения мирового опыта хозяйствования вывела формулу развития, которая в предстоящие годы останется ведущей тенденцией взаимодействий в экономической сфере — это неоиндустриализация технической базы производства и использование принципов вертикальной интеграции в организации деятельности по выпуску продукта конечного назначения [Амосов 2010: 23].

В развитых странах полностью доминирует экономика корпораций, а не малых предприятий, и в действительности господствует именно экономика вертикальной интеграции. Таким об-

разом, практика показывает действие закона соответствия — не-оиндустриальное производство средств производств осуществляется вертикально интегрированными корпорациями. Одно предполагает другое. Вне вертикально интегрированных форм организации нанотехнологичные производства не развиваются и не действуют.

Обобщение хозяйственно-экономической деятельности последних лет, проведенное специалистами разных стран, показывает, что в многоотраслевых корпорациях (т. е. в вертикально интегрированных структурах) извлечение прибыли не практикуется ни из производства средств производства, ни из производства сырья или полуфабрикатов. Нулевая рентабельность всего промежуточного производства — такова суть закона вертикальной интеграции. В соответствии с этим считается недопустимым, неэкономичным извлечение прибыли из добычи сырья и производства полуфабрикатов; совсем неприемлемо формирование условий, при которых из промежуточного производства извлекается не просто прибыль, а максимальная прибыль. Это ведет неизбежно к отрицанию эффекта производства конечной продукции и направлено на деиндустриализацию, а в итоге — к снижению конкурентоспособности обрабатывающей индустрии.

Считается, что пореформенная ситуация в экономике России в настоящее время в полном разладе с этим. И, когда интересы производителей, работающих на различных стадиях технологической цепочки, не соединены воедино и не связаны жестко с конечным результатом, остается олигархам извлечь прибыль из любой стадии производства, т. е. из конечного или промежуточного результата. Это легче, проще и достигается с меньшими усилиями. Но в итоге приводит к «сырьевому росту», а не к инновационному типу развития.

Принципы организации хозяйственной деятельности и предстоит перестроить с учетом этих обстоятельств, добиваясь слитности интересов предприятий различных стадий производства.

В годы тотальных реформ в конце XX в. «удалось» сломать практически весь организационно-хозяйственный механизм, обеспечивавший функционирование экономической системы страны

и ее поступательное движение к разрешению новых, поставленных временем задач. Пожалуй, больше всех в этот период «досталось» сельскому хозяйству: были разрушены экономические устои крупных форм хозяйствования и навязана идея фермеризации. Происходило это при активной реформаторской деятельности по созданию частной собственности на средства производства. Сельхозтоваропроизводитель, как и все сельское население, не овладев даже элементарными основами, был перенацелен на рыночное поле деятельности [Яськова, Фомина 2015: 27].

В этой реформаторской гонке оказались забыты не только отечественный опыт, но и зарубежная практика. В результате как генеральное направление аграрного развития страны преподносилась фермеризация, и она активно навязывалась крестьянству. При этом часто реформаторы ссылались на модель организации аграрного сектора в США, и фермеризация преподносилась как ключевой фактор успеха в аграрной сфере, и фермерство было объявлено панацеей от наших собственных бед.

Институциональные преобразования в хозяйственном комплексе любого государства — процесс непрерывный, в основе которого лежат спонтанные импульсы. Квалифицированность и эффективность менеджмента характеризуются способностью улавливать эти моменты и своевременно, и тактически объективно на них реагировать. Сложность действия, прежде всего, пожалуй, в том, чтобы не только их «прочитать в жизни» (распознать), но и расчленить на составляющие совокупного процесса (результата), вызова времени и отличить внутренние и внешние моменты воздействия.

С началом широкомасштабных реформ в России 1990-х гг. на управленческие структуры навалилось множество неотложных проблем, замедление решения которых подталкивало к снижению результативности ряда секторов экономики и ухудшению показателей качества жизни населения страны. Образовался «затор» управленческих проблем и в условиях недостатка квалифицированных менеджеров дело «забуксовало».

Поспешные шаги, стремление срочного выправления ситуации привели к вводу в систему стимулов общественного разви-

тия импульсов, не только не свойственных (не соответствующих менталитету народа), но и не учитывающих реальную ситуацию, сложившееся соотношение хозяйственных блоков и закономерностей эффективного функционирования экономики и позитивного развития самого человека.

Попытки на марше преодолеть отдельные стадии развития в новом направлении, проскочить их или миновать вовсе, были обречены. Более того, они только усугубили решение ряда организационных и управленческих вопросов, хотя отбросить их из системы необходимых последовательных мер было невозможно. Дело, таким образом, все усугублялось, а лихорадочные перестановки кадров так и оставались мало результативными.

Передышки пришли из внешних источников, которые были связаны с развитием мировой экономики и ростом спроса на мировых рынках на сырьевые ресурсы: энергоисточники, металл и прочее. Взамен нам предлагалось продовольствие. В результате происходит абсолютно неперспективное, точнее стратегически проигрышное взаимодействие с мировой экономикой.

Между тем, само развитие сельских территорий как обязательный фрагмент нашей регулирующей деятельности и слагающий общий результат — необходимое условие движения к рациональности [Амосов 2010: 25]. Из множества компонентов, лежащих в основе территориальных интересов, подключение ресурсов человека — жителя сельской территории и активное его использование — один из путей повышения эффективности вещественных элементов роста.

Сельскохозяйственная деятельность, являясь по существу безальтернативной и определяющей уровень занятости в сельской местности, формирует основу экономических условий сельских муниципальных образований. Поэтому результативность управления жизнью на сельских территориях изначально связана с эффективностью агрохозяйственной деятельности.

В настоящее время проблемы развития сельского хозяйства, его будущее обсуждаются практически во всех странах мира на фоне неослабевающей тенденции обострения продовольственного вопроса.

Противодействующим моментом развитию этих тенденций воспринимается технологическое совершенствование сельскохозяйственного производства. Хотя и ресурсы этой меры так же достаточно ограничены и во многом приближаются к предельно допустимым значениям из-за снижения пищевой ценности генетически модифицированных продуктов и в целом усиления воздействия на результат проблем экологии. В частности установлено, что пестициды не помогут повышению урожайности при интенсификации земледелия: проявилась биологическая (эволюционная) приспособляемость сельскохозяйственных типов возбудителей грибковых поражений растений, которые выработали иммунитет и обрели способность перерабатывать химические вещества. В результате этих перемен изменились прежние ставки: они теперь ориентированы на биологические и микробиологические способы борьбы. Только при этом становится возможным сохранение экологического баланса в природе и снижение потерь урожая (а потери зерна от вредителей близки к 1/3 массы биологического урожая). На этом фоне становится ясным, почему в последние годы на Западе особо ценятся специалисты по генной инженерии, биотехнологии и микробиологии.

В обществе существуют разные точки зрения при оценке преимуществ и недостатков каждой из организационных форм ведения дела на сельских территориях. Пожалуй, довлеющей является та, которой придерживаются сегодняшние властные структуры (оно и понятно). Преподносится как аксиома, что при государственной форме собственности слабо проявляется «человеческий фактор». При коллективной и коллективно-долевой собственности человеческий фактор тоже не самый сильный, но может быть использован достаточно широко технологический прогресс.

Считается, что при частной форме собственности появляется потенциальная возможность наиболее активного включения человеческого фактора. Но сознается, что при этой форме создается препятствие к применению прогрессивных технологий и достижений НТП. При смешанной форме собственности эти факторы производства могут быть использованы более или менее оптимально с учетом их достоинств и недостатков.

На наш взгляд, в целом не приемлемы суждения об исключительности коллективной или частной формы собственности, или, напротив, их недопустимость. Непродуктивны подобные суждения, в них отсутствует практическая ценность. Мы считаем, что все формы собственности имеют право на жизнь. В современных публикациях, тем не менее, утверждается, что включение человеческого фактора может повысить урожайность полей и продуктивность животных на 25–30 %, в то время как в результате внедрения достижений НТП рост может быть в 1,5–2,0 раза выше [Михневич 2003: 120].

Отечественный и западный опыт показывает, что в АПК производство более эффективно при рациональном сочетании различных форм собственности. Критерий выбора формы собственности один — максимальный экономический и социальный эффект.

Нестабильность форм хозяйствования, разрыв функционально-производственных связей между предприятиями и организациями АПК, рассредоточение важнейших управленческих функций стали серьезной помехой росту эффективности и ведут к ослаблению взаимодействия в аграрном секторе. К тому же к снижению управляемости приводит и то, что административные методы воздействия, по сути, не действуют на свободных товаропроизводителей, а экономические методы еще слабы (не овладели управленцы). Есть острая нужда в том, чтобы скорректировать управленческие отношения в сложившейся ситуации.

Изучение проблемы показывает, что ведущим аргументом при модернизации управления в АПК должно стать более объективное разграничение полномочий и функций государственного, политического и территориально-хозяйственного управления и самоуправления и построение на этой базе быть может иногда и промежуточных, но обязательно адекватных задачам этапа системы регулирования, обеспечивающей взаимодействие коллективов с властными структурами, смежниками и родственными предприятиями.

В структуре сельского хозяйства необходимо формировать приемлемое (разумное) сочетание крупных, средних и малых форм хозяйствования; уделить повышенное внимание оснащению тех-

нологических процессов, особенно в зерновом хозяйстве, современными высокопроизводительными техническими средствами, позволяющими существенно сократить потери выращенной продукции в процессе ее уборки и заготовки. Проводить системную работу по семеноводству и племенному делу. Реализовать элементы стратегии приближения процессов первичной переработки к местам производства сырья; в определенной мере контролировать вопросы ценообразования, особенно на энергоносители.

Благоприятные результаты сельского хозяйства 2017 г. довольно неожиданны. В его основе — природный фактор. И это не должно создавать иллюзию того, что здесь все в порядке. Это было бы заблуждением. Подобное было с фермерством, но, похоже, это уже проходит.

Эффективность любой организационной структуры характеризуется уровнем производительности труда. По этому показателю мы не являлись и сейчас не являемся лидером: отставание от США по сельскому хозяйству в 4,5 раза. Разрыв в последний период вырос еще больше.

Рассматривая показатель производительности труда как один из важнейших в части оценки эффективности сельскохозяйственного продовольствия, следует отметить, что на него оказывает влияние не только уровень фондовооруженности, но и другие факторы, одними из важных среди которых являются климатические условия сельскохозяйственной деятельности.

Сельскохозяйственные угодья (обрабатываемая земля, постоянные луга и пастбища) в структуре землепользования в СССР были менее 30 %, а в США — около 70 %, т. е. разница двукратная (площадь всех сельскохозяйственных угодий мира — 4 407 млн га). При сопоставимости размера посевных площадей США и РФ в настоящее время продуктивность этих земель различается существенно. Это в том числе из-за температурного режима: 60 % угодий у нас — в зоне холодного климата (со среднегодовой температурой воздуха +5С, а в США — только 10 %; в засушливых и полувасушливых зонах с годовым количеством осадков менее 400 мм у нас 40 % угодий, в США — только 11 %). В результате мы находимся

в менее благоприятных природных условиях (БКП² наших земель в 4,0–4,5 раза ниже). Следовательно, урожайность у них более стабильная, а у нас — наоборот. Фермерство у них допускалось по природно-климатическим факторам — более устойчивый результат. Кроме того, в южных штатах были обширные площади, надо было эти пустующие по существу участки закрепить за США, и они организовали там фермерские хозяйства, поддерживали их экономически, пока те не встали на ноги [Удалов 2015: 69].

Заметим, что производительность труда определяется не только уровнем фондовооруженности труда. «Американские фермеры — сельхозработники на генетическом уровне... Когда встречаешься с такими аграриями, понимаешь, что существуют счастливые люди, превратившие тяжелую работу в постоянное хобби» [Протопопов 2007: 99]. В последнее время фермерство, тем не менее, перестает играть ведущую роль в сфере сельскохозяйственного производства США. В лидеры выходят крупные специализированные предприятия, чья доля на рынке превышает 80 % [Протопопов 2007: 100–102]. В США, как и в других развитых странах мира, идет и процесс укрупнения сельхозпроизводителей.

У нас не только ликвидировано крупное сельскохозяйственное производство, но и явно слабеют рычаги управления сельским хозяйством. Агросектор США, между тем, отнесен к первой группе по обеспечению энергоносителями, как и вооруженные силы и оборонная промышленность. И неслучайно сельское хозяйство США — мировой лидер в технологии отрасли: несколько десятков программ развития агронауки и внедрения НИОКР финансирует федеральный бюджет. Не бросают свое сельское хозяйство и другие развитые страны.

Сельскохозяйственные сектора РФ и США несопоставимы, по крайней мере, по 4 показателям: природным условиям, фондовооруженности, кадровой обеспеченности и государственной поддержке.

При развитии южных территорий все же надо помнить, что у нас менее благоприятные условия для сельского хозяйства; это проявляется в уровне вооруженности труда, технологической оснащенности, подготовке кадров. По ним мы будем уступать.

² БКП — биоклиматический потенциал.

Таковы объективные природные условия, которых мы не можем изменить глобально, а лишь приспособиться и дать меньшее количество результата, но более ценного с точки зрения качественных параметров.

Решить проблему развития сельских территорий у нас без ведущей роли государства невозможно. Концептуальное определение направления развития должно сочетаться с кадровым обеспечением и однозначным определением того, в чьей собственности в настоящее время находится земля, ранее принадлежавшая или государству (если это были совхозы), или являлась кооперативной собственностью в колхозах. И сейчас главное — как эта земля должна использоваться. Ликвидация колхозов и совхозов привела к наделению землей каждого члена соответствующего коллектива. Это было непродуманное мероприятие, часть земли в результате оказалась выведенной из эксплуатации, заросла кустарником.

Другая проблема сегодня — обеспеченность специалистами: выпускники аграрных учебных заведений не возвращаются, а уходят на промышленные предприятия.

Между тем, крупные сельскохозяйственные предприятия под патронажем государства не отрицают наличие фермерства, но не в качестве главного поставщика продовольственных ресурсов. В США крупные сельскохозяйственные организации дают 65 % всей сельскохозяйственной продукции. Средний размер угодий ферм США — 200 га, а крупных растениеводческих ферм — несколько тысяч га.

На современное развитие сельских территорий юга России наложились дополнительные обстоятельства, усложняющие этот процесс. Если ранее это развитие, его содержание и темпы обуславливались внутристрановыми обстоятельствами, во всяком случае, они определялись внутренними условиями и управлялись в соответствии с квалификацией специалистов собственной страны, то теперь это не так. В связи с вступлением России в ВТО в 2012 г. ситуация изменилась, и мы уже не можем в прежней мере определять условия развития для своей страны. На процесс этот существенно возросло влияние стран, имеющих более природно-выгодные территории в части увлажнения и температуры,

обуславливающие продолжительность времени для выполнения сельскохозяйственных работ. Благополучие это в 2,5–3,0 раза превосходит наши условия. В итоге результат деятельности у них достигается меньшими затратами (удельными), и их продукция позволяет вести демпинговые приемы по отношению к странам с относительно менее благоприятными условиями на продовольственном рынке.

Более низкие урожаи у нас вынуждают обработать более масштабные площади в процессе подготовки почвы, приходится убирать (сбирать) урожай с больших территорий и транспортировать его на большие расстояния. Таким образом, мы получаем более дорогую продукцию. На рынке покупатель отдает предпочтение более дешевым товарам при их равноценности по качеству. В итоге рынок выталкивает нашу продукцию, и сужаются экономические возможности для самофинансирования, теряются темпы развития отрасли.

Заключение

Достигнутая эффективность производства — не всегда основание при выборе направлений интенсификации в территориальном разрезе. Зачастую для общества выгоднее вкладывать туда, где производство в настоящее время малоэффективно.

Между тем, эффект дополнительных вложений, в частности удобрений, зависит от наличия в почве влаги, именно это обстоятельство определяет биологическую урожайность. Расхождение между биологической и фактической урожайностью может служить косвенной характеристикой направлений интенсификации: снижение эффективности дополнительных затрат по мере использования дефицитного ресурса (при качественно однородных факторах).

Необходимо предусмотреть более высокие темпы роста, где достигнутый уровень значительно отклоняется от своего потенциального уровня — биологической урожайности. В этих условиях отстаивать свои интересы можно лишь при двух главных условиях. Во-первых, избежать фермеризации основных видов деятельности. Только крупные организационные формы, базирующиеся на

высокотехнологических приемах ведения хозяйства, обеспечат более массовые высокие результаты по дешевизне продукции; во-вторых, ориентироваться на более высокое качество продукции, избегая ГМО (генетически модифицированных организмов).

Литература

Амосов А. Размышления об идеологии развития // Экономист. 2010. № 7. С. 20–27.

Михневич С. Многофункциональность сельского хозяйства и ее влияние на процесс либерализации мировой торговли // Вопросы экономики. 2003. № 1. 117–127.

Протопопов И. В. Информационный образ аграрного сектора США // США–Канада: Экономика, политика, культура. 2007. № 8. С. 98–110.

Удалов Ф. и др. Сельское хозяйство России: организационный и кадровый аспекты // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 8. С. 68–75.

Яськова Н., Фомина Л. Управление ресурсами пространственно-территориального развития: современный формат // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 8. С. 24–31.

Поселок Маныч: современное состояние и факторы возрождения¹

The Village of Manych: Contemporary State and Factors of Revival

Г. Д. Гриценко (G. D. Gritsenko)¹

¹ доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону, Российская Федерация). E-mail: dissovet@rambler.ru

Ph.D. in Philosophy (Doct. of Philosophical Sc.), Professor, Chief Research Associate, Federal Research Center - Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: dissovet@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению небольшого населенного пункта как социально-территориальной единицы, для которой характерны уникальные природно-климатические и бальнеологические ресурсы. В ходе постановки и рассмотрения исследовательской проблемы была разработана методологическая модель социально-территориальной единицы и предложены для ее эмпирического апробирования две поисковые стратегии: количественно-качественная и собственно качественная. Выбранные методология и стратегия исследования позволили определить факторы негативных процессов, типичных для небольших сельских поселений, расположенных на Юге России. Это, прежде всего, отсутствие финансово-экономической и организационно-правовой помощи и поддержки сельскохозяйственному производству, осуществляемому конкретной социально-территориальной единицей, со стороны органов государственной и муниципальной власти, а также снижение трудовой активности селян из-за отсутствия опы-

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Конфликтологические прогнозы и сценарии Юга России» (Государственное задание на 2018 г. № госрегистрации АААА-А16-116012610051-6).

та самостоятельного ведения фермерского хозяйства. Кроме этого, были выявлены факторы потенциального возрождения поселка Маныч, обусловленные его конкретно-историческими и природно-климатическими условиями.

Ключевые слова: поселок Маныч, хозяйственно-экономическая стагнация, разрушающаяся социальная инфраструктура, природно-климатические и бальнеологические ресурсы

Abstract. The article studies the small settlement as a socio-territorial unit characterized by unique natural, climatic and balneological resources. The research problem statement resulted in a certain methodological model of the socio-territorial unit accompanied by two strategies for its empirical testing, namely, qualitative/quantitative and purely qualitative ones. The selected methods and research strategy made it possible to identify some factors of negative processes typical for small settlements of Southern Russia. Most notably, those include lack of financial, economic, organizational, and legal support to agricultural activities undertaken by certain socio-territorial units on behalf of state and municipal authorities; decrease in working activities of rural dwellers resulting from lack of independent farming experiences. Moreover, the study reveals a number of factors for the potential revival of Manych village determined by its specific historical, natural, and climatic conditions.

Keywords: village of Manych, economic stagnation, wrecked social infrastructure; natural, climatic and balneological resources

Введение

Успешное социально-экономическое развитие России в значительной степени зависит от модернизации регионов. Понимание такой обусловленности находит отражение как в результатах научной деятельности ученых [Проблемы модернизации 2012; Региональная социология 2007], так и в управленческих решениях государства [Послание Президента 2012]. И неслучайно внимание исследователей привлекают проблемы небольших населенных пунктов [Социально-исторический портрет 2009]: игнорирование их состояния может привести к оттоку и сокращению сельского населения, что, в свою очередь, сможет привести к риску социокультурной и экономической стагнации.

Еще не менее важной причиной выбора именно поселка Маныч является его уникальные природно-климатические и бальнеологические ресурсы, издавна применявшиеся для оздоровления населения и в настоящее время практически не востребованные.

Именно этими причинами вызван исследовательский интерес к поселку сельского типа Маныч Ростовской области. Без достоверной развернутой всесторонней информации о болевых точках социально-территориальных единиц, образующих тот или иной регион, разработать эффективную и оптимальную социально-экономическую политику сложно, если вообще возможно. Управленческий аспект в определении исследовательской проблематики был одним из важных, поскольку поселок Маныч как социально-территориальная общность содержит проблемы, которые в большей своей части типичны для современной российской глубинки (социальные, экономические, демографические, этнические, культурные и экологические), но в то же время обладает ресурсами возрождения в качестве самодостаточной социально-экономической единицы. В этой связи важно определить не только современное состояние проблемного поля поселка Маныч и его особенности, но и выявить факторы потенциального социально-экономического возрождения данной социально-территориальной единицы, интегрирующей в себе разнородные природно-биологические и социально-антропологические характеристики.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является поселок Маныч как социально-территориальная общность.

Учитывая важность принятия научно обоснованных управленческих решений при разработке программ социально-экономического развития отдельных территорий, была разработана методология исследования социально-территориальной единицы и предложены поисковые исследовательские стратегии.

На первом этапе исследования была построена методологическая модель социально-территориальной единицы, для эмпирического исследования которой были определены шесть групп показателей: а) исторически сложившаяся пространственная обособленность; б) территориальная концентрация населения; в) со-

циально-экономическая целостность; г) «самодостаточность» производственной и непроизводственной сфер для удовлетворения основных потребностей населения; д) специфика качественного состояния населения и среды его жизнедеятельности; е) осознание большинством жителей принадлежности к данной территориальной общности.

Для эмпирического апробирования данной модели было использовано сочетание количественно-качественной и собственно качественной поисковых стратегий. Количественно-качественная поисковая стратегия выразилась в использовании: а) анализа статистических документов, содержащих сведения о численности населения, его составе, миграционных потоках и т. д.; б) анализа личных документов, включающих воспоминания людей об истории и современном состоянии поселка; в) анализа нормативно-правовой документации, охватывающей разные стороны жизнедеятельности поселка, его производственных подразделений и населения; г) контент-анализа печатных СМИ Ростовской области, в которых отразились разные аспекты функционирования современного села, в том числе экологические; д) контент-анализа выступлений официальных лиц областного, районного и муниципального уровней.

В качественной стратегии применялись разные виды интервью: неструктурированное (свободное), полуструктурированное (опрос экспертов) и групповое (фокус-группа). К исследованию было привлечено около 30 чел. Респондентами были: жители, постоянно проживающие и работающие в Маныче; представители областного, районного, сельского и поселкового уровней власти и управления; руководители санатория «Маныч»; представители общественных организаций — Ассоциации «Живая природа степей»; руководители Ростовского заповедника (земли которого примыкают к территории поселка Маныч); представители чеченской диаспоры. Для проведения полевого этапа исследования было осуществлено 5 экспедиций в пос. Маныч, по одной — в администрацию Орловского района и Волочаевского сельского поселения.

Результаты исследования и их анализ

Экономическая составляющая жизнедеятельности поселка Маныч определяет все остальные сферы регионального сообщества. В ходе исследования было выяснено, что экономика характеризуется негативной динамикой. Если двадцать лет назад в поселке функционировало шесть фермерских хозяйств, в основном овцеводческие, пять лет назад — одно зерноводческое фермерское хозяйство с 400 га пашни, то три года назад фермерское производство перестало существовать и не возрождено до настоящего времени. Сбылись худшие предположения фермера о свертывании сельскохозяйственного производства: заниматься выращиванием пшеницы стало убыточным из-за, во-первых, участившихся случаев засухи (антропогенные изменения гидрологического режима и ухудшение качества воды водоема-накопителя привели к опустыниванию степей, засолению почв, что, по утверждению ученых [Миноранский 2015], резко усилилось в последние 7–10 лет); во-вторых, отсутствия организационно-управленческой и финансово-экономической помощи фермерскому хозяйству со стороны государства; в-третьих, отсутствия опыта самостоятельного ведения фермерского хозяйства, осложненного неразработанностью организационно-правовой базы. Следующим отрицательным моментом в экономической сфере поселка стало уменьшение поголовья скота, находящегося в собственности жителей. Прежде всего, сократилось поселковое стадо крупного рогатого скота; сократилась численность овец; из хозяйств стали исчезать лошади, произошло сокращение и таких домашних животных, как козы, индейки, куры, гуси. Такая негативная ситуация возникла, как показал экспертный опрос, в результате разрушения в животноводстве прежних производственно-экономических, хозяйственных связей (например, в советское время овцеводческая продукция закупалась Невинномысским шерстомойным комбинатом, построенным еще в 1895 г., но закрытым в начале 2000-х гг.) и недоступности рынков сбыта овцеводческой продукции в северокавказских республиках. К этим объективным социально-экономическим факторам присоединились субъективно-психологические и организацион-

но-управленческие (в результате административного «упорядочивания» земельных отношений произошел рост арендной платы за пользование пастбищем, рост цен на концентрированные корма).

В поселке исторически существовало производство кумыса, который потреблялся санаторием «Маныч» в качестве кумысолечения пациентов. До 2013 г. было фермерское хозяйство, преобразованное в личное подсобное хозяйство, но переставшее существовать в настоящее время.

В то же время в экономике поселка есть положительные моменты: в поселок начал приезжать молоковоз для закупки у населения молока, что экономически выгоднее для крестьян, чем производить сыр и продавать его частным закупщикам, как это было прежде. Новым явлением в хозяйственной жизни поселка стало развитие овцеводства мигрантами, переехавшими из других районов Юга России на постоянное место жительства в Маныч. Например, по словам местных жителей, семье даргинцев удалось сохранить поголовье овец: их отара состоит примерно из 300 овец. Даная ситуация может быть расценена как переход экономической активности из рук местного населения в руки мигрантов, имеющих иную этническую принадлежность, увеличивая тем самым этническую миграцию в этот регион, а следовательно, потенциально и этническую напряженность.

Этнодемографическая ситуация изменяется с каждым годом в сторону увеличения нерусского населения и в результате оттока русского населения из данного региона. Русские старожилы отмечают рост недовольства среди местного населения и тем, как вновь прибывающие этнические мигранты ведут свое хозяйство, и тем, как они строят свои отношения с односельчанами. В интервью эксперты отмечают, что, «по официальным данным, примерно 10 % этнических мигрантов не имеют прописки, но в действительности эта цифра гораздо больше < ... > мигранты практически ничего не оформляют: ни кошары, ни свет, ни воду, которыми пользуются < ... > как правило, у многих мигрантов отсутствуют официальные разрешения на выпас скота... А если есть такое разрешение, то в похозяйственной книге может числиться 300 овец, а визуально количество поголовья насчитывает

более 1,5 тыс. < ... > Вода для скота „добывается“ варварским способом: вскрываются водопроводные трубы, которые после ремонта водопровода ремонтными службами района остаются не засыпанными, заполняют ее заранее вырытую яму, из которой наполняют свои цистерны, перевозимые затем к „своим“ кошарам и т. д. ...» [Гриценко и др. 2017: 67–69].

Бесконтрольность использования, а нередко эксплуатация природных ресурсов приводят к их постепенной утрате. Эксперты сетуют на то, что «... Земля не отдыхает < ... > Зимой скот не оставляют на стоянках < ... > Отсутствие ветеринарной практики приводит к распространению болезней в отарах. Умерший скот сбрасывают просто в овраг, не предпринимая никаких санитарно-эпидемиологических мер...» [Гриценко и др. 2017: 70–72].

При этом, по утверждению экспертов, действующее законодательство не позволяет работникам заповедника вести полноценную борьбу с нарушителями. Составленные инспекцией охраны заповедника «протоколы о нарушениях мигранты-нарушители не подписывают. Для того чтобы „обеспечить“ протоколу юридическую силу, нужно два независимых „свидетеля-понятых“. Где их взять в степи? < ... > Особенно сложно — с выходцами из Дагестана < ... > Сегодня, — заявляют эксперты, — рычагов реагирования на факты нарушения выпаса животных на запрещенных территориях гораздо меньше, чем в прошлые годы. Приходится обращаться к руководству дагестанской диаспоры; в случае с чеченцами — к старейшинам. < ... > с чеченцами, нарушившими правила выпаса скота, как правило, вопрос решается положительно < ... > число таких нарушений незначительно < ... > Дагестанцы же ведут себя вызывающе < ... > Все юридические и хозяйственные проблемы им удастся решить в свою пользу < ... > Такая ситуация „делает“ мигрантов еще более неуправляемыми ...» [Гриценко и др. 2017: 73–76].

Согласен с тем, что есть проблемы в сфере межэтнических отношений, и председатель Ростовской региональной общественной организации «Донское землячество народов Дагестана» Сейдула Магомедов. В частности, он убежден в том, что «... нашим землякам есть о чем подумать в плане собственного поведения и ве-

дения хозяйства. < ... > К сожалению, наши земляки зачастую отпускают скот на вольные хлеба. Потравы. Конфликт. Не думаю, что и в Дагестане это кому-то понравится. Опять же несоблюдение ветеринарного режима. Все эти правила придуманы неслучайно, и противопоставлять себя другим в таких ситуациях не стоит» [Представитель РД М. Халилов 2012].

«... Поскольку мигранты ни за что не платят, — возмущаются представители местного населения, — их животноводческая продукция стоит достаточно дешево < ... > Кроме того, скотоводы-кавказцы, в отличие от местных русских жителей, не испытывают трудности при реализации продукции скотоводства, поскольку используют свои прочные связи с малой Родиной, где и находят покупателей» [Гриценко и др. 2017: 79–80].

Итак, экономическая ситуация в поселке продолжает ухудшаться, производственный опыт местного населения не используется, снижается его трудовая активность. Но вопреки складывающимся обстоятельствам крестьяне стремятся сохранить животноводческое производство хотя бы на уровне личного подсобного хозяйства. Перспективы хозяйственной деятельности на данной территории по-прежнему не ясны, не понятны.

Согласно результатам исследования, для социальной инфраструктуры поселка характерна стагнация. Здесь в настоящее время отсутствуют жизненно необходимые инфраструктурные элементы: школа, магазин, фельдшерско-акушерский пункт, почта. Более десяти лет детей школьного возраста отвозят в школу поселка Волочаевский. Долгое время усилиями местной власти поддерживалась работа магазина, но последние два года он перестал функционировать. Поселковый фельдшерско-акушерский пункт практически всегда закрыт. Фельдшер, проживающий в пос. Волочаевском, не всегда приезжает в назначенное время и, следовательно, не принимает по расписанию. А если и приезжает, то только на рейсовом автобусе и на 1,5–2 часа. Так называемый добровольный поселковый почтальон работал в санатории секретарем-референтом и отвечал за обеспечение его прессой, которая размещалась в библиотеке санатория. Поскольку жители поселка не получали

вовремя свою корреспонденцию, то постепенно перестали выписывать даже районную газету «Степные зори». Почтовые ящики опустели.

В поселке сохранилась библиотека, принадлежащая санаторию «Маныч» и пополняющаяся только прессой: 3 журналами и 4 газетами, которыми пользовались в основном пациенты санатория. В поселке была и пожарная машина, прикрепленная к санаторию. Но с закрытием в этом году санатория вся эта инфраструктура перестала существовать.

По инициативе депутата Законодательного собрания Ростовской области и при его спонсорской помощи в центре поселка было сооружено мини-футбольное поле. В поселке стоит сотовая вышка, обеспечивающая связь сельчан с внешним миром. На территории санатория сохранился в хорошем состоянии обелиск погибшим участникам Великой Отечественной войны, около которого 9 мая отмечают День победы. Однако на торжественное возложение цветов к памятнику местные жители, кроме детей, перестали ходить. Постепенно исчезает социокультурная общность местного сообщества, возрастает его разобщенность.

Таким образом, социальная инфраструктура поселка разрушается. Продолжается тенденция к свертыванию жизненно необходимых структур, в частности, медицинских, информационно-коммуникативных, культурно-образовательных. Инфраструктура все в большей степени становится неблагоприятной для постоянного проживания людей в Маныче. Поселок, расположенный в уникальных природно-климатических условиях и обладающий в недалеком прошлом всеми важными инфраструктурными элементами, превращается в поселок-призрак.

В то же время поселок Маныч как социально-территориальная общность обладает ресурсами возрождения в качестве самодостаточной социально-экономической единицы.

Среди таких факторов можно назвать три. Это санаторий «Маныч», на базе которого можно создать крупный санаторно-курортный комплекс. Такая попытка была предпринята еще в 1985–1988 гг.: началось строительство крупного курортного центра, способного вместить 800–1 200 человек одновременно. В на-

стоящее время около поселка можно видеть развалины былых сооружений.

Поселок Маныч стоит на берегу Грузского озера, на глубине 60 метров которого вскрыта скважина минеральной воды. Ее физико-химические свойства близки к знаменитой ижевской воде. Здесь есть и лечебные грязи, по своим свойствам они превосходят грязи знаменитых Сакского и Тамбуканского месторождений. Но пока ситуация неопределенная: приостановлена санаторно-курортная деятельность медицинского учреждения «Маныч».

Второй фактор — это научно-экспедиционный стационар «Маныч» Южного научного центра РАН, а именно расширение научной деятельности ЮНЦ РАН по изучению аридных и семиаридных территорий Юга России. Накоплен значительный фактический материал по составу и динамике абиотического и биотических компонентов экосистемы этого региона. Результаты исследований нашли отражение в серии публикаций. В этом году прошла конференция «Природно-ресурсный потенциал долины Маныча: опыт исследования ЮНЦ РАН», посвященная 10-летию работы научно-экспедиционного стационара «Маныч».

Третий фактор — это некоммерческая организация — ассоциация «Живая природа степей», головной офис которой базируется в поселке Маныч, и ее подразделение Центр редких животных европейской степи. Именно на базе ассоциации мог быть организован один из самых перспективных видов туризма — этнографический, экологический туризм.

Заключение

Таким образом, социально-экономическое положение поселка Маныч может оцениваться как негативное, стагнационно-кризисное. Поселок Маныч как социально-территориальная единица (общность) содержит проблемы, типичные для современной российской глубинки. И решение их — общенациональная задача, соединенная с региональной социально-экономической, финансовой и организационно-правовой инициативой.

Но для реального возрождения данной социально-территориальной общности необходимо разработать научно-обоснованную,

финансово подкрепленную программу развития поселка Маныч. Однако, как показывает социальная практика, об этом в настоящее время можно говорить только как о далекой перспективе.

Литература

Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В., Маслова Т. Ф. Поселок — «призрак»: образ прошлого в новых реалиях Юга России (опыт социологического анализа). М.: Русайнс, 2017. 104 с.

Миноранский В. А. Состояние особо охраняемых природных территорий на Дону и проблемы Ростовского заповедника [электронный ресурс] // Степной бюллетень. 2015. № 30. URL: <http://savesteppe.org/ru/archives/884> (дата обращения: 10.01 2018).

Послание Президента РФ В. Путина к Федеральному Собранию, 12 декабря 2012 года: «Веление времени — решительный шаг в сторону децентрализации экономического развития...» [электронный ресурс] // URL: http://www.gazeta.ru/politics/2012/12/12_a_4887889.shtml (дата обращения: 10.01.2018).

Представитель РД М. Халилов провел ряд рабочих встреч с главами районов Ростовской области [электронный ресурс] // Министерство по национальной политике Республики Дагестан. 2012. URL: http://www.minnaz.ru/news_open.php?id=828 (дата обращения: 10.01 2018).

Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. мат-лов VIII Всероссийской науч.-практ. конф. / под ред. Н. И. Лапина. Уфа: Изд-во АН РБ, 2012. 472 с.

Региональная социология в России: сб. мат-лов социологических исследований / отв. ред. В. В. Маркин. М.: Экслибрис-Пресс, 2007. 480 с.

Социально-исторический портрет села Приазовья: Кагальник / Г. Г. Матишов, Е. Ф. Кринко, Н. А. Власкина, Е. А. Бритвина. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 206 с.

**Современные селянки и горожанки:
конфликт или консенсус?
(по итогам прикладного социологического
исследования)**

Modern Female Village and City Residents: Conflict or
Consensus?
(summarizing the results of an applied sociological study)

Н. В. Дулина (N. V. Dulina)¹

Е. В. Ануфриева (E. V. Anufrieva)²

¹ доктор социологических наук, профессор, Волгоградский государственный университет (Волгоград, Российская Федерация).
E-mail: nv-dulina@volsu.ru

Ph.D. in Sociology (Doct. of Sociological Sc.), Professor, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: nv-dulina@volsu.ru

² кандидат философских наук, доцент, Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, Российская Федерация). E-mail: ev_anufrieva@mail.ru

Ph.D. in Philosophy (Cand. of Philosophical Sc.), Associate Professor, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation).
E-mail: ev_anufrieva@mail.ru

Аннотация. Современный период развития общества характеризуется динамичным развитием города и городской культуры, происходит увеличение численности городского населения и сокращение сельского, об этом убедительно свидетельствует статистика. Переезжая в город, человек вместе с местом проживания получает новый статус: городскому жителю, однако, горожанином еще надо стать, доказав свое право на это, а городской житель — это право по месту жительства. Важно понимание того, что в город селяне перебираются вместе со своим жизненным миром, его

ценностями. В этой связи интересно понять, какие именно ценности, установки жизненного мира села проявляются в пространстве города, какие сохраняются, а какие — нет. Несомненно, большое значение в этом процессе имеют женщины, традиционно считающиеся носительницами традиций и культуры.

В данной статье представлен анализ результатов опроса студентов вузов Волгограда, задача которого была сформулирована так: размежевать два женских подпространства внутри города: сугубо городское и маргинальное (смешанное), хранящее в себе элементы сельской культуры.

В результате на основе полученных данных выделены общие и особенные черты в повседневных городских практиках селянок и горожанок.

Ключевые слова: селянка, село, социальный портрет, молодежь, студенты

Abstract. The contemporary stage of social development — as is evidenced by statistics — is characterized by dynamic evolution of the city and urban culture, growth of urban population and decrease of rural one. Moving to a city one obtains not only a new place of residence but also a new status: however, an ex-villager still has to prove the right to be identified as a city dweller, while born city residents enjoy this status by right of birth. It is urgent to understand that villagers move to the city with their backgrounds and values. In this regard, it may be interesting to understand what values and life attitudes manifest themselves in the urban environment, which of them persist and which desist. And those are undoubtedly women — traditionally referred to as cultural agents — that play key roles in the process.

The article analyzes results of an opinion poll among Volgograd university students aimed to delineate two women's sub-environments within the city — a purely urban one and a marginal (mixed) one still containing elements of rural culture.

The obtained data served to identify general and specific features in daily urban practices of female city residents and ex-villagers.

Keywords: female ex-villager, village, social portrait, youth, students

Введение

Обращение к словарным статьям дает понять, сколь неоднозначен термин «селянка». Интуитивно понимаемый как женщина, проживающая в селе, демонстрирующая сельский образ жизни, он имеет и другие смыслы, и наполнение содержания. В рамках наших размышлений мы под термином «селянка» будем иметь в виду именно жительниц села как носительниц определенной — сельской — культуры.

Современный период развития общества характеризуется динамичным развитием города и городской культуры, которые вытесняют и заменяют при этом традиционные социальные формы. В. Л. Глазычев, известный советский и российский ученый, признанный авторитет в области урбанистики, определяя значение городской культуры в жизни современного социума, писал: «Уже к началу XX века, когда умер Поль Гоген, искавший „естественного человека“ на Таити и Соломоновых островах, и тем более середины этого века, когда Тур Хейердал, окончив университет, сделал еще одну попытку жить „естественной“ жизнью на тропическом острове Муруроа, стало ясно: иного мира, кроме мира городской культуры, нам не дано» [Глазычев и др. 1995: 12].

С данным утверждением спорить не приходится: статистика убедительно свидетельствует об увеличении численности городского населения и сокращении сельского. Так, если в Российской империи в 1914 г. на долю городских жителей приходилось лишь 15 % от общей численности населения, то в 1939 г. в городах уже проживала треть населения (33 %).

С 1959 г. численность городского населения стала превышать численность сельского (52 %). Данные Федеральной службы государственной статистики на 2018 г. показывают, что только чуть больше четверти населения (26 %) по-прежнему проживает в селах, остальные — в городах [Демография 2018].

Понятно, что тенденция «перетекания» населения из сел и деревень в малые города, оттуда — в большие, откуда, в свою очередь, в мегаполисы, началась не в середине XX в., а значительно раньше, практически с появлением первых городов в истории человечества. А. А. Сванидзе так охарактеризовал данную тенден-

цию: «Вся история общества с начала цивилизации предстает как поглощение традиционных архетипических социальных форм — урбанистическими и урбанизованными» [Сванидзе 1995: 29]. Жестко, категорично, но справедливо. Просто в явной форме, когда не заметить уже просто нельзя, феномен «поглощения традиционных архетипических социальных форм — урбанистическими» проявился в середине прошлого века.

Справедливости ради заметим, что бурному и неуклонному росту городского населения послужил не только приток сельских жителей в города вследствие перераспределения трудовых ресурсов между промышленностью и сельским хозяйством, но и другой, имевший место факт, когда в одночасье происходило преобразование некоторых сельских поселений в городские с изменением их функций [Дулина 2006: 7]. Понятно, что еще вчерашние селяне не могли в один момент превратиться в горожан, утратив смыслы жизненного мира сельских жителей [Смыслы сельской жизни 2016: 236]. Подобного рода «переходы» требуют значительного времени.

И еще одно наблюдение: почти половина (48 %) всех сельских поселений страны являются мельчайшими, но в них проживает 3 % всего сельского населения. Наибольшая доля сельских жителей (почти половина) проживают в самых крупных поселениях, причем доля крупнейших поселений в общей численности сельских постоянно увеличивается. При этом размер населенных пунктов закономерно уменьшается от сельских райцентров (которые являются крупнейшими) до поселений без производственных предприятий (которые, как правило, являются мелкими и мельчайшими) [Численность городского и сельского населения].

Объект и методы исследования

Закономерности увеличения числа горожан и, соответственно, уменьшения доли сельских жителей в полной мере проявляются и в Волгоградской области, даже чуть более явно, чем в целом по стране. Согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области, на начало 2018 г. в структуре населения Волгоградской области

городское население составляло 77 % (1 947 206 чел.), сельское — 23 % (587 996 чел.) [Население 2018].

Среди сельских жителей Волгоградской области в настоящее время женщин почти на 20 тыс. больше, чем мужчин (303 840 чел. против 284 156 чел.), такая разница поддерживается только за счет одной возрастной категории — старше трудоспособного возраста, где женщин заметно больше, чем мужчин, в остальных возрастных категориях ситуация обратная. Такая статистика — лишнее свидетельство того, что молодежь из села уезжает (по разным причинам), а старики остаются в родных местах, как говорят официальные власти, на «дожитие».

Общую тенденцию состояния российского села подтверждает и история одного из сел Волгоградской области с весьма характерным названием — «Селянка», численность жителей которого с момента основания в 1861 г. неуклонно увеличивалась, достигнув максимума в 1922 г. (1 367 жителей), после чего пошла на убыль. В 2010 г. в селе проживало только 40 человек [Селянка 2010].

Современные исследователи российского села на базе статистических данных подтверждают высказанное выше предположение, фиксируя стабильно высокий миграционный отток сельского населения в город, причем отток идет за счет самой трудоспособной и грамотной молодежи в возрасте от 18 до 35 лет [Вознесенская 2013: 75]. В настоящее время основным смыслом жизни четырех из каждых десяти молодых селян (41,1 %) является установка на проживание в городе [Смыслы сельской жизни 2016: 236]. При этом понятно, что в город селяне перебираются вместе со своим жизненным миром, его ценностями. В этой связи интересно понять, какие именно ценности, установки жизненного мира села проявляются в пространстве города, какие сохраняются, а какие — нет.

Чтобы получить ответ на этот вопрос, мы провели опрос среди студентов вузов Волгограда. Полевой этап исследования был проведен в самом начале 2018 г. Исследование носило разведывательный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, поэтому результаты опроса могут рассматриваться лишь как справочные. Однако, на наш взгляд, полученные данные позволяют

раздвинуть границы и предложить новые направления последующего исследовательского поиска.

В исследовании приняли участие более 140 студентов (и юноши, и девушки младших курсов бакалавриата) из вузов Волгограда, но справедливости ради заметим, что в основном это были студенты Волгоградского государственного технического университета (ВолгГТУ). Задача, поставленная перед респондентами, была, на наш взгляд, непростая, а именно — размежевать два женских подпространства внутри города: сугубо городское и маргинальное (смешанное), хранящее в себе элементы и сельской культуры.

Исследовательский вопрос формулировался следующим образом: «Назовите характерные черты / особенности или специфику людей, о которых Вы могли бы сказать: это горожанин, а это — городской житель; это горожанка, а это — городская жительница».

Результаты и их анализ

В рамках данного материала будут представлены результаты только по городским жительницам. Заметим, что для нас полной неожиданностью оказалось то, что подобная просьба крайне редко (2–3 случая, не более) ставила студентов в тупик. В подавляющем большинстве они легко справились с заданием, «размежевав» женское пространство города по только им едва заметным штрихам и признакам: принадлежащее городской культуре и принадлежащее сельской культуре.

Никаких «подсказок» студентам дано не было, вопрос был сформулирован в открытой форме, писали ответы они так, как понимали, чувствовали, фиксируя в своих ответах именно те признаки, которые они наблюдают ежедневно у прохожих, своих знакомых, друзей и родных. Полный перечень характерных черт для каждой из выделенных категорий включает в себя более 300 признаков. Полагаем, что выбрав именно такой формат проведения опроса студентов, мы не ошиблись. Респонденты оказались вольны в формулировке и выделении значимых, с их точки зрения, признаков, обнаруживая при этом неожиданные штрихи и краски образов городской жительницы, вкладывая какие-то собственные смыслы и содержание. Признаемся, в некоторых случаях не всегда

нам были понятны эти смыслы, что потребовало дополнительных уточнений в ходе анкетирования.

Собеседования с респондентами пошли на пользу: уточнения не только раздвинули границы восприятия авторов, но и лишний раз подтвердили правоту К. Линча, американского инженера, архитектора, увлекавшегося биологией и психологией. В свое время К. Линч писал: «Общественный образ города создается наложением одного на другой множества индивидуальных образов. Однако не исключена возможность возникновения ряда общих образов, каждый из которых вырабатывается значительной группой горожан. Такого рода групповые образы совершенно необходимы для того, чтобы индивид мог успешно функционировать в пределах своего окружения, вступая в эффективные контакты с себе подобными» [Линч 1982: 50]. Но в этой связи следует обратить внимание, что образ городской жительницы — это «групповой образ» не всех жителей Волгограда, а его молодежной части и, более того, студенческой аудитории.

Следует признать, что город задает свои координаты и формирует свои требования к своим жителям, изменяя их поведение, определяя повседневные практики, подчиняя их себе. Далеко не каждый человек приживается в городе, становится своим в его пространствах, есть и те, кто возвращается обратно в село, обретая именно там покой души и гармонию жизни.

Итак, как же «накладываются один на другой множество индивидуальных образов», создавая коллективные портреты городских жительниц и горожанок? Чем отличаются селянки (городские жительницы) и горожанки в своих повседневных практиках? Вряд ли стоит особо доказывать, что в чертах, характерных для городских жительниц и горожанок, в их поведении наблюдается много общего. Но, как показывает практика, подмеченная респондентами, выражение этих общих признаков порой бывает диаметрально противоположным. Если городская жительница «стремится получить образование», то горожанка «образованна». Если городская жительница отличается крепким здоровьем, то горожанке свойственно «здоровье ниже среднего».

Городская жительница «ценит семью», а вот горожанка, по мнению респондентов, поддерживает «слабые родственные отно-

шения». И те, и другие покупают продукты, но горожанки в магазине, а городские жительницы — на рынке.

Наличие в руках современного горожанина айфона — примета времени, без него никак уже нельзя. Но если горожанка «хочет новый айфон каждый год», то городская жительница довольствуется тем, что есть, и «не торопится менять свой 6-й айфон». Горожанки предпочитают безналичную оплату, городские жительницы — оплату наличными. И те, и другие «любят животных», но у горожанок «домашние животные декоративные», в то время как у городских жительниц они исключительно нужные и «полезные», и т. д. Казалось бы — мелочи, но в этих мелочах истинные, базовые смыслы жизненных миров города и села.

Не ставя своей целью представить все названные студентами отличительные черты городских жительниц и горожанок, назовем те из них, которые, на наш взгляд, наиболее значимы для представления социального портрета современной городской жительницы, покинувшей родное село в поисках лучшей жизни. Как написали наши респонденты, селянки «хотят уехать в большой город и развиваться там», говорят, что «в городе лучше, чем в деревне» и «стремятся быть похожими на горожанок», а потому «стремятся ориентироваться на мнение горожан как авторитетов». А в целом — городские жительницы «более правильно ведут себя, чем горожанки».

Как свидетельствуют результаты социологических исследований, выполненных отечественными учеными, экономическая неудовлетворенность (отсутствие работы, низкая оплата труда) является одной из главных причин к формированию стремления покинуть село [Смыслы сельской жизни 2016: 236]. Однако «место работы может быть менее престижно», чем у горожанки, хотя у городской жительницы есть «стремление иметь достойную работу», она «включается в экономическую активность» и при этом «умеет работать в огороде», «адаптирована к физическому труду» — в итоге городские жительницы «берутся за любую работу». Довольно часто используемая характеристика — «трудолюбивая», а потому — «желание работать, чтобы соответствовать городской жизни».

По мнению респондентов, для городских жительниц «важнее карьеры семейная жизнь», «чаще желают выйти замуж, чем построить карьеру, но есть и исключения», они «ценят семью», «чаще всего имеют большую семью», для них «семья — счастье». Городским жительницам в целом характерна «большая зависимость от социальной группы», «большая роль традиций, чем у горожанок», «на поведение влияет отношение с семьей». У городских жительниц «раннее начало семейной жизни», они «заинтересованы в раннем замужестве, создании семьи», причем не просто семьи, а «крепкой семьи», они надеются «удачно выйти замуж», «хотят много детей», у них «преимущественно постоянный партнер», «живут за счет другого человека», «боятся инициировать развод». В городской повседневной жизни городская жительница «более общительна с соседями», «знает соседей», «доверчива к соседям», «ценит дружеские отношения», «дружелюбна», «доверяет людям», «ориентируется на мнение общества». Иначе говоря, городские жительницы весьма зависимы от мужа (мужчины, который рядом, партнера или, как принято говорить в молодежной среде, от парня), от ближайшего социального окружения, в первую очередь — семьи.

Экономическая зависимость от других и желание пораньше выйти замуж объясняется тем, что городская жительница «менее образованна» и только «стремится получить образование», но «уверена в личных знаниях», «менее активна в общественной жизни», «боится инициативы», при этом «любит тратить деньги». Как следствие, такие часто встречающиеся в ответах студентов характерные черты, как: «бережливая», «хозяйственная», «экономная», «склонна к хозяйству», «лучше справляется в быту», «занимается домашним хозяйством», «принимает обдуманные решения». Противоположный полюс — «не любит спорт» и практически не уделяет внимания своему внешнему виду, а ведь практически вся жизнь в городе проходит на виду огромного количества людей. К этому городская жительница, еще вчерашняя селянка, не склонна по своей природе.

Все в городе рукотворно, техногенно, а по сути — антиприродно: дороги заасфальтированы, газоны подстрижены, тротуары подметены; вокруг максимум технологичных материалов — стек-

ло, металл, зеркала, бетон... Времяпрепровождение не дома, в кругу семьи, а в уличных кафе, общественных местах и т. д. Жизнь на виду у всех делает необходимым следить за своим внешним видом. Однако «скромная», «ответственная», «простая», «наивная», «бережливая» и экономически зависимая от других городская жительница к этому не готова. Она «заинтересована в цене одежды, которую носит».

Если горожанка — это, в первую очередь, каблуки и шляпа, то городская жительница демонстрирует «простой стиль одежды», «отсутствие чувства стиля, упора на красоту одежды», пользуется «простой косметикой». Впрочем, по мнению некоторых респондентов, косметика ей вовсе не нужна, потому что она «обладает естественной красотой». Хотя подмечено и другое: «посетить салон красоты — первое дело». Городская жительница «может купить не оригинал (бренда) и не стесняться» этого. Порой, у нее «вызывающе яркая одежда» или, напротив, «темная одежда». В целом она «стремится следовать моде, но не всегда успешно», а еще «слушает громкую музыку через динамики». И хотя городская жительница «проводит время вне дома», «любит развлечения» и «охотно участвует в культурных мероприятиях», «простота в плане выглядеть неловко» создает ощущение, что она старается остаться в тени, чтобы на нее поменьше внимания обращали.

Техногенный город «обучает» горожанок языку техники, необходимости вести с нею диалог на равных (надеемся, повышая уровень безопасности). Но современная техника требует и высокого уровня образования, которое, как мы уже заметили выше, у городских жительниц оставляет желать лучшего. Так, студенты заметили, что горожанки «обильно используют технику в быту / дружат с техникой», «используют смарт-технику», «предпочитают безналичную оплату», готовы менять свой айфон на новую модель каждый год, «зависят от техники», «привыкли к транспорту», «пользуются современными гаджетами» и т. д.

Ничего из выше перечисленного нельзя сказать о городских жительницах, поскольку они «не пользуются или пользуются плохо техникой в быту», «пользуются наличными», предпочитают пользоваться общественным транспортом, «не привычна к транспорту», они просто «обладают множеством бытовых навыков»,

которые заменяют им эту технику. Техногенный город поначалу просто пугает, вынуждая «привыкать к новому образу жизни и новому городскому темпу дня». Быть может, именно поэтому городскую жительницу сопровождает «удивление какими-то неизвестными вещами, характерными для города», ее «легче удивить чем-то», она «удивляется многим вещам».

Одна из примет современного города — шум. Но городские жительницы «привыкли к тишине», «не любят торопиться, так как привыкли к спокойному образу жизни», итог — «девушки гонятся за всем, но часто не догоняют, так как не понимают городской суеты».

И все-таки главное отличие между городскими жительницами и горожанками в другом. Развитая семиотика города, не только внешняя, но и внутренняя, формирует «свой сленг», «городской лексикон», «городскую речь», которую еще предстоит осилить. Именно в этой группе студентами было дано самое большое количество оценок.

По мнению респондентов, городских жительниц отличает «наличие акцента / отличие речи от городской», «особый диалект и лексикон», «отличный от города диалект», «речь сельская (часто)», «более простая и неправильная речь, чем у горожанки», «свой сленг», «особенности диалекта» и т. д.

Оборотная сторона городской жизни для городских жительниц выплескивается «замкнутостью», тем, что «может быть грубой (использовать брань)», «амбициозна», «агрессивна». Однако следует признать, что положительных характеристик («заботлива», «романтична», «отзывчива», «вежливая», «добрая» и др.) в портрете городской жительницы значительно больше, чем у горожанки.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что решающим для селянок в принятии решения о переезде из села в город, являются возможность материального положения, получения работы, а также создание семьи. Сбудутся ли их мечты, покажет время. Пока же с уверенностью можно сказать, что селянки (городские жительницы) освоят городское пространство. Тому есть все предпосылки: они «целеустремленные», обладают «высокой стрессоустойчиво-

стью», «более любопытны, чем горожанки», «заинтересованы в традициях города», и, хотя «тяжело привыкают к смене обстановки», все-таки «способны адаптироваться к городской среде» и вообще «умеют выживать». Понятно, что город от этого выиграет, но село потеряет, и очень много. Но это тоже покажет время.

Литература

Вознесенская Е. Д. Молодые рабочие. Из села в город // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 75–91.

Глазычев В. Л., Егоров М. М., Ильина Т. В. и др. Городская среда. Технология развития: Настольная книга. М.: Лада, 1995. 240 с.

Демография. Численность и состав населения [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 19.03.2018).

Дулина Н. В. Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования. Волгоград: Волгоградск. науч. изд-во, 2006. 387 с.

Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

Население [электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области. Официальная статистика. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 06.02.2018).

Сванидзе А. А. Город в цивилизации: к вопросу определения // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 29–31.

Селянка (Волгоградская область) [электронный ресурс] // URL: [http://wp.wiki-wiki.ru/wp/index.php/%D0%A1%D0%B5%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%BA%D0%B0_\(%D0%92%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C\)](http://wp.wiki-wiki.ru/wp/index.php/%D0%A1%D0%B5%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%BA%D0%B0_(%D0%92%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C)) (дата обращения: 19.03.2018).

Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.

Численность городского и сельского населения [электронный ресурс] // Население России. URL: <http://www.grandars.ru/shkola/geografiya/gorodskoe-naselenie-rossii.html> (дата обращения: 14.04.2018).

Органические продукты питания: ожидания молодого поколения россиян

Organic Food: Expectations of the Younger Generation of Russia's Citizens

Е. Э. Епимахова (Ye. E. Epimakhova)¹,

Т. И. Барсукова (T. I. Barsukova)²,

В. А. Ивашова (V. A. Ivashova)³

¹ доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Ставропольский государственный аграрный университет (Ставрополь, Российская Федерация). E-mail: epimahowa@yandex.ru

Ph.D. in Agriculture (Doct. of Agricultural Sc.), Professor, Stavropol State Agrarian University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: epimahowa@yandex.ru

² доктор социологических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Российская Федерация). E-mail: ti94@yandex.ru

Ph.D. in Sociology (Doct. of Sociological Sc.), Professor, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail:ti94@yandex.ru

³ кандидат социологических наук, доцент, Ставропольский государственный аграрный университет (Ставрополь, Российская Федерация). E-mail: vivashov@mail.ru

Ph.D. in Sociology (Cand. of Sociological Sc.), Associate Professor, Stavropol State Agrarian University (Stavropol, Russian Federation). E-mail:vivashov@mail.ru

Аннотация. В статье изложены результаты исследования ожиданий молодых жителей Юга России относительно нового социально-экономического явления — органических продуктов питания. Рассмотрена современная структура расходов участников опроса на покупку продуктов питания, определена удовлетворенность респондентов качеством и безопасностью продуктов питания, которые они приобретают.

В ходе исследования установлено, что понимание маркировки «био», «эко» или «органик» на продуктах питания достаточно размыто. Вместе с тем около половины из них регулярно для всей семьи покупают органические или натуральные продукты. Основными причинами приобретения органических продуктов являются: безопасность для здоровья; более высокое качество этих продуктов по сравнению с продуктами, в которых есть синтезированные добавки; свежесть органических продуктов. Ранжирование проблем, отрицательно влияющих на развитие производства органических продуктов питания, показало следующий порядок значимости: низкий спрос на продукцию вследствие более высокой цены (45,9 %); отсутствие или недостаточная поддержка со стороны государства (42,9 %); дополнительные затраты на сертификацию продукции (22,7 %); длительный срок переходного периода к производству органической продукции (14,6 %). Таким образом, в ожиданиях потребителей прослеживается, с одной стороны, понимание необходимости здорового питания, что в определенной мере и реализуется в повседневных практиках потребителей из числа молодых людей, принявших участие в опросе. С другой стороны, формализация развития органического производства, по мнению участников опроса, связана с увеличением стоимости продуктов питания и в меньшей степени — с повышением их качественных характеристик.

Ключевые слова: ожидания молодого поколения, органические продукты питания, маркировка товаров

Abstract. The article reviews results of a case study of expectations of Southern Russia's young residents related to the new socio-economic phenomenon — organic food. It examines the present-day food spending patterns of the respondents, evaluates their satisfaction with the quality and safety of food products they purchase.

The study establishes that the understanding of the markings 'bio', 'eco' or 'organic' attached to food products is vague enough. Still, over half of the people in the survey regularly purchase organic or natural products, the main reasons to buy organic food being their health-related safety, better quality as compared to other foodstuff containing some synthetic components, and their freshness. The graded problems to adversely affect further development of the organic food sector are as follows: small demand because of higher prices (45,9 %), missing or insufficient support by the government (42,9 %), additional product

certification expenses (22,7 %), prolonged transition periods towards organic food production (14,6 %). So, the consumers' expectations — on the one hand — illustrate their understanding of the need of healthy nutrition which is actually implemented to a certain extent by some young respondents in their daily practices. On the other hand, the emergence and development of formalized organic food production is largely determined, in their opinion, by the increase in food prices, and in a lesser degree — by any increase in food quality characteristics as such.

Keywords: expectation of the younger generation, organic food, product markings

Введение

Развитие рыночных отношений, а вместе с ними и торговых сетей привело к необходимости длительного хранения продуктов питания и соответствующих технологий производства продуктов питания, которые обеспечили бы такое хранение с минимальными потерями. Вместе с тем в многочисленных исследованиях ученых звучит серьезная, вполне доказанная озабоченность о росте количества заболеваний, которые в корреляционной зависимости связаны с качеством современного питания.

Исправить ситуацию может развитие, наряду с традиционным, и органического производства, продукты которого уже в настоящее время признаны обществом, наукой, потребителями и органами власти и органично вписываются в структуру питания населения [Донскова, Зуева, Беляев 2018: 64].

Актуальность исследований и поиска новых решений в области производства органических продуктов питания подтверждается в разрабатываемой концепции нового рынка «FoodNet».

Объект и методы исследования

Поскольку Юг России традиционно ассоциируется с житницей России, для понимания ожиданий потребителей в мае 2018 г. именно в этой территории был проведен пилотный социологический опрос в форме индивидуального анкетирования. В нем приняли участие молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет. Всего в

опросе приняли участие 235 человек. В их числе 171 человек не являются в настоящее время товаропроизводителями сельскохозяйственной продукции, остальные 64 относятся к категории товаропроизводителей. Треть из числа опрошенных проживает в сельской местности и две трети соответственно — в городе и поселке городского типа.

Результаты исследования и их анализ

В структуре расходов трети участников опроса на покупку продуктов питания приходится 40–50 % их дохода, ещё четверть отметили, что эта статья расходов превышает 50 %, в ряде случаев — 70 % . Данные представлены на рисунке 1.

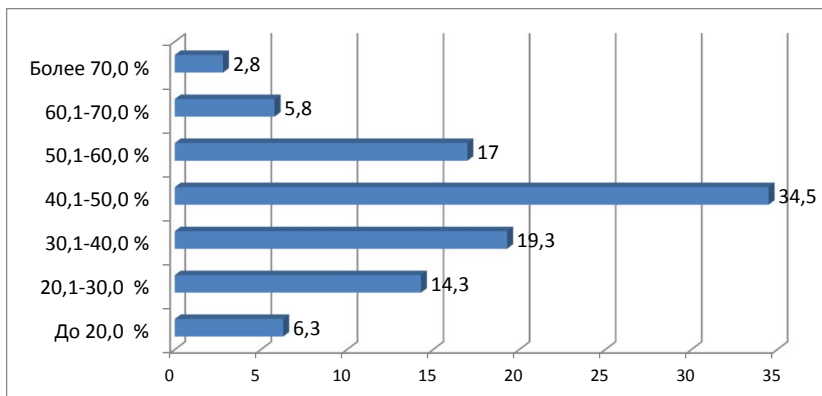

Рисунок 1. Доля расходов на покупку продуктов питания в расходах респондентов (%)

При достаточно больших расходах на приобретение продуктов питания их качество и безопасность полностью устраивают только каждого пятого из числа участников опроса. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. *Распределение ответов на вопрос:
«Устраивает ли Вас качество и безопасность продуктов питания,
которые приобретаете Вы и/или Ваша семья?», (%)*

Варианты ответов:	доля ответивших, %
Полностью устраивает	21,3
Устраивает только частично	59,6
Абсолютно не устраивает	8,9
Я об этом не думал	6,8
Мне все равно	3,4

Несмотря на то, что в опросе приняли участие представители молодого поколения 20–30-летних жителей Юга России, соответственно, сформированного уже в условиях рыночных отношений и с определенными потребительскими ожиданиями, их понимание маркировки «био», «эко» или «органик» на продуктах питания достаточно размыто. Данные представлены в следующей таблице.

Таблица 2. *Распределение ответов на вопрос:
«Что, на Ваш взгляд, означает маркировка „био“, „эко“ или „органик“
на продуктах питания?», (%)*

Варианты ответов	доля ответивших, %
Нет искусственных добавок	35,3
Отсутствуют вредные вещества	23,4
Полезный для здоровья	9,8
Выращен в экологически чистом месте	36,6
Рекламный ход производителя	15,3
Не думал об этом	8,1

Немногим более трети участников опроса (36,6 %) считают, что такие маркировки показывают экологически чистое место, где выращено сырье для производства продовольственной продукции. Практически столько же участников опроса (35,3 %) считают, что маркировка — свидетельство того, что в продуктах питания нет искусственных добавок. В понимании 23,4 % респондентов — отсутствуют вредные вещества. 15,3 % респондентов считают, что к качеству продукции маркировка «био», «эко» или «органик» во-

обще не имеет никакого отношения. 9,8 % респондентов, считают, что такой продукт с маркировкой полезен для здоровья, и 8,1 % респондентов вообще не задумывались об этом вопросе.

Несмотря на размытость понимания маркировки, в ответах участников опроса около половины из них регулярно для всей семьи покупают органические или натуральные продукты — 52,8 % респондентов. 41,2 % респондентов делают это крайне редко, и 6,0 % никогда не покупают.

Самым распространенным местом приобретения органических (натуральных) продуктов питания для жителей Юга России являются супермаркеты. Ранжирование ответов представлено на рисунке 2.

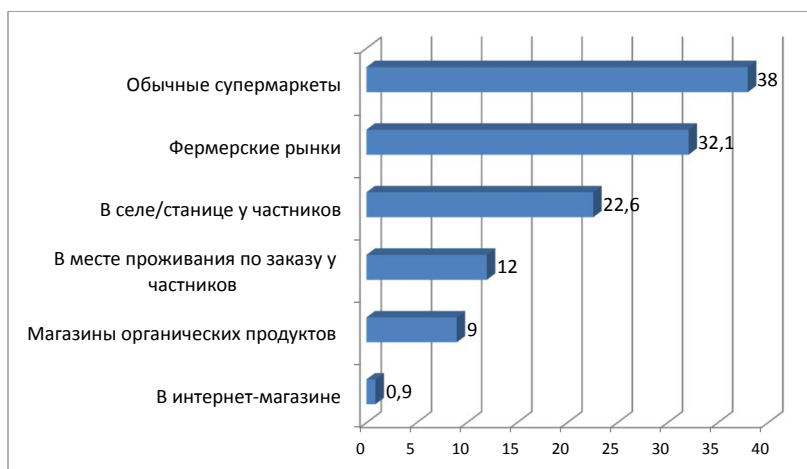

Рисунок 2. Ранжирование ответов на вопрос: «Где Вы обычно покупаете органические продукты?», (%)

Вместе с тем, если учесть, что 32,1 % респондентов приобретают органические (натуральные) продукты на фермерских рынках, 22,6 % респондентов — в селе у частных, и 12 % респондентов — так же у частных, только по предварительному заказу, то получается: организованные торговые сети остаются в меньшинстве.

Каждый из участников опроса из числа молодых людей, проживающих на Юге России, оценил значимость факторов, по которым отдается предпочтение органическим продуктам. По мнению

респондентов, основными причинами приобретения органических продуктов являются: безопасность для здоровья; более высокое качество этих продуктов по сравнению с продуктами, в которых есть синтезированные добавки; свежесть органических продуктов. Гораздо менее важными являются такие факторы, как отсутствие доверия к другим продуктам, улучшение жизни животных и поддержка местных производителей.

Наиболее перспективным участником опроса считают развитие производства органических продуктов в России в животноводстве (66,0 %), в растениеводстве (48,1 %), в рыбоводстве (8,5 %), в пчеловодстве (7,2 %).

Среди возможного проблемного поля для развития производства органических продуктов питания:

- низкий спрос на продукцию вследствие более высокой цены (45,9 %);
- отсутствие или недостаточная поддержка со стороны государства (42,9 %);
- дополнительные затраты на сертификацию продукции (22,7 %);
- длительный срок переходного периода к производству органической продукции (14,6 %).

Заключение

Таким образом, в ожиданиях потребителей прослеживается, с одной стороны, понимание необходимости здорового питания, что в определенной мере и реализуется в повседневных практиках потребителей из числа молодых людей, принявших участие в опросе. С другой стороны, формализация развития органического производства, по мнению участников опроса, связана с увеличением стоимости продуктов питания и в меньшей степени с повышением их качественных характеристик.

Литература

Донскова Л. А., Зуева О. Н., Беляев Н. М. Мясо птицы как продукт органического производства: состояние, проблемы и управленческие решения [электронный ресурс] // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 1. С. 64–70.

Агроинженер как профессия в оценке экспертов и работодателей

The Profession of Agri-Engineer: Evaluations of Experts and Employers

В. А. Ивашова (V. A. Ivashova)¹

¹ кандидат социологических наук, доцент, Ставропольский государственный аграрный университет (Ставрополь, Российская Федерация). E-mail: vivashov@mail.ru

Ph.D. in Sociology (Cand. of Sociological Sc.), Associate Professor, Stavropol State Agrarian University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: vivashov@mail.ru

Аннотация. Необходимость конкретизации запросов работодателей на подготовку специалистов привела к расширению использования социальных исследований в данной сфере. В статье изложены мнения работодателей — руководителей профильных предприятий, экспертов — руководителей структурных подразделений, главных и ведущих специалистов относительно компетенций и профессиональных качеств, которыми должны владеть выпускники вузов по направлению подготовки «Агроинженерия». Представители профессионального сообщества оценили условия работы по профессии агроинженер и ситуацию на рынке труда в регионе. В должностные обязанности экспертов входят 3 большие группы производственных задач, что дает представление о ключевых вопросах текущей профессиональной деятельности по направлению подготовки «агроинженерия»: 1) поддержание закрепленной сельскохозяйственной техники в рабочем состоянии (текущий ремонт и техническое обслуживание); 2) эффективное использование сельскохозяйственной техники (комплексная механизация производственных процессов; принятие решений по технологиям; обновление и модернизация парка); 3) общее руководство ремонтно-технической и инженерно-технической службой (кадровое обеспечение производственной деятельности; подбор персонала; безопасность персонала; решение социальных вопро-

сов коллектива; создание рабочей документации по проекту; ведение текущей документации; сопровождение выполнения макетных образцов по проекту). В ходе опроса работодателей и главных специалистов профильных предприятий Ставропольского края было установлено, что наиболее важными для будущей успешной профессиональной деятельности являются умение самостоятельно ставить задачу и принимать решения; творческие качества, умение решать нестандартные задачи; умение планировать рабочее время; лидерские качества и умение руководить другими.

Ключевые слова: агроинженер, профессиональное сообщество, условия профессиональной деятельности, компетентность инженера

Abstract. The need to specify demands of employers related to professional skills of specialists referred to as ‘agri-engineers’ has resulted in a wider use of social studies in this field. The article provides opinions of employers regarding competences and professional qualities supposedly attributed to university graduates with degrees in agricultural engineering. Representatives of the target professional community have evaluated the conditions of work and labor market situation in the region. The job duties of such experts include three big groups of production tasks to mirror the key elements of agri-engineers’ professional activities: 1) maintenance of farming machinery and equipment (running repairs and technical support), 2) efficient employment of agricultural equipment (integrated mechanization of operating processes, technology-related decision making, re-equipment and technical modernization), 3) general management of repair-and-maintenance and engineering services (staffing, personnel selection, safety training, social support of workers, creation of project engineering documentation, operating documentation management, assistance in creation of project breadboard models). The opinion polls conducted among employers and chief specialists of targeted enterprises of Stavropol Krai have established that the most essential — for a successful career — skills are the ability to independently allot tasks and make required decisions, creative approach and ability to solve non-standard problems, time scheduling skills, leadership, and managerial competence.

Keywords: agri-engineer, professional community, conditions of professional activity, engineering competence

Введение

Требования современных ФГОС ВО в России предполагают активное вовлечение ведущих представителей профессионального сообщества в оценку компетенций выпускников и формирование заказа на образовательные программы высшего образования с заданными характеристиками. Вместе с тем инструментами для реализации сбора необходимой информации и понимания ожиданий потребителей услуг вуза в лице работодателей до недавнего времени являлись отзывы работодателей на прохождение практики, результаты дипломного проектирования, оценки и замечания, высказанные в ходе проведения государственной итоговой аттестации. Увеличение необходимости конкретизации запросов работодателей на подготовку специалистов привело к расширению использования социальных исследований в данной сфере [Гущина 2014; Vogtenhuber 2018].

Объект и методы исследования

Экспертный опрос специалистов по направлению подготовки «агроинженерия» был проведен в сентябре–октябре 2017 г. методом индивидуального анкетирования. Всего в опросе приняли участие 24 человека из 12 ведущих сельскохозяйственных предприятий Ставропольского края. В числе опрошенных 6 человек занимают должности руководителей или заместителей руководителя предприятия, 10 — должности главных инженеров и главных механиков, 6 человек — должности руководителей или заместителей руководителя структурного подразделения, 2 — должности инженеров.

Базовое образование «инженер» имеют практически все участники экспертного опроса, что соответствует занимаемым ими должностям. Почти все участники опроса являются выпускниками Ставропольского ГАУ разных лет (23 человека), и один завершает обучение в 2019 г.

В должностные обязанности экспертов входят 3 большие группы производственных задач, что дает представление о ключевых вопросах текущей профессиональной деятельности по направлению подготовки «агроинженерия»:

– поддержание закрепленной сельскохозяйственной техники в рабочем состоянии (текущий ремонт и техническое обслуживание);

– эффективное использование сельскохозяйственной техники (комплексная механизация производственных процессов; принятие решений по технологиям; обновление и модернизация парка);

– общее руководство ремонтно-технической и инженерно-технической службой (кадровое обеспечение производственной деятельности; подбор персонала; безопасность персонала; решение социальных вопросов коллектива; создание рабочей документации по проекту; ведение текущей документации; сопровождение выполнения макетных образцов по проекту).

Результаты исследования и их анализ

В таблице 1 представлен сравнительный анализ мотивации респондентов при выборе профессии по результатам исследований за последние 3 года.

Таблица 1. *Распределение ответов на вопрос: «Что для Вас имело значение при выборе профессии, специальности?», %*

Варианты ответов:	2014	2017
1) семейная традиция, рекомендации знакомых, друзей	12,5	7,1
2) возможность в дальнейшем без труда найти хорошую работу по специальности	10,0	42,9
3) величина заработков, которые имеют специалисты этого профиля	2,5	21,4
4) возможность карьерного роста, который обеспечивает выбор этой специальности	10,0	7,1
5) интерес именно к этой специальности, профессии	67,5	71,4
6) наличие учебных заведений по месту проживания	2,5	—
7) другое	5,0	—

Ключевыми факторами выбора профессии для экспертов стали: интерес именно к этой специальности и профессиональной деятельности, а также возможность в дальнейшем без труда найти хорошую работу по специальности (отметили, соответственно, 71,4 % и 42,9 % от числа опрошенных респондентов). Кроме того, за последний год увеличилась доля тех, кто в качестве весомого аргумента в пользу выбора данного направления подготовки называет величину заработков специалистов с высшим образованием (отметили 21,4 % от числа опрошенных респондентов). Незначительное количество респондентов, по 7,1 % от числа участников опроса, связывает выбор именно этой профессии с возможностями карьерного роста, семейными профессиональными традициями и рекомендациями знакомых, друзей.

Все 100 % участников экспертного опроса довольны полученным образованием.

Около 57,1 % экспертов хотели бы повысить свою квалификацию по направлению деятельности, и 21,4 % имеют желание получить еще одну специальность.

Распространенными каналами трудоустройства по специальности «инженер-механик», судя по ответам экспертов, являются рекомендации родственников, знакомых коллег. Этот вариант отметили около 30 % опрошенных. Устроились на работу по объявлениям о вакансиях 23,1 % респондентов; через учебное заведение, у которого с предприятием налажены партнерские отношения, — 23,1 % опрошенных специалистов. Через государственную службу занятости устроились на работу 7,7 % участников экспертного опроса. В специальные рекрутинговые агентства не обращался никто.

Приход на данное конкретное предприятие 85,7 % специалистов связывают с окончанием вуза и началом трудовой деятельности. Незначительное количество респондентов связывают свой переход на другое предприятие с желанием изменить условия работы (7,1 % от числа опрошенных). Такое же количество инженеров выбрали настоящее место работы в связи с желанием поработать на предприятии с другой формой собственности.

30,8 % от числа участников опроса начинали свою профессиональную деятельность в той должности, на которой находятся сейчас. Остальные 69,2 % — в должности механика, инженера-контролера, инженера-механика на отделении, учебного мастера, инженера-конструктора, мастера участка, главного механика, техника. Можно констатировать, что три четверти участников экспертного опроса, т. е. большинство, продвинулись по карьерной лестнице за годы работы на производстве.

Почти три четверти экспертов (71,4 % от числа участников опроса) утверждают, что при адаптации на первом рабочем месте у них были некоторые проблемы, обычные в такой ситуации. Остальные участники опроса сказали, что проблем вообще не было.

Возникающие при первом рабочем найме проблемы были связаны, в основном, с нехваткой практических навыков (отметили 57,1 % от числа опрошенных). Такая же ситуация наблюдается в результатах исследований зарубежных авторов [Ang, Fredriksson 2018]. Кроме того, актуальными были вопросы взаимодействия с коллегами, начальством, подчиненными (отметили 21,4 % от числа опрошенных) и недостаточная осведомленность о характере будущей работы (21,4 % от числа опрошенных).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие надбавки, доплаты Вы получаете, занимая свою должность?», %

Варианты ответов:	2014 г.	2017 г.
1) доплата за сверхурочные работы, за работу в выходные и праздничные дни	15,0	21,4
2) дополнительная оплата совместительства	20,0	7,1
3) оплата «наставничества»	—	—
4) регулярные премии по итогам работы предприятия, подразделения	47,5	85,7
5) премии за особые достижения в работе, за рационализаторские предложения	12,5	35,7
6) надбавка за вредность, тяжелые условия работы	—	7,1
7) я не получаю никаких надбавок и доплат	5,0	—
8) другое	10,0	

Эксперты представили структуру материального стимулирования труда на их работе в занимаемой должности следующим образом: 85,7 % отметили регулярные премии по итогам работы предприятия, подразделения; 35,7 % — премии за особые достижения в работе, рационализаторские предложения; 21,4 % — премии за сверхурочные работы, за работу в выходные и праздничные дни; 7,1 % экспертов отметили дополнительную оплату совместительства, столько же — надбавку за вредность, тяжелые условия работы. Сравнительный анализ результатов 2014 г. и 2017 г. показывает, что увеличилась доля предприятий, на которых идет стимулирование работников по итогам деятельности предприятия или структурного подразделения за достижения в работе и рационализаторские предложения.

В среднем эксперты отмечают, что уровень заработной платы составляет в их должности около 29,7 тыс. рублей. Причем, по их мнению, она должна быть как минимум на треть выше и в среднем составлять 39,8 тыс. рублей. Следует отметить, что по сравнению с 2014 г. эксперты отмечают увеличение заработной платы в среднем на 10 тысяч рублей.

Оценивая соответствие собственной заработной платы среднему уровню оплаты труда в регионе, никто из числа участников опроса не указал вариант «существенно превышает средний уровень заработной платы на региональном рынке труда». О незначительном превышении среднего уровня заработной платы заявили 46,2 % опрошенных экспертов. О соответствии среднему уровню сообщили 38,5 % от числа опрошенных. 15,4 % опрошенных считают, что уровень заработка специалистов инженерного профиля несколько ниже среднего уровня оплаты труда в регионе.

Система материального стимулирования дополняется льготами и социальными гарантиями со стороны сельскохозяйственных предприятий. В основном это предоставление бесплатных и льготных путевок (57,1 %), оплата обучения или повышения квалификации (35,7 %), оплата услуг связи (35,7 %), бесплатное медицинское обслуживание (35,7 %), бесплатное или частично компенсируемое питание (28,6 %), предоставление (или оплата) детского сада (21,4 %), возможность взять беспроцентный кредит или ссуду

(14,3 %), бесплатная возможность для занятий спортом (14,3 %). Редко практикуется оплата транспортных расходов (7,1 %).

Характеризуя востребованность специалистов инженерного профиля на региональном рынке труда, только 14,3 % экспертов отметили, что работу можно всегда найти, еще 85,7 % указали, что трудоустроиться по специальности «инженер-механик» возможно, если постараться.

Эксперты продемонстрировали высокую приверженность инженерному направлению подготовки и виду профессиональной деятельности. Отвечая на вопрос о том, что могло бы заставить поменять место работы, никто не отметил вариант «желание поменять направление и сферу деятельности». Все остальные ответы были связаны с профессиональным развитием в рамках избранной специальности: желание увеличить заработки (35,7 %), стремление совершенствоваться в профессии (35,7 %), возможность попробовать себя в качестве руководителя (28,6 %), желание изменить условия работы (7,1 %), желание изменить круг общения, попасть в новый, более комфортный коллектив (7,1 %). 35,7% от числа участников опроса сказали, что ничто не может заставить их поменять место работы.

В ходе исследования эксперты дали оценку уровню сформированности и характеристику востребованности компетенций выпускников вуза по направлению «агроинженерия».

Ранжирование представленного экспертам перечня универсальных компетенций выпускников по направлению подготовки «агроинженерия» (бакалавры) показало, что на первом месте находится такая характеристика, как коммуникабельность, что является неременным условием работы в коллективе, команде (см. данные рис. 1).

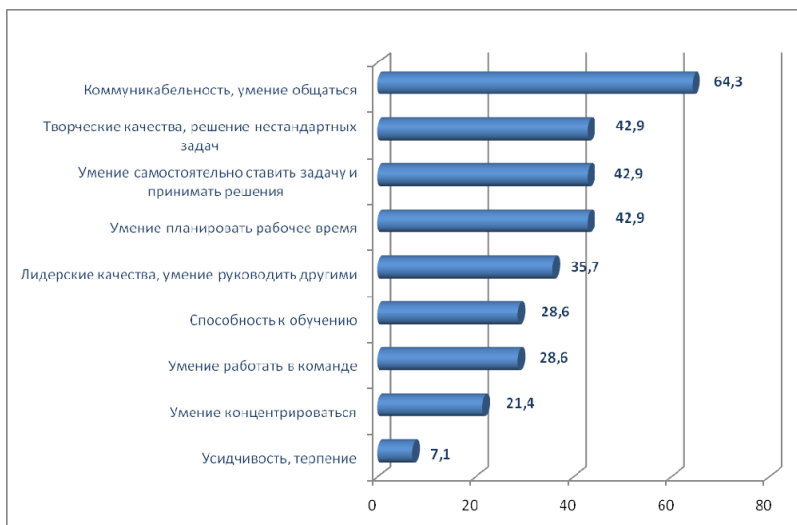

Рис. 1. Ранжирование перечня универсальных компетенций, актуальных для выпускников по направлению подготовки 35.03.06 «Агроинженерия»

Кроме того, из перечня предложенных универсальных профессиональных качеств личности эксперты выделили наиболее значимые:

- умение самостоятельно ставить задачу и принимать решения (отметили 42,9 % от числа опрошенных);
- творческие качества, умение решать нестандартные задачи (отметили 42,9 % от числа опрошенных);
- умение планировать рабочее время (отметили 42,9 % от числа опрошенных);
- лидерские качества и умение руководить другими (отметили 35,7 % от числа опрошенных).

У будущих выпускников должны быть также сформированы умение работать в команде (отметили 28,6 % от числа опрошенных); способность к обучению (отметили 28,6 % от числа опрошенных); умение концентрироваться (отметили 21,4 % от числа опрошенных).

Среди несколько менее значимых качеств оказались усидчивость, терпение (7,1 %).

В рамках экспертного опроса участникам было предложено оценить перечень компетенций из ФГОС по направлению подготовки «Агроинженерия» (бакалавры). Среди наиболее актуальных первые 5 позиций занимают следующие компетенции:

1 место — стремление к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства, владение навыками самостоятельной работы (отметили 71,4 % от числа опрошенных экспертов);

2 место — способность решать инженерные задачи с использованием основных законов механики, электротехники, гидравлики, термодинамики и теплообмена (отметили 64,3 % от числа опрошенных экспертов); способность к принятию организационно-управленческих решений и готовность нести за них ответственность (отметили 64,3 % от числа опрошенных экспертов);

3 место — владение культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения (отметили 57,1 % от числа опрошенных экспертов); способность использовать типовые технологии технического обслуживания, ремонта и восстановления изношенных деталей машин и электрооборудования (отметили 57,1 % от числа опрошенных экспертов); владение способами анализа качества продукции, организации контроля качества и управления технологическими процессами (отметили 57,1 % от числа опрошенных экспертов);

4 место — способность использовать современные методы монтажа, наладки машин и установок, поддержания режимов работы электрифицированных и автоматизированных технологических процессов, непосредственно связанных с биологическими объектами (отметили 50,0 % от числа опрошенных экспертов); способность организовывать работу исполнителей, находить и принимать решения в области организации и нормирования труда (отметили 50,0 % от числа опрошенных экспертов);

5 место — способность анализировать технологический процесс как объект контроля и управления.

Заключение

Таким образом, можно говорить о благоприятных условиях для подготовки высокопрофессиональных инженеров для отрасли сельского хозяйства Ставропольского края. Мнения работодателей относительно компетенций и профессиональных качеств, которыми должны обладать выпускники направления подготовки «Агроинженерия», учтены в образовательной программе. В ходе опроса работодателей и главных специалистов профильных предприятий Ставропольского края проведено ранжирование наиболее значимых качеств для выпускника —коммуникабельность, умение самостоятельно ставить задачу и принимать решения; творческие качества, умение решать нестандартные задачи; умение планировать рабочее время; лидерские качества и умение руководить другими.

Литература

Гущина Ю. И. К вопросу о механизмах регулирования взаимодействия рынка образовательных услуг и рынка труда [электронный ресурс] // Креативная экономика. 2014. № 1 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-omehanizmah-regulirovaniya-vzaimodeystviya-rynka-obrazovatelnyh-uslug-i-rynka-truda> (дата обращения: 23.05.2018).

Vogtenhuber S. The institutional conditions of inequality in credential and skill attainment and their impact on occupational placement // Research in Social Stratification and Mobility. 2018. № 55. С. 13–24.

Ang J. B., Fredriksson P. G. Culture, legal heritage and the regulation of labor // Journal of Comparative Economics. 2018. № 46 (2). С. 616–633.

Müller J., Uptmann T. Centralised labour market negotiations: Strategic behaviour curbs employment // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2018. № 174 (2). С. 278–302.

Сельские территории в динамике социокультурных измерений (на примере Астраханской области)

Rural Territories in the Dynamics of Socio-Cultural Dimensions (a case study of Astrakhan Oblast)

Е. В. Каргаполова (E. V. Kargapolova)¹

¹ доктор социологических наук, доцент, Астраханский государственный университет (Астрахань, Российская Федерация). E-mail: K474671@list.ru

Ph.D. in Sociology (Doct. of Sociological Sc.), Associate Professor, Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: K474671@list.ru

Аннотация. Сельские территории Астраханской области занимают важное место в социокультурном пространстве региона. В современной России в них проживает каждый третий астраханец. Это выше, чем в среднем по стране, но ниже, чем в среднем по Южному федеральному округу. Доля сельчан растет, что связано с получением статуса сельских муниципальных образований — поселками городского типа. В статье на основе результатов эмпирического исследования сельские территории Астраханской области рассматриваются в динамике социокультурных измерений, то есть в целостной совокупности критериев — социально-демографических, социально-экологических, социоэкономических, собственно культурных, институционально-регулятивных. Что касается социально-экологической сферы, то жители села оценивают качество воздуха выше, чем население всего региона. Это соответствует объективным показателям состояния воздуха на селе. Качество воды при этом сельчанами оценивается так же, как населением области в целом. По результатам социологического мониторинга фиксируется размытость территориально-поселенческой идентификации у астраханского населения, что детерминировано сложившейся территориально-поселенческой структурой. Это одна из вероятных причин отсутствия значимой социально-демографической специфики населения сельских территорий Астраханской

области в сравнении с ее населением в целом по структуре брачности, детности, уровню образования. Нивелируются различия между жителями сельских муниципальных образований и населения региона в целом по формам занятости, что является важнейшим индикатором дисфункции социально-экономических институтов на селе и деградации жизнеобеспечивающей сферы. Примерно каждый третий житель села не имеет трудового договора по месту основной работы. В структуре трудовой мотивации у жителей сельских муниципальных образований преобладают нерыночные мотивы трудовой деятельности, что отражает ситуацию дезадаптации к институциональным преобразованиям в современной России, а именно — к переходу от государственной собственности к частной. Это приводит к росту протестного потенциала у сельчан. Что касается собственно сферы культуры, жители села являются активными пользователями новых масс-медиа и технологий — мобильных телефонов, компьютеров, Интернета, социальных сетей. Но, наряду с этим, у них сохраняется потребность в обращении к традиционным СМИ — газетам, телевидению, в частности, [потребность в просмотре местных телеканалов](#).

Структура религиозной идентичности на селе аналогична общерегиональной, но в сельских муниципальных образованиях доля мусульман гораздо выше, чем по области в целом.

Ключевые слова: территориально-поселенческая структура, сельские территории, регион, социокультурный подход, социокультурные функции, менталитет

Abstract. Rural territories of Astrakhan Oblast hold a prominent place in the socio-cultural environment of the region. Every third resident of the oblast is a villager. This is above the national average but is below that of the Southern Federal District. The share of rural population is increasing which is due to the fact that nowadays urban-type settlements often obtain the status of rural municipal entities (or districts). The article summarizes results of empirical studies of Astrakhan Oblast's rural territories viewed in the dynamic perspective of socio-cultural transformations, i.e., through the prism of multiple criteria, such as socio-demographic, socio-ecological, socio-economic, cultural, and institutional-regulatory ones. As for the socio-ecological sphere, villagers tend to give higher estimations of air quality. This corresponds to the objective air quality data. At the same time, villagers give water quality estimations that are similar enough to general ones.

The sociological monitoring establishes somewhat vague territorial identities among residents of the region which had been determined by the adopted territorial structuring patterns. This might be the reason there are no significant socio-demographic differences between the rural population and other social groups in terms of marriage, parenthood, and educational levels within the region. Work status differences between residents of different municipalities are also mitigated enough which actually reveals a major dysfunction of rural socio-economic institutions and degraded critical services. Almost a third of villagers have no permanent labor contracts. Non-market motives prevail within the labor motivation structure of rural population, this being an indicator the latter remain maladjusted to institutional transformations of contemporary Russia, and, namely, transition from state to private property, which adds to protest sentiments among villagers.

As for the sphere of culture as such, villagers make extensive use of the new media and gadgets, i.e., mobile phones, computers, Internet resources, and social networks. However, they demonstrate a need to turn to the traditional media, such as newspapers and television (preference be given to local TV channels).

The structure of religious identity among villagers is similar to that of the region in general but the share of Muslims in rural municipalities is higher than the average regional rate.

Keywords: territorial-and-settlement structure, rural territories, region, socio-cultural approach, socio-cultural functions, mentality

Астраханская область — субъект Российской Федерации, относящийся к Южному федеральному округу. На 1 января 2017 г. в регионе проживало 1 018,9 тыс. чел., из которых 66,5 % — в городах, 33,5 % — в сельских поселениях. Доля сельского населения в регионе превышает общероссийский показатель (25,7 %), но ниже, чем в среднем по ЮФО (37,6 %) [Регионы России... 2017].

Таким образом, в сельских поселениях Астраханской области проживает каждый третий житель региона. Но, предваряя анализ собственно сельских по административному статусу территорий, необходимо отметить следующее: территориально-поселенческая структура Южного федерального округа характеризуется наличием 18 (из 79) городов с населением более 100 тыс. чел. Причем семь из этих городов сосредоточены в Ростовской области, три —

в Волгоградской, четыре — в Краснодарском крае. В Астраханской области, Республике Адыгея и Республике Калмыкия только по одному городу с населением более 100 тыс. чел. — это областной и республиканские центры [База данных муниципальных образований... 2015].

Кроме областного центра, в Астраханской области пять малых городов: Ахтубинск (38 160 чел.), Знаменск (27 202 чел.), Харабали (18 279 чел.), Камызяк (16 073 чел.), Нариманов (11 139 чел.); семь поселков городского типа: Верхний Баскунчак (7 292 чел.), Нижний Баскунчак (2 575 чел.), Ильинка (4 919 чел.), Красные Баррикады (6 446 чел.), Волго-Каспийский (2 498 чел.), Кировский (2 182 чел.) и Лиман (9 139 чел.) [Численность населения ... 2016: Табл. 36].

Все малые города Астраханской области получили статус города во второй половине XX в., поэтому не имеют многовековых традиций городской культуры, характерных, например, для «старых» городов Центральной части России [База данных муниципальных образований ... 2015]. Сложившаяся территориально-поселенческая структура во многом детерминирует фиксируемую по результатам эмпирических исследований размытость территориально-поселенческой идентификации и преобладание «сельского», «деревенского» типа менталитета у населения региона [см., например: Астраханская область в процессах модернизации ... 2017; Каргаполов, Дулина, Каргаполова 2014; Каргаполова 2011; Менталитет и электронная культура ... 2016; Регион: пространство смыслов ... 2013; Социокультурный портрет ... 2010].

Необходимо отметить, что доля сельского населения в Астраханской области с 2005 г. увеличилась на 1,2 %, тогда как в целом по стране, напротив, снизилась на 1,1 % [Регионы России ... 2017]. Одной из вероятных причин является смена статуса муниципальных образований: если в 1989 г. в Астраханской области было 14 поселков городского типа, то в современной России поселки городского типа Капустин Яр, Тумак, Никольское, Мумра, Оранжевые, Трудфронт и Володарский стали сельскими поселениями [База данных муниципальных образований ... 2015].

На 1 января 2017 г. в Астраханской области — 130 сельских поселений [Регионы России ... 2017]. Как указывается в Страте-

гии социально-экономического развития Астраханской области до 2020 г., «сельские поселения сосредоточены вдоль Волго-Ахтубинской поймы, дельты реки Волги и некоторых ильменей» [Стратегия... 2011]. Некоторые из этих поселений занимают важное место в территориально-поселенческой структуре региона. Так, в Астраханской области — одиннадцать муниципальных районов, в шести из которых районными центрами являются сельские поселения. Численность населения некоторых районных центров увеличивается: с. Красный Яр — с 10 875 в 1989 г. до 16 814 чел. в 2016 г., с. Началово — с 3 922 чел. до 10 696 чел., пос. Володарский — с 9 326 чел. до 10 102 чел., с. Икряное — с 9 629 чел. до 10 226 чел., а сёла Черный Яр и Енотаевка, напротив, имеют тенденцию к снижению (с 8 100 чел. до 7 528 чел. и с 7 836 чел. до 7 222 чел. соответственно) [Всесоюзная перепись населения ... 1989; Численность населения ... 2016].

Теоретико-методологические возможности социокультурного подхода позволяют рассмотреть сельские территории в единстве таких базовых составляющих социокультурного пространства, как человек, социум и культура. Сельские поселения позиционируются как социумы в комплексе целостной совокупности критериев — природно-ресурсных, демографических, культурных, образовательных, медицинских, социально-экономических, социально-политических и других факторов, охватывающих все аспекты жизни. Становится возможным исследовать «динамично меняющуюся канву межличностных отношений» между конкретными людьми, а не только как скрепляющие социально-культурные территориальные общности социальные институты, организации и технологии» [Ганопольский 2010: 114].

Что касается *социально-демографических характеристик* населения сельских территорий Астраханской области, то, по результатам третьей волны мониторингового социологического исследования (2016 г.)*, в выборку из сельских поселений вошли 56 % мужчин и 44 % женщин; 44 % молодежи, 49 % взрослых и 7 % пенсионеров. 54 % опрошенных состоят в браке, 27 % — холостые, 7 % — в незарегистрированном сожительстве, по 4 % — в разводе и овдовевшие. По данным опроса, структура населения

сельских территорий по типу брачности аналогична структуре населения всего региона.

В сельских поселениях 36 % опрошенных не имеют детей, 28 % имеют двоих детей, 20 % — одного ребенка, что также соответствует результатам опроса по региону в целом. Только количество респондентов сельских поселений, у которых трое и более детей, несколько превышает аналогичный общерегиональный показатель (14 % против 11 %).

Высшее образование среди жителей сел и деревень имеют 34,5 % опрошенных, среднее специальное — 23 %, незаконченное высшее — 17 %, среднее общее — 11 %, начальное профессиональное и неоконченное среднее, без образования и начальное образование — по 3 %, послевузовское — 2 %. Структура населения по уровню образования, сложившаяся на сельских территориях, аналогична структуре образования населения по региону в целом.

Что касается оценки населением сельских поселений *состояния окружающей природной среды*, то 42 % опрошенных считают воздух достаточно чистым (по региону в целом — 28 %), 44 % — «воздух обычно загрязнен» (по региону — 47 %), 12 % — «обычно воздух сильно загрязнен, страдают больные люди» (по региону — 21 %). Таким образом, жители сел и деревень выше оценивают качество воздуха, чем население всего региона. Оценка качества питьевой воды среди сельчан такая же, как по всей области: каждый третий ответил, что вода достаточно чистая, 44 % — вода загрязнена, и примерно каждый шестой, что вода сильно загрязнена.

Что касается *социальноэкономических характеристик* среды жизнедеятельности, то так же, как и по региону в целом, 71 % жителей села имеют письменный трудовой договор на основной работе.

В органах государственной власти или местного самоуправления работают 29 % жителей села, тогда как по всей области — 20 %; в бюджетных организациях (школах, поликлиниках) — 18 % (по региону — 20 %); на государственных предприятиях — 15 % (по региону — 16 %); на акционерных предприятиях с участием государства — 3 % (по региону — 6 %); на акционерных предприятиях без участия государства — 4 % (по региону — 5 %); на предприятиях, фирмах, находящихся в личной собственности, —

5 % (по региону — 4 %); на частных предприятиях, находящихся в собственности других лиц, — 10 % против 15 % по региону; в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных кооперативах — 0,9 % (по региону — 0,6 %); в крестьянских, фермерских хозяйствах — 0,4 % (по региону — 0,6 %); в личных подсобных хозяйствах — 0,9 % (по региону — 1 %); индивидуальной трудовой деятельностью заняты 3 % жителей села и области.

Подобная структура занятости отражает системные деформации жизнеобеспечивающей функции сельских территорий, в которых население, чтобы обеспечивать себя продуктами питания, должно быть занято фермерским и личным подсобным хозяйством, в сельскохозяйственных кооперативах в большей степени, чем городское население. Деформацию жизнеобеспечивающей функции проявляет и тот факт, что самая большая доля работающего населения в регионе занята в органах власти и управления. И сельчане в большей степени, чем горожане.

Структура трудовой мотивации жителей села в целом совпадает с общерегиональной: 59 % демонстрируют нерыночную мотивацию трудовой деятельности (то есть хотят иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне), а 47 % — нерыночную, которая проявляется в желании иметь небольшой заработок, но больше свободного времени (17 %), много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее (17 %), иметь собственный бизнес и вести его на свой страх и риск (13 %).

Что касается *сферы культуры*, которая выполняет интегрирующую функцию, то жители села чаще обращаются к газетам как источникам информации. Так, примерно каждый третий (31 %) житель села ответил, что вообще не читает газет, тогда как в поселках городского типа эта категория составляет 35 %, в малых городах — 38 %, в областном центре — 51 %. Областные и местные газеты читает 23 % сельчан, центральные — 20 % и те и другие — 24 %.

К просмотру телевизионных передач не обращается так же, как и по региону в целом, примерно каждый седьмой житель села. При этом сельчане несколько чаще, чем жители региона

в целом, смотрят передачи местных и областных телеканалов (16 % против 10 %); центральные, напротив, — несколько меньше (37 % против 42 %). Примерно каждый третий и в области, и в селе смотрит передачи и местных, и центральных каналов в равной степени.

При этом доступ к современным (новым) средствам массовой коммуникации жители села имеют в той же степени, что и по региону в целом: мобильный телефон используют 96 % сельчан, компьютер — 79 %, интернет — 85 %, социальные сети — 71 % (несколько больше только по областному центру — 77 %).

Структура религиозной идентичности по сельским территориям аналогична структуре по региону в целом: 54 % считают себя верующими, 30 % — скорее верующими, чем неверующими, 5 % — скорее неверующими, чем верующими, 4 % — неверующими, 5 % — атеистами. Но при этом среди сельчан значительно меньше, чем по региону в целом, православных (59 % против 71 %), но больше мусульман (30 % против 21 %).

Что касается *институционно-регулятивной сферы*, то так же, как по региону в целом, 69 % жителей села не сталкивались за последние 12 месяцев с фактами вымогательства, взяток, коррупции, 23 % изредка сталкивались, 3 % сталкивались часто.

Сельчане более безопасно чувствуют себя, когда идут в одиночестве в районе собственного проживания после наступления темноты: в полной безопасности — 29 % сельчан, тогда как по региону в целом — 21 % (среди жителей малых городов — 30 %, областного центра — 15 %, поселков городского типа — 9 %). Но при этом на вопрос «Были ли случаи за последние 5 лет, когда Вы или члены Вашей семьи стали жертвами грабежа, нападения, насилия?» ответили утвердительно 18 % жителей села и 20 % — по региону в целом (среди жителей малых городов — 27 %, областного центра — 21 %, поселков городского типа — 15 %).

Необходимо также отметить, что уровень протестного потенциала в сельских поселениях выше, чем по региону в целом (53 % против 46 % ответивших на вопрос «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?» «готов» и «пожалуй, готов»).

Для поддержания жизнедеятельности региона как *социокультурного целого* важным является наличие развитой транспортной инфраструктуры. Так, оценка работы общественного транспорта сельчанами совпадает с общерегиональной: каждый третий дает оценку «в целом хорошо», примерно каждый третий — «скорее хорошо», каждый шестой — «скорее плохо», 6 % — «плохо».

Важными для поддержания социокультурной целостности традиционно полиэтничного и поликонфессионального региона являются также характеристики взаимоотношений коренного населения с приезжими. Так, 29 % жителей села считают, что с приезжими сложились устойчивые хорошие отношения (по региону в целом — 23 %), 38 % — «в целом нормальные отношения, но случаются недоразумения» (по региону — 40 %), 11 % — «отношения неровные, нередко возникают напряжения» (по региону — 12 %), 6 % — «напряженные отношения, нередко происходят драки, вызывают полицию» (по региону — 5 %), 3 % — «местные и приезжие почти не общаются друг с другом» (по региону — 3 %). Таким образом, жители села более позитивно оценивают отношения с мигрантами, чем население региона в целом.

Интегральными индикаторами состояния региона как социокультурной целостности являются сравнительные и эмоциональные оценки населением среды жизнедеятельности. Так, на вопрос «Как вы считаете, жители нашего региона живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов?» 18 % жителей села ответили: «в нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних» (по региону в целом — 15 %), 50 % — «по сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, по сравнению с другими — хуже» (по региону — 49 %), 21 % — «в нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах» (по региону — 26 %). Таким образом, жители села более оптимистичны в оценке региона как среды жизнедеятельности, чем по региону в целом. Данные ответы, на наш взгляд, проявляют деревенский тип менталитета сельчан.

Проявляется также деревенский тип менталитета у сельчан в оценке личного доверия. Так, при ответе астраханцев на вопрос «Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или, наоборот, лишняя осторожность не мешает?» средневзвешенная

балльная оценка в целом по региону составила 4,51 балла, тогда как среди жителей села — 5,4 балла по 10-балльной шкале.

Рады, что живут в регионе, 22 % жителей сельских поселений; 44 % — в целом довольны, но многое не устраивает; 17 % не испытывают чувств по этому поводу; 7 % не нравится жить в регионе, но они привыкли и не собираются уезжать; 5 % хотели бы уехать в другой регион, а 3 % — уехать из России. Эмоциональная оценка региона и миграционный запрос на выезд у жителей села и по региону в целом совпадают, и сельский тип менталитета по этим параметрам не проявляется.

Подводя итоги, необходимо отметить трансформацию социокультурных функций сельских территорий, из которых трансформация жизнеобеспечивающей функции, реализуемой в трудовой деятельности, приобретает черты деформации, что вызывает рост протестного потенциала на селе.

Базовые характеристики крестьянского менталитета проявляются в традиционной для региона веротерпимости, уровне личного доверия и социального оптимизма. При этом по многим параметрам отличий между ответами жителей села и жителями региона в целом не зафиксировано, что отражает размытость территориально-поселенческой идентификации как одну из особенностей социокультурного пространства региона.

**Технические параметры исследования. Мониторинговое социологическое исследование проведено под руководством Е. В. Каргаполовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители и разработчики инструментария на федеральном уровне — Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН). Первый этап был проведен в январе 2010 г. (N = 1000), второй — в мае-июне 2012 г. (N = 600), третий — в апреле-мае 2016 г. (N=1 000). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки — 3 %. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН.*

Литература

Астраханская область в процессах модернизации на социокультурной карте России (опыт системного анализа) / Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова, С. Н. Коннова, Д. Р. Крипакова, Ю. Г. Миронова, С. В. Новоселов, И. И. Потапова, Е. О. Черемных; под общ. ред. Е. В. Каргаполовой. Астрахань: АГАСУ, 2017. 378 с.

База данных муниципальных образований [электронный ресурс]. М.: Росстат, 2015. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 29.02.2018).

Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу [электронный ресурс] // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 29.02.2018).

Ганопольский М. Г. Тюменская область: штрихи к портрету нефтегазодобывающей цивилизации // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. 2010. № 1. С. 114–117.

Каргаполов С. В., Дулина Н. В., Каргаполова Е. В. Менталитет молодежи в условиях социокультурной модернизации // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: мат-лы Всероссийской науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 41–47.

Каргаполова Е. В. Тридцатый регион: потенциал социального развития / под общ. научн. ред. проф. Н. В. Дулиной. Волгоград: Волгоградск. науч. изд-во, 2011. 375 с.

Менталитет и электронная культура современной молодежи (опыт социологического анализа) / А. Ю. Арясова, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова; под ред. Н. В. Дулиной. Волгоград: Волгоградск. науч. изд-во, 2016. 175 с.

Регион: пространство смыслов и содержание / Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Е. О. Беликова, Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова, И. Н. Наумов, В. А. Парамонова, М. А. Симоненко, В. В. Токарев; под общ. ред. Н. В. Дулиной, Е. В. Каргаполовой. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2013. 294 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. [электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p (дата обращения: 20.06.2018).

Социокультурный портрет Астраханской области. Опыт социологического, экономического и политологического анализа / А. Ю. Арясова, Т. Ю. Гречкина, Е. В. Каргаполова, Л. А. Лебединцева, Ю. И. Убогович; под общ. ред. Е. В. Каргаполовой. Волгоград: Волгоградск. науч. изд-во, 2010. 307 с.

Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года [электронный ресурс] // URL: http://www.minregion.ru/upload/documents/2011/09/280911/280911_1538r.doc (дата обращения: 09.01.2018).

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2016 года [электронный ресурс] // М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2016. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/bul_dr/mun_obr2016.rar (дата обращения: 01.05.2018).

Религиозный фактор в социальной адаптации сельского русского населения (по итогам исследований 2016 и 2017 гг. в Калмыкии)¹

Social Adaptation of Rural Russian Population: a Religious Factor (summarizing the results of 2016–2017 surveys held in Kalmykia)

Л. В. Намруева (L. V. Namrueva)¹

¹ кандидат социологических наук, заведующий, отдел комплексного мониторинга и информационных технологий, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: lnamrueva@yandex.ru

Ph.D. in Sociology (Cand. of Sociological Sc.), Head of Department for Comprehensive Monitoring and Information Technologies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: lnamrueva@yandex.ru

Аннотация. Проблема социальной адаптации и поиска жизненных траекторий в изменяющихся условиях представляется одной из ключевых. В статье представлен анализ результатов авторских социологических исследований, позволяющих определить основные тенденции адаптации населения к динамично меняющимся социальным условиям в постсоветский период. 83 % опрошенных в 2017 г. живет в крайне сложных материальных условиях и довольствуется только самым необходимым. Экономический кризис 2014 г. привел к резкому сокращению ресурсов, еще большей уязвимости определенных слоев населения, обострению проблем бедности. Если для 52 % опрошенных ситуация в регионе складывается достаточно благополучно, то несколько меньшее количество, 45 %, имеет противоположное мнение. Именно первая

¹ Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект КалмНЦ РАН «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов» (№ государственной регистрации АААА-А17-117030910098-1).

группа может создавать тот моральный фон в обществе, который может помочь преодолеть объективно существующие трудности и поддерживать социальную и политическую стабильность. К проблемам, серьезно осложняющим адаптационные процессы, относят огромное расслоение населения по уровню доходов и расходов. Анализ позволил выяснить, как сильно дифференцировано сельское население республики по экономическому критерию, что влияет на адаптационные возможности селян, на их социальное самочувствие, настроение.

Одним из факторов, способствующих адаптации россиян к рыночным условиям, является позитивное воздействие религиозной веры на жизнь современных россиян.

Ключевые слова: социальная адаптация, русское население, Республика Калмыкия, бедность, роль религии, благополучие

Abstract. The problem of social adaptation and search for life paths in the changing conditions seems a major one. The article analyzes results of sociological surveys aimed to identify the key trends adopted by the population to adapt to the dynamically changing social conditions of the post-Soviet era. 83 % of the respondents (2017) experience severe material deprivation being restricted to bare essentials. The economic crisis of 2014 has resulted in drastic income cuts, making certain social groups even more vulnerable and exacerbating the problem of poverty. Even though 52 % of the respondents (residents of the region) still view their conditions as safe enough, 45 % of people in the surveys have dissenting opinions. Those are the former who can sustain a moral background that might be helpful in surmounting the existing difficulties and maintaining socio-political stability. The problems that significantly complicate the adaptation processes include a dramatic wealth divide. The conducted analysis reveals the scale of differentiation within the regional rural population in terms of individual economic conditions, which influences the adaptation opportunities of villagers, their social feelings and attitudes.

One of the factors to facilitate the adaptation of Russia's citizens to market conditions — one with a positive impact — is religious faith.

Keywords: social adaptation, Russian population, Republic of Kalmykia, poverty, role of religion, well-being

Введение

Российские исследователи рассматривают социальную адаптацию как определенное состояние, свойство и результат освоения меняющихся условий жизнедеятельности. В рамках этого подхода «социальная адаптация представляет собой изменение, некий порядок развития данного процесса, характеризующийся последовательной сменой его состояний во времени и направленный на гармонизацию отношений между адаптантом и социальной средой» [Козырева, Смирнов 2016: 136]. Современные изменения в стране характеризуются не только широкомасштабностью и всеохватностью, но и неопределенностью, противоречивостью, когда теряется/усиливается вера в Бога, правительство; осознается/не осознается характер разнообразных угроз, в пространстве которых изменяются нормы, прежде считавшиеся незыблемыми. Многолетние данные российского мониторинга социальных ориентаций населения свидетельствуют о том, что в числе факторов, оказывающих постоянное воздействие на адаптацию жителей страны к новой постсоветской реальности, важное место занимают их религиозно-мировоззренческие предпочтения. Лица, заявляющие о своей приверженности разным религиям, как и нерелигиозным мировоззрениям, зачастую по-разному реагируют на те или иные события социально-политической, экономической и культурной жизни и по-разному пытаются отыскать свое место в современном обществе [Мчедлова и др. 2016: 476].

Вопрос о количестве православных в современной России относится к дискуссионным, исследователи приводят разные цифры, разброс которых просто поражает: от 2 до 70 %. Ситуация объясняется тем, что используются разные критерии, зачастую не совпадают самоидентификация и реальная ситуация.

В настоящее время православная самоидентификация не основывается на принятии обряда крещения, ношении нательного креста, такие православные не знают молитв, нерегулярно ходят в церковь, не знают и не отмечают религиозные праздники (за исключением Рождества и Пасхи), не соблюдают религиозные посты, не знают всех тонкостей поведения в церкви и т. д. С точки

зрения православной церкви, эти люди не могут считаться истинными православными. Интересно, что принадлежность к православию многими людьми воспринимается как некоторая данность: «Я русская, значит — православная».

По мнению М. А. Жигуновой, «количество „истинно верующих“ людей, регулярно участвующих в религиозных обрядах, знающих и соблюдающих основные каноны религиозной веры, является незначительным (несмотря на то, что подавляющее большинство считают себя православными)» [Жигунова 2007: 193].

Результаты исследования и их анализ

Проблема этнокультурной специфики русского населения степного края привлекала внимание многих исследователей, в основном историков, значительно в меньшей степени социологов, культурологов. Однако многие стороны жизнедеятельности русских в Калмыкии, к сожалению, не изучены. Данная статья подготовлена для участия в региональной научной конференции КалмНЦ РАН «Актуальные проблемы истории русского православной церкви на Юге России» (г. Элиста, 22 марта 2018 г.). В ней автор раскрывает лишь малую толику обширной темы, связанной с религиозностью русских и ролью этого фактора в современных социально-экономических процессах. Цель статьи — рассмотреть роль религиозного фактора на процессы адаптации русского населения.

Русские являются вторым по численности этносом Калмыкии. По итогам Всероссийской переписи 2010 г., русские составляют 30,2 % от всего населения республики и 31,7 % от населения столицы, г. Элисты. Удельный вес русских, проживающих в сельской местности, составляет 30,0 %. В разрезе административных районов Республики Калмыкия можно выделить 4 группы: 1) с преобладанием (свыше 50 %) русского населения — 4 района (Яшалтинский, Приютненский, Сарпинский, Городовиковский); 2) с долей русского населения от 33 % до 50 % — 1 район (Малодербетовский); 3) с долей русского населения от 10 % до 33 % — 6 районов (Ики-Бурульский, Лаганский, Октябрьский, Яшкульский, Целинный, Черноземельский); 4) с долей русского населения — менее

10 % — 2 района (Кетченеровский, Юстинский) (подсчитано автором по: [Национальный состав 2013: 182–183]).

В Калмыкии, как и по всей стране, с конца 1980-х гг. возрождается религиозная деятельность, активизируется церковно-приходское строительство, регистрируются новые общины. В православных храмах значительно увеличивается количество прихожан, среди которых немало молодежи. В начале 2000-х гг. усилия приходов направлены на благоустройство храмов, ремонт зданий, приобретение религиозных принадлежностей и украшений. Штат церквей комплектуется местными священниками, получившими образование в духовных семинариях гг. Белгорода, Ставрополя и Москвы [Марзаева 2011: 57].

Безусловно, происходящие социальные трансформации отражаются на восприятии настоящего и жизненных планов человека и его окружения. Исследователи изучают, насколько они готовы к переменам, которые влекут за собой коренную трансформацию привычных смысложизненных ориентиров. Используя результаты авторского опроса 2016 г., рассмотрим оценку эмоционально-психологического состояния личности. Анкетный опрос проведен в сельских районах республики в рамках государственного задания — «Развитие сельских территорий Республики Калмыкия: проблемы и перспективы». Объем выборочной совокупности составил 387 сельских жителей. Из них 214 мужчин (55 %), 173 женщины (45 %). Респонденты русские (136) составляют 35,1 % от всей выборки [Намруева, Землянская 2017]. В нашей статье анализируются ответы респондентов русской национальности.

Более половины опрошенных (52,2 %) дают благоприятную и «вполне благоприятную» оценку положению дел в регионе. 39 % с трудом терпит сложившуюся экономическую ситуацию. 6,6 % опрошенных крайне трудно переносят сложности своего положения. Экономический кризис, переживаемый страной с 2014 г., привел к резкому сокращению ресурсов, еще большей уязвимости определенных слоев населения, обострению проблем бедности. Если для 52 % опрошенных ситуация в регионе складывается достаточно благополучно, то несколько меньшее количество, 45 %, имеет противоположное мнение. Именно первая группа «может

создавать тот моральный фон в обществе, который может помогать преодолевать объективно существующие трудности и поддерживать социальную и политическую стабильность [Баженова и др. 2016: 234]. Исследователи к проблемам, серьезно осложняющим адаптационные процессы, относят огромное расслоение населения по уровню доходов и расходов [Козырева, Смирнов 2016: 147].

Проведенный нами анализ показал, как сильно дифференцированно сельское население республики по этому критерию, что, конечно, влияет на адаптационные возможности селян, на их социальное самочувствие. В период кризиса ухудшение экономического положения отразилось на самочувствии и настроении людей.

Анализ ответов на закрытый вопрос «Не могли бы Вы оценить, каким бывает Ваше настроение чаще всего в последнее время?» свидетельствует, что у 4,4 % русских респондентов настроение оптимистическое, приподнятое, хорошее. 33,1 % чувствует себя чаще стабильно, уверенно. 44,8 % ответивших имеют разное настроение (иногда хорошее, иногда — тревожное, тяжелое). Почти каждый восьмой (12,5 %) чувствует себя плохо, испытывает неуверенность, страх. Лишь два человека (1,5 %) чувствуют себя плохо, настроены очень пессимистично (нет будущего, не хочется жить). В целом, треть опрошенных настроена оптимистично (37,5 %) [Намруева, Землянская 2017]. Согласно разделяемому нами мнению исследователей, существует определенное влияние веры на более спокойное восприятие перемен и, как следствие, на социальную адаптацию личности [Мчедлова и др. 2016: 478]. Безусловно, группа оптимистов находится под позитивным влиянием православия, традиционной конфессии русских, проживающих в Калмыкии.

Далее рассмотрим отдельные итоги массового анкетного опроса 2017 г. (N=700), проведенного в рамках проекта «Основные социальные идентичности населения Республики Калмыкия в 2010-е гг.: факторы и ресурсы» при поддержке гранта РФФИ и Правительства Республики Калмыкия (17-46-080755a(p)). Мужчины составляют 50,7 % выборочной совокупности, женщины — 49,3 %. Менее трети 30,1 % респондентов проживают в сельских населенных пунктах, 26,5 % — в районных центрах, 43,4 % — в

г. Элисте. Русские респонденты составляют 18,4 % [Намруева, Нусхаева, Бадмаева 2017].

Одним из важных показателей социальной адаптации является оценка респондентами своего социально-экономического положения и его изменений в условиях нынешнего кризиса. Респонденты оценивают свои доходы следующим образом: 20,3 % респондентов еле сводят концы с концами, ни на что не хватает, постоянно берут продукты в долг. Большая часть опрошенных, 63 %, признались, что приобретают только самое необходимое. Суммированный результат, 83 %, свидетельствует, что подавляющее большинство живет в крайне сложных материальных условиях и довольствуется только самым необходимым. Результаты всероссийских опросов показывают, что такие семьи располагают ограниченными потребительскими возможностями. Около 70–80 % их бюджета составляют расходы на приобретение товаров первой необходимости. Многие из них вынуждены жить от зарплаты до зарплаты и тратить на еду и одежду практически все заработанное. В силу этого они не имеют возможности ездить на отдых и лечение, получать качественные медицинские услуги и образование [Козырева, Смирнов 2016: 150].

Противоположную картину наблюдаем в отношении 15–18 % опрошенных, которые смогли реализовать планы по повышению своего положения, имея устойчивое желание занять тот «статус, который обеспечивает наиболее благоприятную позицию в распределении общественных благ» [Шереги 2015: 28]. Так, 12,5 % приобретают необходимое и бытовую технику (без ущерба для бюджета). 3,1 % могут приобретать качественные продукты питания, бытовую технику, отдыхать за границей (без ущерба для бюджета). Один человек имеет достаточно обеспеченную жизнь, так как может приобретать качественные продукты питания, автомобиль, недвижимость, отдыхать за границей (без ущерба).

Выше отмечено, что одними из факторов, способствующими адаптации россиян к рыночным условиям, являются их религиозно-мировоззренческие предпочтения. В числе представленных позитивных воздействий религиозной веры на жизнь современного российского общества и, как следствие, ее действенности

как канала социализации респонденты православной группы в первую очередь выделили утешение в беде и удержание от дурных поступков. Обе эти позиции выходят на первое место, набирая одинаковый процент поддержки — 44%. В два раза меньше поддержки — 21–23% — набирают такие позиции, как защита от несчастий и болезней, придание жизни смысла и сохранение национальных традиций и культуры, духовно-нравственное возрождение общества. За ними следует помощь в объединении людей и совершенствовании их морального облика. Наконец, на самом последнем месте среди возможных позитивных воздействий — роль религии в патриотическом воспитании [Мчедлова и др. 2016: 473].

Один из вопросов анкетирования 2017 г. «В каких ситуациях Вы наиболее сильно ощущаете свою принадлежность к русскому народу?» позволил определить ситуации, в которых проявляются патриотические чувства и формируется этническое самосознание респондентов-русских. Первую позицию в исследуемой группе занял ответ «когда слышу о выдающихся достижениях людей моей национальности» (43,0%), вторую позицию — ответ «когда слышу песни о Родине, о моем народе на родном языке» (36,7%), третья позиция за ответом «когда обсуждают историческое прошлое моего народа» (26,6%). Далее следует вариант «когда читаю в газетах о проблемах и достижениях моего народа» (22,7%), пятерку замыкают два ответа: «когда узнаю, что люди моей национальности не получают желаемой работы, несмотря на их способности и деловые качества», «когда смотрю телепередачи о культуре русского народа» (21,9%). Каждый седьмой опрошенный сильно ощущает свою принадлежность к русскому народу, когда посещает храм, святые места (14,8%). Мы считаем, что возрастание интереса к своим историческим и этническим корням способствует приобщению населения республики к истории православия, религиозным, православным основам мировоззрения.

Заключение

Согласно разделяемому нами мнению ведущих социологов религии, «с одной стороны, социальное самочувствие, оценка личных и социальных перспектив кризиса, отказ от политических

технологий социальной адаптации являются внерелигиозными и внеконфессиональными, отражая идентичность взглядов и установок россиян при формировании жизненной траектории в условиях экономической нестабильности. С другой стороны, можно отметить большую направленность последователей традиционных российских конфессий и тех, для которых вера является основанием их онтологической идентичности, на традиционную ценностную устойчивость, более гуманные и созидательные технологии адаптации, традиционалистские и солидарные установки поведения. Роль религиозных институтов также представляется существенной для формирования каналов социализации в «эпоху перемен», особенно в социально значимых проекциях [Мчедлова и др. 2016: 495].

Современные процессы социальной адаптации динамичны, сложны, отличаются разнообразием характеристик. В списке факторов, влияющих на развитие адаптационных процессов, помимо таких как возросшая интенсивность жизнедеятельности и взаимозависимость интересов различных групп людей, необходимо отметить и роль религиозной составляющей, которая имеет особое влияние на судьбы людей.

Литература

Баженова Е. Ю., Васьков М. А., Волков Ю. Г. Ростовская область: адаптация к жизни в условиях кризиса // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сб. науч. ст.]. Вып. 14 / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. С. 228–253.

Жигунова М. А. Этносоциология русских Сибири: проблемы современной идентичности // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сб. / Под ред. Ю. В. Попкова. Вып. 8. Новосибирск: Сибирск. науч. изд-во, 2007. С. 191–195.

Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности и тенденции адаптации россиян к изменяющимся условиям в постсоветский период // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сб. науч. статей]. Вып. 14 / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. С. 133–171.

Марзаева М. Б. Русская православная церковь Калмыкии (1990–2010 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 56–59.

Мчедлова М. М., Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г., Кофанова Е. Н. Роль религиозного фактора в социальной адаптации в России // Россия

реформирующаяся: Ежегодник [сб. науч. ст.]. Вып. 14 / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. С. 468–495.

Намруева Л. В., Землянская С. В. Социальное самочувствие сельских жителей как фактор развития аграрной отрасли (по материалам анкетных опросов 1996 и 2016 гг. в Республике Калмыкия) // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 2В. С. 473–486.

Намруева Л. В., Нухаева Б. Б., Бадмаева Н. В. Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов. Отчет о НИР. Элиста: КалМНЦ РАН, 2017.

Население Калмыкии [электронный ресурс] // материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 29.05.2018).

Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста, 2013. 841 с.

Шереги Ф. Э. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Россия реформирующаяся. Вып. 13: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2015. С. 12–35.

Население южнороссийских регионов о демографических проблемах*

Population of Southern Russia: Opinions about Demographic Problems

Б. Б. Нусхаева (B. B. Nuskhayeva) ¹

¹ кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, отдел комплексного мониторинга и информационных технологий, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: nuskhayebb@kigiran.com

Ph.D. in Sociology (Cand. of Sociological Sc.), Senior Research Associate, Department for Comprehensive Monitoring and Information Technologies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: nuskhayebb@kigiran.com

Аннотация. В рамках изучения проблемы демографического потенциала регионов Юга России выявлены представления населения о демографической ситуации. Согласно опросу, более половины респондентов считают, что население в их регионе сокращается (52,9 %). Менее 30 % опрошенных выбрали вариант «численность населения стабильна», и 16,4 % респондентов сообщают о росте населения в их регионе. Наиболее неблагоприятную оценку демографической ситуации дает население Калмыкии и Волгоградской области.

Среди главных причин неблагоприятной ситуации чаще указываются «низкие доходы населения» (72,6 %). Также выбраны варианты: «государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми» (33,4 %) и «плохие жилищные условия» (22,1 %). Различий в представлениях жителей трех регионов о причинах демографических проблем не выявлено.

Основными мерами, необходимыми для улучшения ситуации, на-

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов» (2017–2021) (номер госрегистрации: АААА-А17-117030910098-1).

званы «рост доходов населения» (54,7 %) и «увеличение пособий (разовых и ежемесячных) на каждого ребенка» (32,2 %). Другой мерой по улучшению демографической ситуации определены «различные формы льготного кредитования жилья» (28,0 %). При сравнении ответов можно выделить, что респонденты трех регионов Юга России прежде всего указывают на вариант «рост доходов».

Ключевые слова: демографическая ситуация, сокращение численности населения, рост численности населения, причины сокращения численности населения в регионе, меры, необходимые для улучшения демографической ситуации

Abstract. The paper studies the demographic potential of Southern Russia and reveals public representations about the current demographic situation. The survey shows that over half of the respondents believe populations of their respective regions decrease (52,9 %). Less than 30 % of people in the survey preferred the variant 'population size is stable enough', and 16,4 % suggest a population growth. Most unfavorable estimations are those given by residents of Kalmykia and Volgograd Oblast.

'Low income' is reported to be the main reason of the adverse situation (72,6%). Other variants include 'no state support provided to households with children' (33,4 %) and 'poor housing conditions' (22,1 %). No significant differences — throughout the three regions — in opinions about demographic problems have been traced.

The key measures to improve the situation are reported to be 'growth of income' (54,7 %) and 'increased child allowances (both one-off and monthly payments)' (32,2 %). 'Diverse easy-term housing loans' can also improve the demographic situation (28,0 %). A comparative analysis of answers obtained shows that it is 'growth of income' which is emphasized by respondents from the three regions of Southern Russia.

Keywords: demographic situation, population decline, population growth, reasons of population decline in the region, measures to improve the demographic situation

Введение

Более десятилетия реализуется закон № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [Федеральный закон 2006]. Ведущие специалисты проводят анализ эффективности государственных мер. Как пишет Л. Л. Рыбаковский, «принятые меры в области повышения рождаемости оказались достаточно результативными» [Рыбаковский 2016: 29]. В. Н. Архангельский указывает на «дифференцированный характер преимущественного влияния тех или иных мер помощи семьям с детьми в зависимости от очередности рождения ребенка» [Архангельский 2014: 119]. Ученый подчеркивает, что программа федерального материнского (семейного) капитала оказывает большее влияние на вторые и последующие рождения. Существует и другая оценка демографическим мерам. В рамках проекта «Человек, семья, общество», проводимого Институтом социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС, изучено влияние государственных мер на решение о рождении детей. На основании результатов опросов 2013, 2015 и 2017 гг. исследователи пришли к выводу, что респондентами в целом одобряется программа материнского капитала. Вместе с тем авторы отмечают, что «почти 90 % респондентов утверждают, что введение материнского капитала никак не повлияло на их личное решение о рождении ребенка» [Третьякова, Хасанова 2018: 17]. Такое разногласие может определяться как формулировкой вопроса, так и временем проведения опроса. Мы придерживаемся первой точки зрения о некотором влиянии государственных мер поддержки семей с детьми на репродуктивное поведение населения. Вместе с тем демографическая ситуация в стране и отдельных регионах сложная, что определяет интерес к ней.

Анализируя демографическую ситуацию во Владимирской области, Г. Г. Евстифеева выявляет основные причины нежелания женщин иметь многодетную семью. К ним отнесены: невысокий уровень дохода семьи, неблагоприятные жилищные условия, трудности с получением мест в дошкольных учреждениях [Евстифеева 2016: 108].

Согласно исследованию по оценке демографической ситуации, проведенному в Республике Мордовия, неблагоприятная демографическая ситуация в регионе, по мнению опрошенных, является следствием низкого уровня жизни и высокой смертности, а также высокого уровня разводов [Кирдяшкина 2015: 50].

Изучая демографические проблемы Вологодской области, А. А. Шабунова, О. Н. Калачикова отмечают, что «главными препятствиями (как и способствующими условиями) увеличения рождаемости жители региона видят в проблеме материального положения и жилищную неустроенность» [Шабунова, Калачикова 2016: 56]

Результаты исследования и их анализ

В рамках изучения проблемы демографического потенциала регионов Юга России были исследованы представления населения о демографической ситуации в регионе, о причинах снижения численности населения в регионе и основных мерах по улучшению демографической ситуации. Всего опрошено 580 человек, в том числе 262 мужчин и 318 женщин. Из них 147 респондентов проживают в Астраханской области, 171 — в Волгоградской области и 262 — в Республике Калмыкия.

Распределение по возрастным группам следующее: 229 респондентов в возрасте до 25 лет, 276 респондентов в возрасте до 35 лет и 66 человек старше 36 лет. Также 281 опрошенных проживают в городских поселениях, а 284 — в сельских населенных пунктах.

Согласно опросу, более половины респондентов считают, что население в их регионе сокращается (52,9 %). Менее 30 % опрошенных выбрали вариант «численность населения стабильна» (28,6 %), и 16,4 % респондентов сообщают о росте населения в их регионе. Если рассматривать ответы в зависимости от региона, можно отметить, что наиболее неблагоприятную оценку демографической ситуации дает население Калмыкии и Волгоградской области (табл. 1). Так, около 60 % респондентов, проживающих в Республике Калмыкия, и 57,1 % опрошенных из Волгоградской области считает, что население в их регионе сокращается. Аналогичную оценку дали 41,0 % респондентов, проживающих в Астраханской области.

Таблица 1. Оценка демографической ситуации в регионе (в %)

	Астраханская область	Волгоградская область	Республика Калмыкия
Население сокращается	41,0	57,1	59,4
Численность населения стабильна	38,2	31,0	23,0
Рост численности населения	20,8	11,9	17,6

Стоит дополнить, что о стабильности численности населения региона чаще заявляют жители Астраханской области, чем жители Калмыкии (38,2 % напротив 23,0 %). Этот вариант ответов дали 31,0 % респондентов, проживающих в Волгоградской области. На рост численности населения указывает незначительная доля опрошенных: 11,9 % в Волгоградской области, 17,6 % — в Республике Калмыкия и 20,8 % — в Астраханской области. Таким образом, респонденты чаще сообщают о неблагоприятной демографической ситуации в регионе, особенно жители Волгоградской области и Республики Калмыкия.

Рассматривая статистические данные за 2000–2016 гг. по трем регионам Юга России, можно увидеть, что в Волгоградской области и Республике Калмыкия наблюдается сокращение численности населения, а в Астраханской области — рост численности населения [Нусхаева 2018: 95]. То есть можно говорить, что представления населения о демографических тенденциях описывают реальную ситуацию в регионе.

В анкете предлагалось определить основные причины неблагоприятной демографической ситуации в регионе. Из списка причин необходимо было выбрать два варианта ответа или указать свой вариант:

- 1) многие считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка;
- 2) государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми;
- 3) плохие жилищные условия;
- 4) низкие доходы;

- 5) плохая медицинская помощь женщинам во время беременности, при родах;
- 6) другое (назовите): _____
- 7) ничто не мешает в нашем регионе росту численности населения.

Согласно опросу, главной причиной неблагоприятной демографической ситуации в регионе названы «низкие доходы населения» (72,6 %). Также треть опрошенных указали вариант «государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми» (33,4 %). И 22,1 % респондентов считают, что росту численности населения мешают «плохие жилищные условия». Другие причины называются реже. О низких репродуктивных установках как причине сокращения численности населения в регионе заявили всего 14,1 % опрошенных, а «плохую медицинскую помощь во время беременности и родах» отнесли к главным причинам демографических проблем всего 8,4 % респондентов. Таким образом, по мнению опрошенных, экономическое неблагополучие является главной причиной сложной демографической ситуации в регионе.

Анализ ответов о причинах сложившейся демографической ситуации в зависимости от региона свидетельствует, что большинство респондентов Астраханской, Волгоградской областей и Республики Калмыкия основной причиной называют «низкие доходы населения» (70,8 %, 69,6 % и 75,5 % соответственно). Около трети респондентов каждого региона указывают на то, что «государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми» (32,6 %, 33,3 % и 33,9 % соответственно).

Таблица 2. *Распределение ответов об основных причинах неблагоприятной демографической ситуации в зависимости от региона*

Ответы	Астраханская область	Волгоградская область	Республика Калмыкия
Многие считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка	16,7	14,3	12,5

Государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми	32,6	33,3	33,9
Плохие жилищные условия	25,0	23,2	19,8
Низкие доходы	70,8	69,6	75,5
Плохая медицинская помощь женщинам во время беременности, при родах	9,7	8,3	7,8
Другое	0,7	1,2	1,9
Ничто не мешает в нашем регионе росту численности населения	3,5	1,8	3,5

О «плохих жилищных условиях» как причине демографических проблем сообщают 25,0 % респондентов Астраханской области, 23,2 % респондентов Волгоградской области и 19,8 % респондентов Республики Калмыкия. Остальные ответы менее распространены. На низкие репродуктивные установки ссылаются 16,7 % опрошенных из Астраханской области, 14,3 % — из Волгоградской области и 12,5 % — из Калмыкии. Другие варианты ответов набрали менее 10 %.

Таким образом, различий в представлениях о причинах демографических проблем жителей трех регионов не выявлено. Респонденты трех регионов Юга России определяют основными причинами, прежде всего, низкие доходы, а также недостаточную государственную помощь семьям с детьми и плохие жилищные условия.

Сравнение ответов в зависимости от пола показывает: 68,8 % мужчин и 74,8 % женщин считают, что причиной сложившейся в регионе демографической ситуации являются низкие доходы. Также 30,4 % мужчин и 36,0 % женщин указывают вариант ответа — «государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми». «Плохие жилищные условия» как причину демографических проблем определяют 20,6 % мужчин и 23,2 % женщин. Таким

образом, пол не влияет на выбор основных причин демографических проблем в регионе. Мужчины и женщины выделяют «низкие доходы» в качестве основных причин демографических проблем. К ним также отнесены: недостаточная государственная помощь семьям с детьми и плохие жилищные условия.

Анализ распределения ответов в зависимости от места проживания позволяет выделить, что «низкие доходы» как причину демографических проблем регионы чаще указывают сельские респонденты, чем городские (77,8 % напротив 66,5 %). Вариант ответа «государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми» выбрали 32,6 % опрошенных, проживающих в сельской местности, и 34,2 % респондентов, проживающих в городских поселениях. На «плохие жилищные условия» указывают 24,0 % крестьян и 21,1 % горожан. Таким образом, место проживания влияет на распределение ответов, а именно: «низкие доходы» как причину демографических проблем чаще указывают сельские респонденты.

Далее респондентам предлагалось определить необходимые меры по улучшению демографической ситуации в регионе. Предлагались следующие варианты:

- 1) различные формы льготного кредитования жилья;
- 2) увеличение пособий (разовых и ежемесячных) на каждого ребенка;
- 3) частичные изменения трудового законодательства (например, льготный возраст выхода на пенсию для матерей, родивших трое и более детей; увеличение ежегодных отпусков для женщин, имеющих детей и т. д.)
- 4) пропаганда многодетности;
- 5) налоговые льготы для работающих матерей и отцов;
- 6) рост доходов (заработной платы, стипендий и т. п.);
- 7) другое _____.

Анализ ответов свидетельствует, что выходом из сложившейся ситуации жители южнороссийских регионов видят в росте доходов населения. Согласно нашему исследованию, более половины респондентов (54,7 %) считают, что «рост доходов населения» яв-

ляется мерой по улучшению демографической ситуации в регионе. Также около трети опрошенных указывают на такую демографическую меру, как «увеличение пособий (разовых и ежемесячных) на каждого ребенка» (32,2 %). Другой мерой по улучшению демографической ситуации определены «различные формы льготного кредитования жилья» (28,0 %). Незначительная доля опрошенных указывают другие варианты ответов. Так, о необходимости пропаганды многодетности заявили 8,1 % респондентов, изменение трудового законодательства как меру улучшения демографической ситуации в регионе признали 11,5 % респондентов, и 13,1 % опрошенных считают, что налоговые льготы для работающих матерей и отцов могут повлиять на демографическую ситуацию в регионе. Такое распределение ответов на вопрос подтверждает, что в представлениях населения главной причиной сокращения его численности является уровень жизни населения.

Рассмотрим распределение ответов в зависимости от региона. Более 50 % респондентов в каждом из регионов предполагают, что рост доходов мог бы улучшить демографическую ситуацию в регионе. А именно: 53,5 % — в Астраханской области, 59,3 % — в Волгоградской области и 52,4 % — в Республике Калмыкия. О необходимости увеличения пособий для улучшения демографической ситуации сообщают 34,7 % респондентов, проживающих в Волгоградской области, 35,0 % опрошенных в Республике Калмыкия и 25,7 % — в Астраханской области.

Вариант ответа «различные формы льготного кредитования жилья» выбрали 28,5 % респондентов из Астраханской области, 31,1 % — из Волгоградской области и 25,6 % — из Республики Калмыкия. В целом выбор основных демографических мер не зависит от места проживания и респонденты трех регионов Юга России прежде всего указывают на вариант «рост доходов». Также к основным мерам отнесены различные формы льготного кредитования и увеличение пособий.

Таблица 3. *Распределение ответов на вопрос о мерах по улучшению демографической ситуации в регионе*

Ответы	Астраханская область	Волгоградская область	Республика Калмыкия
Различные формы льготного кредитования жилья	28,5	31,1	25,6
Увеличение пособий (разовых и ежемесячных) на каждого ребенка	34,7	25,7	35,0
Частичные изменения трудового законодательства	13,9	10,8	10,6
Пропаганда многодетности	6,9	6,0	10,2
Налоговые льготы для работающих матерей и отцов	18,1	6,6	14,6
Рост доходов (заработной платы, стипендий и т. п.)	53,5	59,3	52,4
Другое	0,7	0,6	0,8

Сравнение ответов городских и сельских респондентов показывает, что распределение ответов об основных мерах по улучшению демографической ситуации не зависит от места проживания. Главной мерой, по мнению опрошенных, является «рост доходов». Этот вариант ответа указали 52,9 % горожан и 56,1 % селян. Около трети респондентов, проживающих в городских поселениях и сельской местности (32,8% и 32,0 % соответственно), считают, что «увеличение пособий» могло бы улучшить демографическую ситуацию в регионе. На вариант «различные формы льготного кредитования» указали 27,7 % городских респондентов и 27,1 % сельских. Таким образом, горожане и селяне одинаково определяют основные меры по улучшению демографической ситуации.

Анализ ответов в зависимости от пола также свидетельствует, что мужчины и женщины чаще выбирают «рост доходов» в качестве демографической меры (55,3 % и 54,3 % соответственно). Вариант ответа «различные формы льготного кредитования жилья» также определяется как мера по улучшению демографической ситуации в регионе: 27,2 % мужчин и 27,8 % женщин. В этих двух мерах различий не наблюдается. Главное отличие наблюдается в отношении пособий. Женщины несколько чаще мужчин указывают на эту меру: 36,7 % напротив 26,4 %. В ситуации прерывания трудовой деятельности для женщин детские пособия являются некоторой материальной (а порою единственной) помощью в семье.

Заключение

Изучение представлений населения регионов Юга России о причинах демографических проблем и мер по улучшению демографической ситуации позволяет сделать ряд выводов:

- главной причиной неблагоприятной демографической ситуации в регионе респонденты называют низкие доходы, к основным причинам демографических проблем также отнесены недостаточная государственная помощь семьям с детьми и плохие жилищные условия;
- представления об основных причинах сложившейся демографической ситуации не зависят от региона и пола, влияние оказывает место проживания, а именно: сельские жители чаще горожан указывают «низкие доходы» в качестве основных причин;
- по мнению респондентов, для улучшения демографической ситуации необходим рост доходов, а также увеличение пособий и различные формы льготного кредитования;
- представления респондентов о демографических мерах зависят от региона, места проживания. Определена некоторая зависимость от пола респондента, наблюдается разное отношение к детским пособиям, а именно: женщины придают ему большее значение, чем мужчины.

Литература

Архангельский В. Н. Оценка демографической результативности мер помощи семьям с детьми в России // Демографія та соціальна економіка. 2014. № 1(21). С. 108–120.

Евстифеева Г. Г. Демографическая ситуация в регионе // Регионоведение. 2016. № 1. С. 101–111.

Кирдяшкина Т. И. Отношение населения к демографической ситуации и мерам, способствующим повышению рождаемости в Республике Мордовия // Репродуктивные установки как фактор воспроизводства населения Республики Мордовия. Аналитический доклад / под ред. В. В. Конакова. Саранск: ГБУ Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», 2015. С. 49–66.

Нухаева Б. Б. Сельское население регионов Юга России // Вестник аграрной науки. 2018. № 2. С. 94–100.

Рыбаковский Л. Л. Результативность как основной показатель состояний и тенденций рождаемости // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 23–30.

Третьякова Е., Хасанова Р. Меры демографической политики: их эффективность и предпочтения граждан // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, РАНХиГС при Президенте РФ. 2018. № 6 (67). С. 17–20.

Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. N 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 20.02.2018).

Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Демографический потенциал и стимулирование рождаемости // Народонаселение. 2016. № 4. С. 47–56.

Демографическая динамика сельских территорий Ростовской области (реалии постсоветского периода)*

Rural Territories of Rostov Oblast: Demographic Dynamics (realities of the post-Soviet era)

С. Я. Суцкий (S. Ya. Suschiy)¹

¹ доктор философских наук, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону, Российская Федерация). E-mail: SS7707@mail.ru
Ph.D. in Philosophy (Doct. of Philosophical Sc.), Chief Research Associate, Federal Research Center - Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: SS7707@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется количественная динамика сельского населения Ростовской области в последние десятилетия советского времени и в постсоветский период; анализируется изменчивое соотношение естественно-воспроизводственной компоненты и миграции. Указывается, что проблема депопуляции сельских территорий региона актуализируется уже в 1970–1980-е гг., в течение которых число сельских жителей в области сократилось на 155 тыс. чел.

Анализ демографической динамики сельских районов области в 1990-е гг. обнаруживает сложную структуру, в которой растущая естественная убыль с избытком компенсировалась притоком в сельскую местность мигрантов из других регионов России и ближнего зарубежья, а также возвращением части областных горожан в сельскую местность.

Начало XXI в. связано с новым вектором демографической динамики регионального сельского населения — его нарастающей естественной убылью, уже не компенсируемой переселенцами. Только комплекс мер по активизации репродуктивной активности,

* Работа выполнена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований: «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерноморье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимозависимости и взаимной обусловленности» (№ 18-05-80043).

предпринятых государством во второй половине 2000-х гг., позволил существенно сократить масштабы депопуляции сельских районов области.

Неизбежная в среднесрочной и более отдаленной перспективе естественная депопуляция сельских жителей области будет совмещаться с нарастающей демографической поляризацией пространства региона, в которой центральная роль принадлежит миграционной циркуляции и, прежде всего, оттоку местных поселян в Ростов и другие крупные городские центры.

Ключевые слова: Ростовская область, сельские территории, демографическая динамика, естественная убыль, миграционная активность, численность населения

Abstract. The article investigates the qualitative dynamics of Rostov Oblast's rural population throughout the last decades of the Soviet regime and the post-Soviet era, analyzes the varying correlation between the natural reproductive component and migration. It is mentioned that rural depopulation in the region had been relevant already in the 1970s–1980s which witnessed a reduction of the oblast's rural population by 155 thousand individuals.

The analysis of rural demographic dynamics as of the 1990s reveals a complicated structure characterized by an accelerated natural population decline, excessive rural population inflows from other regions of Russia and neighboring countries, and returns of some ex-villagers from cities/towns back to rural territories.

The early 21st century witnesses a new vector of the regional rural demographic dynamics — an accelerated natural population decline which is no longer counterbalanced by immigration. Only the set of measures aimed to stimulate reproductive activities and introduced by the government in the late 2000s were able to significantly reduce rural depopulation.

The inevitable natural rural depopulation shall — in the mid- and long-run — be accompanied by an accelerated demographic polarization of the region's environment with the key role to be attributed to migratory circulations and, chiefly, rural population outflows to Rostov-on-Don and other urban conglomerates.

Keywords: Rostov Oblast, rural territories, demographic dynamics, natural population decline, migratory activities, population size

Введение

В демографическом рейтинге регионов РФ Ростовская область находится на шестом месте. Вместе с тем в пределах Юга России она является одним из регионов-лидеров по темпам и масштабам естественной убыли населения в постсоветский период. Причем наиболее проблемными являются сельские территории области. Отдельные ее районы перешли в зону естественной депопуляции уже в конце 1970-х гг.

В 1980 г. естественная убыль фиксировалась уже в 10 из 42 ее сельских районов. С учетом миграционного оттока из сельской местности к концу советского периода теряло население уже 35 районов области [Розин, Суций 2011: 18–20]. В общей сложности за два последних советских десятилетия число сельских жителей сократилось в регионе на 155 тыс. человек (табл. 1).

Таблица 1. Динамика численности сельского населения Ростовской области, 1970–2016 гг. (тыс. чел.)

Показатели	1970	1980	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2017
Всего, тыс. чел.	1 411	1 285	1 256	1 442	1 438	1 443	1 398	1 364	1 353
Доля в населении области, %	36,8	31,5	28,9	32,1	32,4	33,3	32,7	32,2	32,1

Составлено автором по: [Всесоюзная перепись 1979; Регионы 2007; Регионы 2017].

К рубежу 1990-х гг. коэффициент естественного прироста сельского населения области опускается до нуля, а с началом постсоветского периода практически вся территория региона уходит в зону естественной убыли. И тем не менее демографический потенциал многих сельских районов после 20–30-летнего сокращения снова начинает расти. Естественные потери с избытком компенсируются стремительно возросшим миграционным притоком из ближнего зарубежья, направленным не только в города, но и в сельскую местность. С другой стороны, шоковые эконо-

мические реформы заставляют перебраться в сельскую местность часть горожан. И впервые с первой половины 1990-х гг. уровень урбанизации областного населения пошел вниз, сократившись за десятилетие более чем на 3 %. Общим результатом данных трендов стал ощутимый рост числа сельских жителей. В 1989–2002 гг. население выросло более чем в половине районов области, еще в девяти его численность практически не изменилась.

Однако к концу 1990-х гг. демографическая динамика сельских территорий региона вновь меняется. Приток новых переселенцев к этому времени сокращается в несколько раз, а естественная убыль населения продолжает свой рост, во многих районах достигнув к началу XXI в. ежегодных 8–9 %. Ее уровень отчетливо коррелировал с этнической структурой местного населения. В районах с максимальной долей русских (север и центр области) масштабы естественной депопуляции оказались наиболее значительными, тогда как на юго-востоке повышенный удельный вес представителей крупных северокавказских диаспор и турок-месхетинцев позволял существенно сократить естественную убыль территориальных сообществ. К этому времени только пяти районам области, сопредельным ростовской агломерации, удавалось полностью компенсировать убыль за счет миграционного притока.

Комплекс мероприятий в области демографии, реализуемый центральной властью со второй половины 2000-х гг., отразился на естественно-воспроизводственной динамике сельского населения области ощутимым образом. В течение 2007–2014 гг. рождаемость по отдельным районам выросла на 2–3 %; на 1,5–2 % сократилась смертность. И в первой половине — середине 2010-х гг. естественная динамика сельского населения региона, не выходя из отрицательной зоны, демонстрировала все меньшие масштабы убыли (табл. 2).

*Таблица 2. Естественная динамика сельских территорий
Ростовской области, 2010–2016 гг. (тыс. чел.)*

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Рождаемость	21,40	21,14	22,37	21,97	22,50	20,64	19,48
Смертность	28,56	27,55	26,79	26,17	26,58	26,08	25,92
Убыль	-7,16	-6,41	-4,42	-4,20	-4,08	-5,43	-6,44

Составлено автором по: [База данных муниципальных образований]

Но уже в 2015 г., в связи с начавшимся падением рождаемости, естественные потери населения сельских территорий области вновь идут в рост. Причем, учитывая уже существующее и еще предстоящее существенное сокращение числа женщин репродуктивного возраста, которое продлится до 2030–2035 гг., речь идет об устойчивом демографическом тренде.

Следует иметь в виду и то, что общие, в целом благополучные цифры демографической динамики по всему региону скрывали повышенную проблемность значительного числа сельских территорий, даже в первой половине 2010-х гг. обнаруживавших ускорение темпов депопуляции. И если сельское население районов, прилегающих к Ростовской агломерации (Аксайский, Азовский и Мясниковский районы) в 2010–2017 гг. выросло на 20,5 тыс. человек, то остальные 40 районов за эти годы потеряли в сумме 65 тыс. человек.

Таким образом, динамика сельского населения региона продолжала поляризоваться — вокруг областной столицы сохранялась небольшая зона устойчивого демографического роста. При этом практически все остальные сельские территории области продолжали терять население столь же интенсивно, как и в начале XXI века. Нельзя забывать и о том, что период депопуляции многих сельских районов, с небольшим перерывом на первую половину 1990-х гг., измеряется уже многими десятилетиями (30–50 лет и более) (рис. 1).

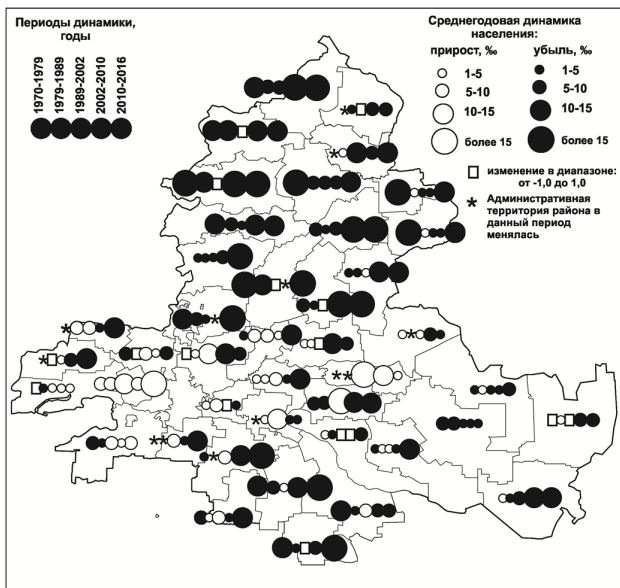

Рис. 1. Демографическая динамика населения сельских районов Ростовской области, 1970–2015 гг. (рис. 1–4 составлены по: [База данных муниципальных образований])

На севере области таких районов подавляющее большинство. Но немало их и на юге, и юго-востоке. За 1970–2010 гг. многие из них утратили порядка 25–30 % (а некоторые 35–42 %) своего демографического потенциала. В отдельных случаях убыль такого масштаба можно считать уже невосполнимой, учитывая, что речь идет не только о количественных потерях, но и о падении качественных характеристик человеческого потенциала (ухудшении возрастной и социoproфессиональной структуры оставшегося населения, гендерной разбалансировке, сокращении групп трудоспособного возраста и т. д.).

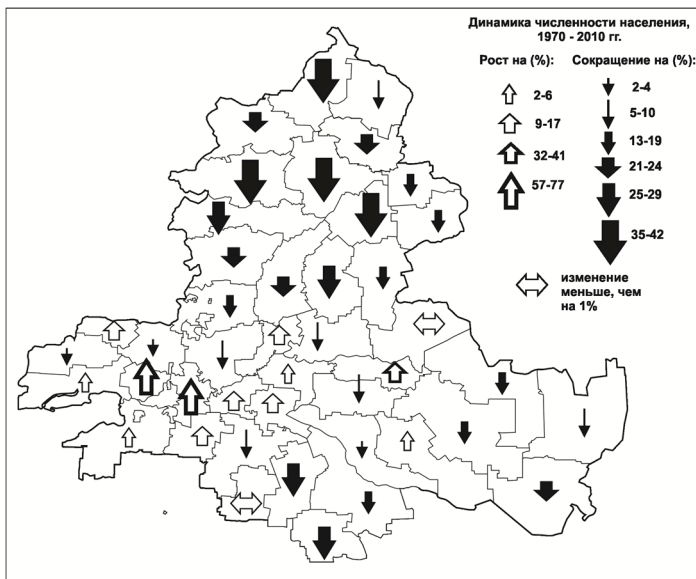

Рис. 2. Динамика численности населения сельских районов Ростовской области, 1970–2010 гг. (%)

Наличие столь продолжительного и устойчивого нисходящего демографического тренда формирует депрессивный сценарий социально-экономического развития, который в свою очередь становится одной из основных причин сохранения активного миграционного оттока старожильческого населения, прежде всего молодежи и людей трудоспособного возраста. Как результат, складывается прочная связка негативных демографических и социально-экономических корреляций; оформляется устойчивая колея отрицательной динамики, ведущая к нарастающей комплексной стагнации местной социальной среды. В настоящее время подобный «деградационный» сценарий в той или иной степени реализуется в 20–25 районах области. В большинстве районов именно миграция в 2011–2015 гг. играла центральную роль в депопуляции местного населения (рис. 3).

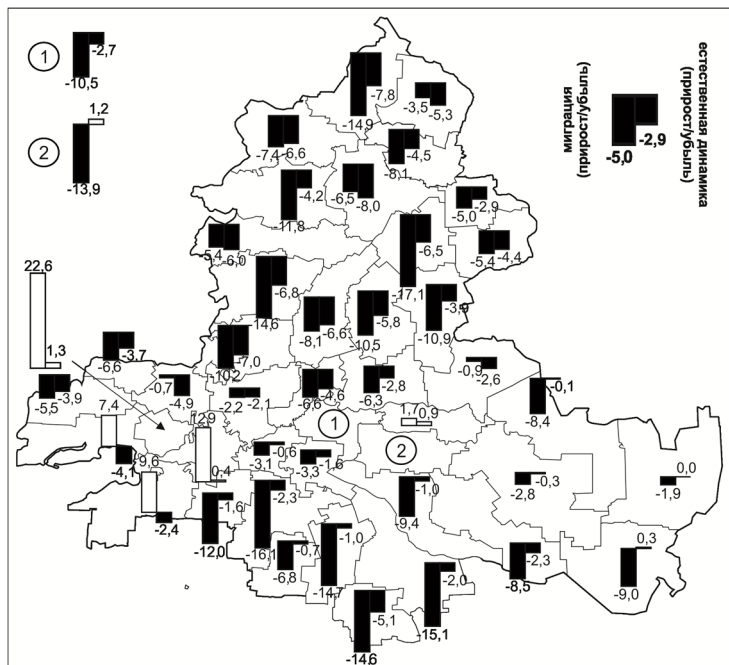

Рис. 3. Среднегодовые показатели естественной динамики и миграции населения по районам Ростовской области, 2010–2015 гг. (%)

Исключение составлял только север и северо-восток, в пределах которого ежегодная естественная убыль даже в 2010-е гг. сохранялась на уровне 4–8 %. Данное обстоятельство является тревожным признаком, свидетельствуя о том, что комплекс государственных мер по активизации рождаемости уже не в состоянии существенно влиять на естественную динамику территориальных сообществ, длительное время находившихся в состоянии депопуляции. Их современная возрастная структура не позволяет снизить темпы ежегодной естественной убыли хотя бы до 3–4 %. Даже без учета миграционного фактора приходится констатировать неизбежность дальнейшего устойчивого и достаточно быстрого сокращения населения большинства северных и северо-восточных районов области.

Между тем, масштабный отток ускоряет процесс депопуляции в 2–3 раза. И в отдельных районах области она начинает приобретать характер демографического коллапса (в первой половине 2010-х гг. в Верхнедонском, Каменском, Милютинском районах ежегодные темпы убыли населения превышали 2 %; 1,5–2 % своих жителей ежегодно теряло еще семь районов области). Единственным сценарием, позволяющим сколько-нибудь отодвинуть перспективу комплексной социальной деградации данных территорий за временный горизонт 2030-х гг., является существенное сокращение миграционного оттока. Действительно, из 29 районов области, ежегодно терявших в 2011–2015 гг. 0,9–1,0% (и более) своих жителей, в 27 именно отток играл ведущую роль в депопуляции. Таким образом, для значительной части территории региона решение (или хотя бы смягчение) проблемы миграции становится центральным условием в урегулировании общей проблемы демографической депопуляции.

Чтобы понимать характер усилий, которые необходимо предпринимать властям для оптимизации миграционной активности местного населения, следует хотя бы в самом общем виде представить ее структуру (рис. 4). Как видим, демографические потери связаны с внутрисоссийской компонентой миграционной динамики — как внутри-, так и межрегиональной. Сальдо международной миграции в 42-х из 43 районов области было положительным. Однако по своим размерам международная миграция оставалась небольшой (в большинстве регионов она составляла 0,5–2 %). И общие масштабы миграционной динамики определялись внутри- и межрегиональными перемещениями населения области. И те, и другие в подавляющем большинстве сельских районов были связаны с демографическими потерями. Исключение составляли только окрестности ростовской агломерации, пополнявшие свое население за счет всех компонент миграционной динамики.

В соотношении двух внутрисоссийских форм миграционной активности центральная роль принадлежала внутрорегиональной составляющей. Только в четырех районах ее размеры в 2010-е гг. были меньше, чем у межрегиональной. При этом интенсивность внутрорегионального оттока росла вместе с расстоянием от об-

ластной столицы. Иными словами, именно население самых периферийных территорий региона наиболее охотно покидало малую родину, перемещаясь если не в самую центральную зону региона, то поближе к ней. Данные приграничные территории по контуру области (за исключением ее юго-запада) формировали подковообразную зону максимальной миграционной убыли.

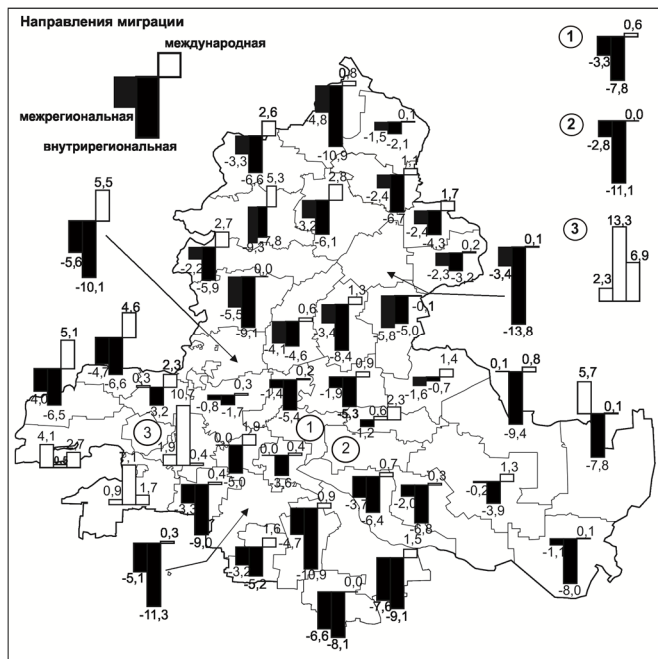

Рис. 4. Направления миграции населения районов Ростовской области, 2011–2015 гг. (среднегодовые показатели), (%)

При этом структура депопуляции практически всех сельских районов региона была сложносоставной. По соотношению ведущих ее компонент в пределах области может быть выделено три крупных зоны.

«Север», включающий практически все административные районы, расположенные северней 48-й параллели. Депопуляция данных территорий обусловлена высокой естественной убылью

и еще более масштабным оттоком населения, в котором ведущая роль принадлежит перемещению внутри региона.

«Юг и юго-восток» — территории, расположенные в между-речье Дона и Маныча, депопуляция которых, прежде всего, определяется интенсивной меж- и внутрирегиональной миграцией населения, с преобладанием второй составляющей.

«Юго-запад» — территория, прилегающая к столичной агломерации; зона демографического роста, связанного с активным притоком мигрантов и характеризующаяся небольшой естественной убылью или простым воспроизводством своего населения.

Помимо данных трех указанных зон, в пределах области можно обнаружить небольшие ареалы демографического равновесия. Один примыкает к столичной зоне роста (Октябрьский и часть Багаевского района), второй включает территории двух (Волгодонского и Цимлянского) районов, для которых характерны невысокие показатели миграции и естественной динамики.

Наиболее проблемной из трех выделенных зон является первая, в которой даже комплексные усилия местной и региональной властей по решению проблем социально-экономического развития данных территориальных сообществ едва ли будут в состоянии остановить интенсивную депопуляцию местного населения.

Во второй зоне эффективное решение наиболее острых социальных проблем и активизация местной экономики в состоянии самым существенным образом снизить темпы депопуляции. Однако характер деятельности нынешнего областного руководства, как и сложная социально-экономическая ситуация всей Российской Федерации, оставляет мало надежд на столь оптимистический сценарий развития. Очевидно, что у региональных властей в настоящее время нет ни достаточных финансово-экономических ресурсов, ни целенаправленной решимости для серьезной активизации своей деятельности по ускорению развития областного юга и юго-востока. И наиболее вероятным сценарием динамики данных субрегионов будет проекция на ближайшую и среднесрочную перспективу уже сложившихся социально-экономических, а следовательно, и геодемографических тенденций. Вариативным может быть только сам масштаб миграционного оттока. Причем наиболее вероятны-

ми представляются варианты его количественного сохранения или некоторого снижения (и те, и другие связаны со значительными демографическими потерями).

Таким образом, неизбежная в среднесрочной и более отдаленной перспективе естественная депопуляция сельского населения области будет совмещаться с нарастающей демографической поляризацией пространства всего региона. И если масштабы количественного сокращения всего сельского населения области еще длительный период могут ограничиваться 7–14 тыс. человек в год (0,5–1 %), то среднегодовые темпы депопуляции едва ли не у половины ее административных районов будут находиться в диапазоне 6–10 %, а в северном субрегионе составлять 10–15 %. Причем центральную роль в таком интенсивном демографическом сжатии большинства сельских территорий будет играть отток населения в города и другие районы самой Ростовской области.

Литература

База данных муниципальных образований. Ростовская область [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi> (дата обращения: 25.05.2018).

Всесоюзная перепись населения 1979 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности. Ростовская область [электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ «Высшая школа экономики». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=55 (дата обращения: 27.05.2018).

Регионы России. Социально-экономические показатели – 2007. М.: ФСГС, 2007. 982 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017. М.: ФСГС, 2017. 1410 с.

Розин М. Д., Суций С. Я. Юг России: этнодемографические и миграционные процессы (конец XX – начало XXI вв.). Ростов н/Д: изд-во СКНЦ ВШ, 2011. 358 с.

Программное управление развитием сельских территорий как инструмент поддержки региональной политической стабильности¹

Program Management of Rural Development as a Tool to Facilitate Regional Political Stability

М. В. Тарасова (M. V. Tarasova)¹

¹ кандидат социологических наук, научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону, Российская Федерация). E-mail: tarasova_marina_01@mail.ru
Ph.D. in Sociology (Cand. of Sociological Sc.), Research Associate, Federal Research Center - Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: tarasova_marina_01@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа эффективности программного управления развитием сельских территорий. Автором выявлены факторы, которые позволят наиболее комплексно и системно подойти к решению проблем устойчивого сельского развития. Результаты анализа свидетельствуют о том, что основным фактором низкой эффективности программного управления развитием сельских территорий является низкий уровень финансирования программ развития сельских территорий, поддержки сельскохозяйственного производства. Основная причина — возможности федерального бюджета. Другими факторами, влияющими на достижение программных целей, являются дисбаланс финансового обеспечения продекларированных в Программе целей, ежегодное сокращение бюджетного финансирования и односторонняя нацеленность программных мероприятий на решение экономических задач, формирование на сельских территориях точек экономического роста.

Слабой стороной является отсутствие задач, способствующих сохранению сельского образа жизни, этнокультурному развитию,

* Работа подготовлена в рамках выполнения госзадания ЮНЦ РАН на 2018 г. (№ гос. рег. проекта АААА - А16-116012610051-6).

сохранению нравственного и культурного потенциала сельских территорий, транслированию его в другие социальные слои общества, совершенствованию местного самоуправления и развитию институтов гражданского общества. Отмеченные факторы снижают эффективность программного управления развитием сельских территорий, что может привести к обострению социально-политической обстановки на селе, усилить миграционный отток сельского населения.

Ключевые слова: программное управление, сельские территории, региональная политическая стабильность

Abstract. The article provides results of an efficiency analysis of rural development management programs, identifies factors useful in creating comprehensive and systematic approaches to challenges of sustainable rural development. The analysis shows that the main factor of low efficiency of program management activities here is meager funding or corresponding programs, including those aimed to support agri-production. The fundamental reason is limited federal budget capacity. Other adverse factors include an imbalance in the funding of proclaimed goals, progressive annual retrenchment, and single-sided program arrangements to deal with economic challenges (creation of economic growth points).

The blind side is lack of goals to facilitate the preservation of rural lifestyles, ethno-cultural development, moral and cultural potential of rural territories, its communication to other social strata, elaboration of local-governance practices, and development of civil society institutions. The mentioned factors blunt the effectiveness of rural development program management activities which may ultimately result in an aggravated socio-political situation in the village and accelerate rural population outflows.

Keywords: program management, rural territories, regional political stability

К началу 2000-х гг. правительство России, решив основные задачи экономической трансформации, обратило внимание на состояние дел в одной из базовых отраслей российской экономики — сельском хозяйстве, а также на обустройство сельских территорий, уровень жизни сельского населения. Этому способство-

вали многофункциональность сельского хозяйства, роль сельского образа жизни в сохранении культурно-нравственной базы российской государственности.

Первым программным документом в новейшей истории России, в котором правительством страны были поставлены задачи по созданию условий для повышения уровня и качества жизни сельского населения, сохранения культуры и традиций, стала принятая в 2002 г. федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года» [ФЦП «Социальное развитие...»].

С 2006 г. начинается реализация приоритетных национальных проектов «Здоровье», «Образование», «Жилье», «Развитие АПК», в рамках которых реализовывались задачи сельского развития.

В Концепции устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 г. появляются первые официальные данные и количественные оценки о реализации государственных мероприятий в соответствии с национальными проектами и программами: «Социальное развитие села до 2013 г.», «Образование», «Здоровье», «Жилье», «Развитие АПК», обеспечивших оживление жилищного строительства и обустройства сельских поселений, улучшение качества образовательных и медицинских услуг.

Однако авторами Концепции был сделан вывод о том, что «... качественного перелома пока не произошло. Процесс сокращения показателей сельской социальной инфраструктуры приостановить не удается... Сеть общеобразовательных учреждений сократилась на 1,7 тыс. единиц (4,7 %); мощность амбулаторно-поликлинических учреждений — на 9,4 тыс. посещений в смену; число станций скорой помощи — на 80 единиц. Из-за недостаточных объемов строительства и курса на концентрацию сети объектов образования, здравоохранения и культуры, в условиях неразвитости дорожной сети, мобильных и дистанционных форм обслуживания снижается доступность для сельского населения образовательных, медицинских, культурных, торговых и бытовых услуг» [Концепция устойчивого развития]. Результаты опроса экспертов (глав муниципальных районов, администраций сельских поселений, руководителей сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств) показали, что 57 % респондентов оценили вклад как незначительный [Бондаренко 2017: 1].

Следующим документом программного управления стала федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», в которой указывается, что «интегральный эффект от негативного социально-экономического развития сельских территорий выражается в сокращении в 2010 г. количества сельских населенных пунктов за 20 лет на 9,2 тыс. сел и деревень, а количество сельских населенных пунктов без проживающего населения увеличилось за этот же период на 10 тыс. до 19,4 тыс. в 2010 г.», «сокращается источник расширенного воспроизводства трудоресурсного потенциала аграрной отрасли» [ФЦП «Устойчивое развитие...». Уже спустя два года правительство рассматривает и принимает Стратегию устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г., в которой отмечается: «При сохранении сложившихся тенденций в развитии сельских территорий, характеризующихся низким качеством и уровнем жизни, отток наиболее перспективных молодых кадров продолжится, что подтверждается социологическими исследованиями, согласно которым 50 % молодежи имеют намерения уехать из сельской местности, в которой постоянно проживают. Следствием является деградация человеческого потенциала сельских территорий, а при привлечении рабочей силы вахтовым методом — рост социальной напряженности» [Стратегия устойчивого развития].

Из приведенных выше программных документов видно, что в сельской местности нарастает социально-политическая напряженность. Эта тенденция подтверждается и материалами социологических исследований. Так, в ежегодном докладе «Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию» по результатам мониторинга 2013 г. указывается, что «показатель удельного веса безработных, не имеющих опыта работы, на селе (34,1 %) в 1,3 раза выше, чем в городе (26,4 %), что свидетельствует о недостаточном внимании к профессиональной подготовке сельской молодежи» [Состояние социально-трудовой сферы 2014: 52]. Эта тенденция сохраняется вплоть до настоящего времени. По данным Центра развития сельских территорий и рынка труда в АПК, уровень общей безработицы в сельской местности в 1,6 раза

выше, чем в городской, а ее локализация на селе (соотношение доли сельского населения в общей численности населения с его долей в численности безработных) возросла с 0,9 в 2000 г. до 1,3 в 2015 г.» [Бондаренко 2017: 1].

Из недавней истории нашей страны известно, что безработные являются той социальной группой, которая легко воспринимает антиправительственные, антисоциальные лозунги и установки. В то же время наличие безработных в сельской местности свидетельствует и о нравственной деградации населения, которое всегда находило приложение своим силам на селе. Иначе говоря, за 70 лет советской власти в России прекратило свое существование крестьянство как социальная и политическая база российской государственности.

Результаты нашего анализа свидетельствуют о том, что основным фактором низкой эффективности программного управления развитием сельских территорий является *низкий уровень финансирования* программ развития сельских территорий и поддержки сельскохозяйственного производства, национальных проектов. Причина — возможности федерального бюджета. В ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» прямо говорится о том, что «целевой и умеренно-оптимистический варианты предполагают значительную нагрузку на федеральный бюджет (соответственно 1 934,1 млрд рублей и 260,9 млрд рублей) и бюджеты субъектов РФ (соответственно 3 913,5 млрд рублей и 386,2 млрд рублей), которая не сопоставима с возможностями бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ ни в среднесрочной, ни в долгосрочной перспективе» [Состояние социально-трудовой сферы]. Таким образом, говорить о достижении целевых (программных) показателей сельского развития в средне- и долгосрочной перспективе не приходится.

Еще одним фактором, влияющим на достижение программных целей, является ежегодное сокращение бюджетного финансирования (табл. 1). Данные таблицы 1 показывают, что в среднем по направлениям ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» сокращение бюджетного финансирования составило более чем в 2,4 раза. Другим фак-

тором, сказывающимся на эффективности программного управления сельскими территориями, является дисбаланс финансового обеспечения продекларированных в Программе целей. В постановлении правительства РФ от 16 января 2015 г. № 17 представлена следующая бюджетная раскладка: улучшение жилищных условий — 8 332,7 млн руб., грантовая поддержка местных инициатив граждан — 131,0 млн руб., поощрение и популяризация достижений в сфере развития сельских территорий — 38,6 млн руб., развитие сети общеобразовательных учреждений — 671,7 млн руб., развитие сети фельдшерско-акушерских пунктов — 268,6 млн руб., развитие сети плоскостных спортивных сооружений — 201,4 млн руб., развитие газификации — 1 796,0 млн руб., развитие водоснабжения — 1 899,2 млн руб., реализация комплексного благоустройства площадок под компактную жилую застройку — 1 492,6 млн руб., развитие сети учреждений культурно-досугового типа — 460,9 млн руб., научно-методическое обеспечение реализации программы — 5,7 млн руб., развитие сети автомобильных дорог, ведущих к общественно значимым объектам, — 11 044,0 млн руб. [О внесении изменений].

Если сопоставить направления финансового обеспечения Программы развития сельских территорий до 2020 года с ее целями, то можно отметить, что не все цели обеспечены финансовыми ресурсами, а некоторые имеют незначительные объемы финансирования. Например, на содействие созданию высокотехнологичных рабочих мест на селе в Программе не выделены какие-либо средства. На такие цели Программы, как активизация участия граждан в реализации общественно значимых проектов и формирование позитивного отношения к сельской местности и сельскому образу жизни, предусмотрено 0,65 % от плановых показателей финансирования программных мероприятий. Значительные объемы финансирования выделяются на государственную поддержку жилищного строительства — 37,3 %, развитие дорожной инфраструктуры — 41,92 %, на развитие газификации и водоснабжения выделяется 14,03 % от объемов программного финансирования. Безусловно, создание комфортных условий жизнедеятельности в сельской местности — важная задача социально-экономической

политики на период до 2020 г., решаемая в рамках преемственности политики российского государства в отношении села. Однако следует заметить, что сохранение социального контроля над сельскими обширными территориями одним жилищным строительством, развитием инфраструктуры обеспечить невозможно. Люди останутся в селе, будут заселять российские деревни только тогда, когда они смогут получать социально-бытовые, медицинские и образовательные услуги на уровне городских жителей. В тоже время этим сферам обустройства российского села уделяется мало внимания. Об этом свидетельствует не только прошедшая несколько лет назад оптимизация сельских медицинских и образовательных учреждений, но и выделяемые суммы финансовых ресурсов. На развитие образовательных, медицинских, спортивных и культурно-досуговых учреждений ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» предусмотрено 1 602,6 млн руб. или 6,8 % от планового объема финансирования [ФЦП «Устойчивое развитие...】.

Таким образом, отмеченные выше факторы в значительной степени снижают эффективность программного управления развитием сельских территорий, что может привести к обострению социально-политической обстановки на селе, усилить миграционный приток сельского населения в города, которые в большинстве своем не готовы из-за отсутствия достаточного количества рабочих мест, конкуренции на рынке труда с мигрантами из сопредельных государств, отсутствия предложений недорогого бюджетного жилья. Например, в Ростовской области за 2012–2016 гг. число семей, улучшивших жилищные условия, сократилось на 22,9 %, а муниципальный жилищный фонд снизился на 18,5 %. При этом внутрирегиональная миграция населения увеличилась на 18,6 %, международная миграция — в 2,42 раза [Общие итоги миграции 2017].

Еще одним документом программного управления развитием сельских территорий выступает Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. [Стратегия устойчивого развития]. Следует отметить, что результаты анализа этого документа свидетельствуют о достаточно четко структури-

рованных целях: создание благоприятных условий территориального развития; стабилизация численности сельского населения; обеспечение занятости населения, проживающего на сельских территориях; повышение эффективности сельскохозяйственного производства. Из 15 программных задач, достижение и решение которых позволит обеспечить устойчивое развитие сельских территорий страны в долгосрочной перспективе, более половины (8) связаны с экономическим развитием, 20 % задач — с социальными условиями проживания в сельской местности, две задачи — с развитием сельской транспортной системы и связи, по одной — с институциональным и демографическим развитием. Слабой стороной Стратегии является отсутствие в ней целеполаганий и задач, способствующих сохранению сельского образа жизни, этнокультурному развитию, сохранению нравственного и культурного потенциала сельских территорий, транслированию его в другие социальные слои российского общества, совершенствованию местного самоуправления и развитию институтов гражданского общества. Сопоставление Стратегии с ранее принятыми и реализованными программными проектами позволяет говорить и еще об одном факторе, понижающем эффективность программного управления развитием сельских территорий, — односторонней нацеленности программных мероприятий на решение экономических задач, формирование на сельских территориях точек экономического роста. Тогда как и отечественный многовековой опыт, и опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что государство должно быть заинтересовано в сохранении и развитии села не только с точки зрения обеспечения населения продовольствием, а прежде всего с целью сохранения сельского образа жизни, крестьянства как социальной группы, живущей в национальной культурно-нравственной традиции, для которой труд на благо других — образ и смысл жизни. О преимущественно экономической, хозяйственной направленности программного управления сельскими территориями говорит и система оценки эффективности осуществления программных мероприятий.

По результатам реализации программных мероприятий ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» Минсельхоз России планирует получить экономический эффект в сумме 104,6 млрд руб. При этом за счет увеличения объемов производства сельскохозяйственной продукции и за счет роста производительности труда планируется дополнительно получить до 55,5 млрд. рублей; за счет развития сельской инженерной инфраструктуры — до 8 млрд рублей; за счет улучшения качества сельских дорог — до 2,3 млрд рублей; а также планируется привлечь 38,8 млрд рублей через механизм софинансирования программных мероприятий [ФЦП «Устойчивое развитие...»].

Результаты проведенного нами анализа эффективности программного управления развитием сельских территорий свидетельствуют о том, что объемы финансирования программных мероприятий должны соответствовать рангу важности с точки зрения остроты решаемой проблемы. Также следует учитывать, что если социально-экономическая проблема развития сельских территорий представлена в качестве цели программного управления, то на ее достижение необходимо направлять соответствующие финансовые ресурсы в необходимых объемах. Целесообразно отказаться от практики ежегодной корректировки объемов финансирования. С одной стороны, это гарантирует выполнение количественных показателей Программы, с другой — может являться решающим фактором привлечения для реализации программных мероприятий внебюджетных средств через механизмы софинансирования (концессионные соглашения, государственно-частное партнерство и т. п.).

В ближайшее время целесообразно скорректировать Программу путем введения в нее целей, задач и программных мероприятий по сохранению и развитию сельского образа жизни, сохранению духовно-нравственных основ российской государственности. Корректировка программного подхода к управлению сельским развитием с учетом выявленных нами факторов позволит наиболее комплексно и системно подойти к решению проблем устойчивого сельского развития.

Литература

Бондаренко Л. В. Совершенствовать программно-целевой подход к социальному развитию сельских территорий // АПК: экономика, управление. 2017. № 3. С. 72–80.

Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года [электронный ресурс] // Распоряжение правительства РФ от 30.11.2010 г. N 2136-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107793/ (дата обращения: 15.05.2018).

О внесении изменений в Федеральную целевую программу «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» [электронный ресурс] // Постановление правительства РФ от 16.01.2015 года, № 17. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420246712> (дата обращения: 15.05.2018).

О состоянии сельских территорий в РФ в 2014 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга: науч. изд. Вып. 2. М.: ФГБН «Росинформагротех», 2016. 340 с.

Общие итоги миграции населения Ростовской области. Официальная статистика [электронный ресурс] // Территориальный орган ФСГС по Ростовской области. 12.12.2017 г. URL: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostovv/r/statistics/ (дата обращения: 18.06.2018).

Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2013 г.: науч. изд. Вып. 15. М.: ФГБНУ «Ростехинформагротех», 2014. 268 с.

Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года [электронный ресурс] // Распоряжение правительства РФ от 02.02.2015 N 151-р. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.05.2018).

Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» [электронный ресурс] // Постановление правительства РФ от 15.07.2013 N 598. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.05.2018).

Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года» [электронный ресурс] // Постановлением правительства РФ от 03.12.2002, N 858. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.05.2018).

Отношения интеграции и сетизации в развитии многоукладной экономики региона*

Development of a Multi-Structural Regional Economy: Integration and Networking

О. А. Чернова (O. A. Chernova)¹

¹ доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация). E-mail: chernova.olga71@yandex.ru

Ph.D. in Economics (Doct. of Economic Sc.), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: chernova.olga71@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в обосновании возможности модернизационного развития многоукладной экономики на основе развития отношений интеграции и сетизации ее субъектов. Авторская позиция состоит в том, что активизация модернизационных преобразований возможна на основе рационального сочетания экономических потенциалов производств, имеющих различный тип технологического уклада. Проблема реализации потенциала многоукладности рассматривается с позиций развития интеграционных и сетевых взаимодействий экономических субъектов. Это позволило отойти от традиционного представления роли конкуренции в решении задач инноватизации и базироваться на новой логике развития хозяйственной деятельности — кооперенции. На примере южнороссийских территорий, имеющих сельскохозяйственную специализацию, показано, что предприятия различных технологических укладов, занятых в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции, могут эффективно дополнять свои потенциалы при реализации совместных проектов. Показано, что основной проблемой реализации таких проектов является

* Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта ЮФУ ВнГр-07/2017-13 в рамках проекта «Формирование системы поддержки принятия решений по управлению ресурсным обеспечением стратегического развития регионов Юга России», базовой части Госзадания Минобрнауки РФ.

ся значительная институциональная неоднородность территории. Поэтому предлагается формирование агропромышленных кластеров, иерархическая структура которых позволяет создать экономический каркас с благоприятной институциональной средой модернизационного развития сельскохозяйственных предприятий различных типов укладов. Обоснованно, что учет феномена многоукладности имеет особое значение для достижения сбалансированного развития региона, поскольку предполагает вовлечение в модернизационные процессы не только районных центров, но и периферии.

Ключевые слова: региональная экономика, интеграция, сетизация, многоукладность, сельскохозяйственное производство

Abstract. The article aims to substantiate the opportunities for a modernized development of a multi-structural regional economy on the basis of advanced integrated relations and networking of its subjects. The paper insists activation of modernized transformations is well possible on the basis of combined economic potentials of producing units with typologically different technological modes. Fulfillment of the multistructurality potential is viewed in the context of development of integrated and networked interactions by economic agents. This allows to deviate from the traditional wisdom related to the role of competition in the solution of innovation tasks, and rely on the new logic of economic development — coopetition (Rus. kooperentsia). A case study of Southern Russia's agricultural-oriented territories shows that agri-product manufacturing and processing enterprises of different technological modes can efficiently complement each other's potentials while executing joint projects. It is also illustrated that the main obstacle to such projects is a mighty institutional unhomogeneity of the region. So, the study proposes to create agri-industrial clusters with hierarchical structures serving as an economic backbone characterized by such an institutional environment that would favor the modernized development of multi-mode agricultural enterprises. It also proves that the phenomenon of multistructurality shall largely contribute to further sustainable development of the region since it suggests not only district centers but also peripheral settlements be involved into the modernization processes.

Keywords: regional economy, integration, networking, multistructurality, agri-industry

Введение

В современных условиях геополитических вызовов, ориентирующих российскую экономику на реализацию проектов импортозамещения, большое значение приобретают вопросы эффективного использования внутреннего (эндогенного) потенциала экономики регионов. Российские регионы характеризуются высокой степенью неоднородности регионального пространства. Поэтому принципиально важен поиск механизмов, которые бы обеспечивали объединение локальных рынков сельскохозяйственных территорий различных типов укладов. Соответственно цель данной статьи состоит в обосновании возможности использования отношений интеграции и сетизации для решения задач модернизационного развития многоукладной экономики.

Основная часть

В силу исторически сложившейся сельскохозяйственной специализации южнороссийские регионы характеризуются высокой асимметрией внутрирегионального пространства и наличием сельскохозяйственных производств различных типов технологических укладов.

В соответствии с авторской позицией одним из важнейших факторов активизации модернизационных преобразований сельскохозяйственных территорий является рациональное сочетание потенциалов сформировавшихся за многие десятилетия хозяйственных укладов. Это принципиально важно для регионов Юга России, экономике которых свойственна многоукладность, а сельскохозяйственное производства ее профилизацию. Учет феномена многоукладности в этих регионах приобретает особое значение для достижения сбалансированного модернизационного развития, поскольку предполагает вовлечение в эти процессы не только районных центров, но и периферии.

В этой связи представляет интерес рассмотрение проблемы реализации потенциала многоукладности с позиций развития интеграционных и сетевых взаимодействий экономических субъектов, предопределяющих формирование новой логики хозяйственной

деятельности — развитие со-конкуренции (кооперенции), обеспечивающей гибкое сочетание отношений соперничества и сотрудничества [Зеленская 2011: 19].

Феномен кооперенции в последние годы вызывает все больший исследовательский интерес в практике регионального стратегирования. Многие авторы отмечают, что современное состояние российских рынков характеризуется сверхфрагментированностью и турбулентностью, что в условиях существующих геополитических изменений ведет к ослаблению устойчивости экономических каркасов регионов и обуславливает необходимость развития интеграционных и сетевых взаимодействий [Старикова, Раstopчина, Безуглый 2017: 122].

В основе данного исследования возможности развития интеграционных и сетевых отношений в условиях многоукладной экономики сельскохозяйственных территорий конкурентных отношений положены работы А. В. Бузгалина, Т. В. Кушнарeнко, О. А. Третьяк, которые в отличие от традиционного представления о конкуренции, определяемого классиками экономической теории как война за ресурсы модернизации и инноватизации, указывают на возможность конкурентного сотрудничества компаний в целях получения взаимных преимуществ. В частности, как образно отмечают О. А. Третьяк и М. Н. Румянцева, интеграционные отношения между низкотехнологичными и инновационными компаниями для регионов с отсталыми укладами приводят к «одомашниванию рынка», результаты которого обеспечивают капитализацию потенциала участников, а также увеличение ценности производимого продукта для потребителей [Третьяк, Румянцева 2003: 30].

Одной из основных проблем развития интеграционных взаимодействий территорий с разными укладами является их значительная не только экономическая, но и институциональная неоднородность. Для территорий с отсталыми укладами характерно наличие неэффективных, инерционных, а также неформальных институтов, что обусловлено доминированием определенных ценностей и социальных и экономических связей, а также механизмов, обеспечивающих их выполнение. В то же время отме-

тим, что стратегия развития процессов интеграции и сетизации не может быть сведена исключительно к формированию общей инфраструктуры, как достаточно часто реализуется в практике хозяйствования регионов.

Реализация потенциала многоукладности экономики региона видится на несколько иной концептуальной платформе, предполагающей фокусировку внимания не на реализацию точечных (в том числе инфраструктурных) проектов, а на развитие пространственной сети предприятий на основе интеграционных и сетевых взаимосвязей. Такой подход предполагает возможность применения значительного спектра возможных форм стратегического сотрудничества.

При этом участники взаимодействий одновременно автономны и зависимы от других участников: они могут быть частью иных сетей, а следовательно, различных территориальных систем средств, ориентированных на собственные цели. Это позволяет сохранять стимулы к развитию, связанные с сохранением конкуренции между участниками сети, в сочетании с интенсификацией сотрудничества в тех направлениях, где оно возможно к совместной выгоде.

В этой связи большое значение приобретает процедура целеполагания в региональном стратегировании развития многоукладных территорий, что может быть осуществлено посредством создания координационного центра, обеспечивающего сглаживание конфликтов, представление и согласование стратегических интересов развития отдельных территорий.

Модель экономического каркаса многоукладного региона, сформированного на представленной методологической основе, можно представить следующим образом (рис. 1). В представленной модели сетевые формы взаимодействия формируют каркас, который создает в регионе определенную экономическую среду, члены которой имеют между собой длительные прямые и опосредованные контакты. При этом государственное участие в регулировании данных взаимодействий может быть минимальным.

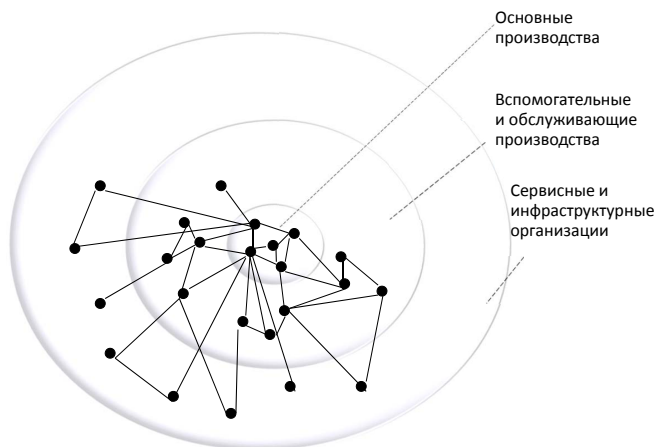

Рис. 1. Модельное представление структуры экономического каркаса многоукладного региона

Главной особенностью этой модели является то, что она представляет собой не плоскую, а объемную структуру, «глубина» положения узловых точек которой определяется типом технологического уклада формирующих их предприятий. Между узловыми точками модели (участниками взаимодействий) осуществляется обмен ресурсами (материально-техническими, финансовыми, информационными и пр.), интенсивность потоков которых определяется и уровнем развития инфраструктуры, масштабами деятельности, а также институциональными условиями.

Теоретически структура экономического каркаса региона не имеет четких границ. Тем не менее, представляется возможным выделить ее основные структуро- и системообразующие элементы:

- узловые точки, представленные предприятиями и организациями основного, вспомогательного и обслуживающего производства;
- взаимодействия между компаниями, образующими узловые точки.

Очевидно, что такое представление структуры экономического каркаса региона синтезирует в себе черты рынка и иерархии,

что позволяет оценивать ее как наиболее совершенную институциональную структуру для использования в современных экономических условиях, характеризующихся высоким уровнем подверженности влиянию внешних геополитических факторов.

В условиях реализации проектов импортозамещения особое значение развитие сетевых и интеграционных взаимодействий имеет для многоукладных регионов, имеющих сельскохозяйственную специализацию. В частности, успешными могут стать проекты по вовлечению потенциала мелкотоварных форм труда и производства (приготовление домашнего сыра, вяленого мяса; сбор и переработка лекарственных растений; производство пуховых и шерстяных изделий, изделий из кожи, меха и пр.) в развивающуюся на корпоративной основе предпринимательскую деятельность. В результате малый бизнес получает возможность использовать инновационные технологии, обеспечивается постоянными заказами, экономит издержки, связанные с «завоеванием рынка», а крупный — может апробировать новые формы и технологии деятельности, не отвлекая свои активы.

Другим примером реализации интеграционных и/или сетевых форм взаимодействий в сельскохозяйственном производстве может стать формирование агропромышленных кластеров. В структуре кластера малые сельскохозяйственные предприятия и фермерские хозяйства будут обеспечивать подготовку сельскохозяйственных площадей, осуществлять посев, удобрение, обработку угодий, сбор и сортировку продукции с последующей ее транспортировкой к месту дальнейшей переработки. Предприятия с более высоким уровнем технологического уклада будут осуществлять производство и реализацию готовой продукции.

Следует отметить, что важной частью реализации потенциала многоукладности является возможность взаимодействия его «узловых» участников с «узловыми» участниками другого региона, т. е. осуществление межрегиональной интеграции, которое может быть организовано через корпоративный центр.

В пользу точки зрения о реализации регионального потенциала многоукладности на основе сетевых и интеграционных взаимодействий говорят активные процессы их развития в современной

экономике. В настоящее время процессы сетизации и интеграции пронизывают все уровни хозяйственных взаимодействий.

Анализируя особенности развития сетевых и интеграционных взаимодействий в отечественной практике регионального управления, можно отметить, что в условиях переходного периода, как отмечают С. П. Куц и А. А. Афанасьев, они формировались с целью «выживания» и состояли из фирм, которые не видели перспектив самостоятельного существования в условиях рыночной конкуренции [Куц, Афанасьев 2004: 38]. Структура таких сетей в большей степени основывалась на связях, сформированных еще в условиях плановой экономики, и характеризовалась реализацией относительно примитивных управленческих подходов и моделей управления. Следующим этапом сетизации и интеграции стало формирование горизонтальных и вертикально интегрированных бизнес-групп. При этом интеграция осуществлялась посредством приобретения одними компаниями активов других компаний. Лидеры тех или иных товарных рынков, образуя холдинги, стремились обеспечить себя собственной сырьевой базой, а также инфраструктурой реализации продукции через создание разного рода сбытовых структур.

Отказ фирм от роста путем вертикальной интеграции сформировал предпосылки для реализации гибких форм стратегических взаимодействий: альянсов, партнерств, основанных на идее конкурентного сотрудничества. Важным направлением развития кооперации и интеграции в сельскохозяйственном производстве является кластеризация, осуществляемая в тесном сотрудничестве с внешними источниками знаний — консультантами, лабораториями и университетами, что благоприятно сказалось на модернизации сельскохозяйственного производства ряда региональных экономик (Волгоградская область, Краснодарский край, Ростовская область).

Заключение

Решение задач модернизационного развития сельскохозяйственных территорий невозможно без учета региональных детерминант, связанных в том числе с традициями ведения сельскохо-

зяйственной деятельности и особенностями ее многоукладности. Представляется, что развитие многоукладных сельскохозяйственных территорий предполагает не реализацию точечных мегапроектов, а развитие достаточно устойчивых взаимодействий, формирующих законченные технологические цепочки по производству сельскохозяйственной продукции.

Литература

Бузгалин А. В. Социально-экономическое возрождение России: диалектика внутренней и внешней политики // Экономическое возрождение России. 2016. № 2 (48). С. 15–20.

Зеленская О. А. Формулирование новой парадигмы конкурентоспособности: кластерно-сетевой подход // Terra Economicus. Т. 9. №. 1–2. 2011. С. 17–20.

Кушнаренко Т. В. Реализация стратегии несырьевого развития многоукладной экономики агропромышленного сектора региона // Таврический научный обозреватель. № 3–2. 2015. С. 136–143.

Куц С. П., Афанасьев А. А. Маркетинговые аспекты развития межфирменных сетей: российский опыт // Российский журнал менеджмента. Т. 2. № 1. 2004. С. 33–52.

Старикова М. С., Растопчина Ю. Л., Безуглый Э. А. Конкурентное взаимодействие: тенденции и влияние на бизнес-адаптивность // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. № 5 (69). 2017. С. 121–124.

Третьяк О. А., Румянцева М. Н. Сетевые формы межфирменной кооперации: подходы к объяснению феномена // Российский журнал менеджмента. Т. 1. № 2. 2003. С. 25–50.

Поселенческие ориентации сельской молодежи: мифы и реальность?

Residential Attitudes of Rural Youth: Myths and Reality?

В. А. Чигрин (V. A. Chigrin)¹,

Е. Л. Шилкина (E. L. Shilkina)²,

В. И. Родионова (V. I. Rodionova)³

¹ доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация). E-mail: sociochigrin@mail.ru

Ph.D. in Sociology (Doct. of Sociological Sc.), Professor, Head of Department of Sociology, Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: sociochigrin@mail.ru

² доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Ростовского государственного университета путей сообщения (Ростов-на-Дону, Российская Федерация). E-mail: Elena.Bona-mente@yandex.ru

Ph.D. in Sociology (Doct. of Sociological Sc.), Professor, Department of Public and Municipal Management, Rostov State Transport University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: Elena.Bona-mente@yandex.ru

³ доктор философских наук, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета (Шахты, Российская Федерация). E-mail: rodionova.disser@mail.ru

Ph.D. in Philosophy (Doct. of Philosophical Sc.), Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Service Industry and Business (branch), Don State Technical University (Shakhty, Russian Federation). E-mail: rodionova.disser@mail.ru

Аннотация. В статье идет речь о реальном существовании среди главных ценностных устремлений сельской молодежи ориентации на определенный тип поселения и регион проживания. Авторы считают, что сельский социум выполняет функции своеобразного социокультурного микроклимата, где происходит формирование ценностных и социально-профессиональных интенций молодежи. Авторы считают, что в умах молодых людей преобладает пессимизм по отношению к будущему, приуменьшение роли государства в формировании нормальных условий жизни людей на селе. В статье указывается, что некоторая часть молодежь становится носителем девиантных форм поведения, но самой широкой реакцией на коллизии общества у этой его части является социальная апатия. Необходимо привлекать внимание государства к вопросам сельского образа жизни, так как представители ряда возрастных групп сельской молодежи имеют такие представления относительно городского образа жизни, на основании которых у них формируются не всегда адекватные поселенческие приоритеты. Доказательства, которые приводят авторы, свидетельствуют о необходимости формирования в системе жизненных планов молодежи села идей освоения территорий, выбора профессии. Также авторы рекомендуют включать разработку актуальных региональных программ содействия развитию молодежному сектору села.

Ключевые слова: молодежь, социальные перемещения, село, сельский социум, сельский образ жизни, ценностные ориентации

Abstract. The article examines the actual values and representations of rural youth related to their residential — including settlement types and regions as such — preferences. The paper presumes rural communities act as specific socio-cultural enclaves that give rise to certain values and socio-professional preferences of youth, including pessimism towards the future, understatement of the government's role in providing a regular rural environment. It also mentions some young individuals adopt deviant behavior patterns but the most widespread reaction of this group to somewhat social disturbances is social apathy. It is urgent to draw the government's attention to rural life since some age sub-groups of rural youth tend to develop such representations about city life that often result in distorted residential attitudes. The provided evidence shows the need to create — within young villagers' projects of life — residential attitudes connected with career orientations. The paper also recommends actual rural youth economic support programs be duly developed.

Keywords: youth, social transitions, village, rural community, rural lifestyle, values, attitudes

Введение

Важным моментом формирования качественной атрибутивности в жизни сельской молодежи является поселенческое самоопределение. Для городской молодежи, особенно для жителей мегаполисов, данный сегмент жизненного самоопределения не является первостепенным. Для молодежи села жизненное самоопределение, как правило, начинается с формирования ориентации на определенный тип поселения и завершается приобретением постоянного поселенческого статуса.

Основное содержание

Анализ литературы доказывает, что ученые касались проблем поселенческих ориентаций сельской молодежи преимущественно косвенно, в пределах социологии села или социологии молодежи. Следует назвать, в частности, работы ученых-аграрников Т. Шанина, П. Стирлинга, Р. Редфилда, Р. Дюмона, Б. Галенски, Н. Яхиела, а также В. Староверова, В. Тарасенко, И. Прибытковской, А. Петрикова, П. Великого; работы, касающиеся общих проблем молодежи, вышедшие из-под пера М. Титмы, Э. Саар, Г. Чередниченко, В. Шубкина, Г. Зборовского, С. Иконниковой, И. Кона, Ю. Зубок и В. Чупрова, а также ряда других исследователей.

Что же касается непосредственно сельской молодежи, то ее отдельные проблемы освещались в разное время в работах И. Слепенкова, Б. Князева, В. Староверова, Э. Либановой, Ж. Тощенко и в работах авторов данной статьи.

Однако нужно сказать, что сельская молодежь как самостоятельный, сложноорганизованный объект в социологическом плане системно не исследовалась. Невзирая на накопленный ценный эмпирический материал, не в полной мере отвечают современности попытки определения характеристик ее структуры, места и роли в развитии села и общества в целом, отсутствует структурный анализ ориентаций, жизненных планов, отношения к изменениям, которые происходят в обществе. Исключением, пожалуй, является монография «Смыслы сельской жизни», вышедшая в 2016 г. под редакцией Жана Терентьевича Тощенко [Смыслы сельской... 2016: 4]. В ней осуществлена попытка проанализировать жизне-

образующие смыслы сельской молодежи. Однако Е. А. Колосова, которая является автором данной главы, рассматривает смысло-жизненные ориентации сельской молодежи, отражающие важную, но не единственную составляющую поселенческих ориентаций сельской молодежи [Колосова 2016: 3].

Социологи, как никто другой, могут зафиксировать, что, представляя наиболее мобильную часть населения села, молодежь объективно привлечена к процессу социальных перемещений, который жестче, чем в городе, ограничен особенностями производства и социальной инфраструктуры села [Великий 2012: 127]. Следовательно, достаточно часто выход за рамки этих ограничений является возможным лишь в случае территориальных или поселенческих перемещений. Живя в селе, представители младших возрастных групп сельской молодежи формируют совокупность представлений о жизни в нем. При сопоставлении города и села складывается невыгодное по отношению к качеству жизни села сравнение, поэтому у молодежи формируются не всегда адекватные поселенческие ориентации. Чем более несбалансированными являются отношения города и села как подсистем социально-территориальной организации общества, тем больше опасность нерегулируемых миграционных процессов среди сельской молодежи.

Подробный анализ материалов исследований, осуществленных авторами среди мигрантов и молодежи, которая осталась жить и работать в селе, а также исследований, проведенных Ж. Т. Тощенко, П. П. Великим, Е. А. Колосовой [Тощенко 2016: 5], дает возможность выделить основные факторы, которые предопределяют отток сельской молодежи в города. К ним, в частности, относятся:

а) неблагоприятная демографическая ситуация в селе, сложившаяся под воздействием социально-экономических процессов, приводящих к разбалансированию всей системы «село-город»;

б) неблагоприятные условия труда в земледелии и животноводстве, низкий уровень оплаты труда ряда категорий тружеников села, особенно молодежи;

в) недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры села, в первую очередь объектов образования, здравоохранения, культуры и бытового обслуживания;

г) слабая профориентационная работа в сельских общеобразовательных школах, отсутствие надлежащей связи руководителей школ и администрации областей, районов и хозяйств по вопросам планомерного формирования необходимого резерва трудовых ресурсов;

д) несбалансированность системы подготовки кадров массовых профессий для села через профессиональное образование по регионам и специальностям;

е) отсутствие условий для повышения профессионально-квалификационного уровня работников массовых сельскохозяйственных профессий;

ж) несоответствие потребности в квалифицированных специалистах по отдельным специальностям и объема их выпуска соответствующими учебными заведениями, сбой в трудоустройстве молодых специалистов (несоответствие уровня квалификации и предлагаемых должностей);

з) стихийность в формировании поселенческих ориентаций определенной части сельской молодежи, которая приводит к гипертрофированным представлениям о преимуществах города.

В условиях трансформации общества неминуемо происходит деформация ценностных, социально-профессиональных и поселенческих ориентаций молодежи. Процесс такой деформации, невзирая на однонаправленный для всей молодежи характер, имеет в городском и сельском ее отрядах существенные отличия. Они заключаются, в первую очередь, в содержании и темпах изменения трендов этих ориентаций. Проанализируем эти особенности несколько подробнее.

Существенное влияние на изменения социального портрета сельской молодежи оказывает сложное экономическое положение, предопределенное общими социально-экономическими флуктуациями, характерными для сельского сегмента общества. Социально-профессиональные ориентации младших возрастных групп сельской молодежи от акцентирования социальной значимости и смыслового аспекта избранной профессии деформируются к ориентациям на сугубо «инструментальные», то есть материальные возможности профессии, а оценивание места работы в понима-

нии молодежи склоняется в сторону «зарабатывания денег». Этот фактор срабатывает и в плане поселенческих ориентаций. Если раньше, то есть в условиях застойного, но стабильного общества, сельская молодежь ориентировалась на город, пытаясь расширить диапазон применения своих личностных возможностей, то сейчас город часто расценивается как ячейка, в условиях которой легче выжить и достичь материального благосостояния.

Нестабильное состояние сельской молодежи провоцируют и деформированные ориентации на продолжение образования по «городским специальностям», которые часто формирует общеобразовательная школа. Из-за этого определенная часть сельской молодежи находится в почти стрессовом состоянии, вызываемом противоречиями между ожиданиями и реальностью.

Неопределенность направлений развития общества вызывает у некоторых слоев сельской молодежи неверие в будущее, уменьшение роли государства в формировании системы социальных отношений и обеспечении нормальных условий жизни людей. Как правило, самые радикальные элементы молодежи становятся носителями девиантных форм поведения, но самой распространенной реакцией на коллизии общества у этой его части является социальная апатия.

Невзирая на коллизии, характерные для общества, которое трансформируется, *сельское* общество вводит сельскую молодежь в своеобразную, намного больше, чем в городе, персонифицированную систему общественных отношений. *Сельский социум* выполняет функции своеобразного социокультурного микроклимата, в котором происходит формирование ценностных и социально-профессиональных ориентаций молодежи. *Сельская общность* в значительной степени выполняет нормативно-контрольные функции, определяя социально приемлемые нормы поведения и мобильности молодежи. В конечном итоге *сельское сообщество* формирует в молодежи села достаточно устоявшиеся навыки жизненного уклада.

Анализ социальных последствий аграрной реформы относительно сельской молодежи свидетельствует, что присущие ей через нехватку понимания самого предмета реформы изъяны просто

сводят на нет все попытки искусственного ее встраивания в несовершенную и местами очевидно бесперспективную структуру новых отношений. При этом забывают, что сельская молодежь неоднородна по ряду объективных и субъективных признаков, а, следовательно, предлагаемые мероприятия, типа «Дальневосточного гектара», для одной ее части не нужны, а для другой просто неосуществимы.

В своей образовательной части нормативно-правовые документы относительно сельской молодежи также страдают от однопорядкового недостатка. Анализ профессий родителей студентов дает основание утверждать, что при таких темпах социально-экономического расслоения на селе в высших учебных заведениях уже через 3–4 года будут учиться исключительно дети представителей сельской элиты (речь идет о сугубо материальных признаках этой элиты).

Можно было бы более подробно рассмотреть проблему маятниковых мигрантов «село ↔ город ↔ село», которая является крайне актуальной для Москвы, Санкт-Петербурга и ряда других мегаполисов, но представляется, что данный вопрос нуждается в более подробном анализе.

Заключение

Подводя некоторые итоги, попытаемся привести рекомендации. Во-первых, следует создать разветвленную информационную базу, которая бы содержала ежегодно обновляемые данные относительно демографической ситуации (в нашем случае речь идет о селе и сельской молодежи), рынка труда в агропромышленном секторе в целом и по регионам, включая потребность в специалистах определенного профиля, анализ структуры соответствующих учебных заведений и их возможностей. Эту базу целесообразно дополнять данными ежегодных мониторингов всероссийского и региональных масштабов, которые бы характеризовали неотложные проблемы разных слоев сельской молодежи и возможности их разрешения.

Во-вторых, эта координация должна осуществляться не спорадически, как раньше, а на постоянной основе, скажем, в виде спе-

циальной межотраслевой и межрегиональной комиссии под патронатом, соответственно, профильного комитета Государственной Думы и профильного министерства. Именно от них должны выходить законодательные инициативы относительно тех или иных мероприятий, которые будут опираться на материалы предложенной нами информационной базы.

В-третьих, в бюджетных документах общегосударственного и регионального уровня должны закладываться целевые средства для осуществления необходимого объема финансирования молодежных программ. Причем объемы этих средств должны определяться с учетом реальных потребностей регионов, которые, в свою очередь, будут определять на основании данных, предоставленных информационной базой. Причем эти средства следует планировать на перспективу, поскольку мы считаем, что провалы значительного количества неплохих, в принципе, программ относительно сельской молодежи предопределены именно финансированием по остаточному принципу.

В-четвертых, на региональном уровне необходимо переформировать саму управленческую парадигму подхода к проблемам сельской молодежи, которые следует рассматривать как приоритетные направления решения проблем аграрного сектора регионов в целом. В нее необходимо включить разработку, координацию, выполнение и проверку действенности региональных программ содействия развитию молодежному сектору села.

В-пятых, при условиях коренного слома ценностно-нормативной системы общества следует помнить, что разрушение сельского социума, составляющей и основным резервом которого является сельская молодежь, может привести к потере части национального достояния нашего общества. Поэтому именно сельская молодежь уже сегодня должна стать объектом серьезного внимания в плане воспитания национального самосознания, воспитания любви к земле, природе, селу как месту жительства и работы, к профессиям, связанным с агропромышленным комплексом и социальной инфраструктурой села, а также позитивному восприятию наилучших ценностно-нормативных принципов сельского социума.

Литература

Великий П. П. Стойкость российского села: настоящее и будущее // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / под общ. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2016. С. 127–133.

Колосова Е. А. Сельская молодежь: практики участия в политической жизни // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / под общ. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2016. С. 261–267.

Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1 (381). С. 5–17.

Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.

Современное состояние и тенденции развития сельских территорий в Российской Федерации

Russia's Rural Territories: Current State and Development Trends

*Л. А. Швачкина (L. A. Shvachkina)¹,
В. И. Родионова (V. I. Rodionova)²*

¹ доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета (Шахты, Российская Федерация). E-mail: Shvachkina@mail.ru

Ph.D. in Philosophy (Doct. of Philosophical Sc.), Professor, Institute of Service Industry and Business (branch), Don State Technical University (Shakhty, Russian Federation). E-mail: Shvachkina@mail.ru

² доктор философских наук, профессор, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета (Шахты, Российская Федерация). E-mail: rodionova.disser@mail.ru

Ph.D. in Philosophy (Doct. of Philosophical Sc.), Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Service Industry and Business (branch), Don State Technical University (Shakhty, Russian Federation). E-mail: rodionova.disser@mail.ru

Аннотация. Авторы рассматривают проблему развития сельских территорий в условиях процессов глобализации, урбанизации и стандартизации современной социальной жизни. Авторы статьи указывают, что кризис на селе определяет понижение доступности для селян учреждений образования, здравоохранения, культуры, торговли и бытового обслуживания. Особенно остро на селе стоит проблема здравоохранения. Негативные демографические тенденции и сложные миграционные процессы оказывают отрицательное влияние на развитие и уровень жизни селян. Процессы трансформации российского социума в постперестроечный период детер-

минировали негативное развитие сельских поселений, которые на протяжении всей истории развития российской культуры являлись ее духовно-нравственной основой. Сложная социально-культурная ситуация сопровождается тревожными тенденциями оттока из деревни молодежи, потерей духовных связей со старшим поколением, изменением структуры потребностей и ценностных ориентаций сельских жителей. Культура является важной частью социальной инфраструктуры, она оказывает непосредственное влияние на социально-экономические процессы. Ценностные ориентации сельских жителей приобретают деструктивные составляющие. Они препятствуют их интеллектуальному, духовно-нравственному, психофизиологическому развитию. Авторы видят насущную задачу в возрождении социально-экономического и культурного потенциала российского села, ее решение сегодня имеет стратегическое национальное значение.

Ключевые слова: сельские территории, село, молодежь, культура, духовность, потребности, ценности, дезадаптация, миграция, качество жизни

Abstract. The paper deals with the development of rural territories in the context of globalization, urbanization, and standardization of contemporary social life. It points out that the crisis in rural areas means a decrease in the availability — for villagers — of educational, healthcare, cultural, trade, and household services, the critical problem being that of healthcare. The negative demographic trends and complicated migratory processes adversely affect the villagers' development and quality of life. The transformation processes in Russian society throughout the post-Perestroika period gave rise to some negative development patterns within rural settlements that had been a moral and spiritual basis of Russian culture since earliest times. The complicated socio-cultural situation is accompanied by alarming trends — rural youth outflows, loss of spiritual contacts with elder generations, changes in patterns of requirements, general values and attitudes of villagers. Culture is an important part of social infrastructure and has a certain direct impact on socio-economic processes. Values and attitudes of villagers get more — though episodically — destructive. Those impede people's intellectual, spiritual, moral, and psycho-physiological development. The study formulates a topical problem and challenge — to revive the socio-economic and cultural potential of the Russian village — which is nowadays a strategic priority nationwide.

Keywords: rural territories, village, youth, culture, spirituality, needs, values, deadadaptation, migration, quality of life

Введение

Доминантами развития современной социальной среды являются глобализация, урбанизация, унификация и стандартизация социума. На этом фоне показательно выглядят маленькие сельские поселения с их спокойным образом жизни на фоне природы, своеобразной духовной атмосферой и размеренным темпом существования. Это особенно важно в настоящее время с учетом того, что российская сельская провинция исторически являлась образцом духовно-нравственной культуры.

Кардинальная трансформация сельских поселений в нашей стране началась в период коллективизации. Это общеизвестные события 30-х годов XX века. В послевоенный период и в хрущевскую «оттепель» на ситуацию в российских селах оказали влияние такие факторы, как строительство дорог и центральных усадеб колхозов, организация межколхозных сельскохозяйственных предприятий, развитие досуговой инфраструктуры и др. Далее, как пишут исследователи, «... в 1970–1980-е гг. рост сел замедлился, в 1990-е гг. падение рождаемости совпало с ростом смертности и усиливающимся оттоком сельской молодежи» [Галсанова, Серебрякова 2010: 3]. В дальнейшем все это негативно сказалось на развитии российского села.

Основная часть

Постперестроечный период отрицательно сказался как на всем обществе, так и на сельском социуме, в частности. Либерально-рыночные реформы, проведенные в конце XX столетия, явились причиной кардинальной трансформации условий и уровня жизни жителей села. В аграрной сфере экономики начался кризис, который коснулся фактически всех сторон жизни сельских жителей. К сожалению, кризисное состояние на селе сохранилось во многих регионах России и до настоящего времени. В России «утрачена продовольственная безопасность, сельское хозяйство откатилось в своем развитии на 100 лет назад как по объему производства, так и по качеству жизни сельского населения» [Спасение села ... 2010].

На рисунке 1 представлены основные негативные тенденции, характерные для российского села сегодня.

Рис. 1. *Негативные тенденции развития сельских поселений в РФ*

Рассмотрим тенденции, представленные на рисунке 1, более подробно. Несколько лет назад по инициативе Федеральной службы государственной статистики были проведены исследования, которые показали снижение уровня занятости сельского населения в трудоспособном возрасте. Люди пенсионного возраста составляют здесь почти полмиллиона человек. Несколько миллионов жителей села находятся в предпенсионном возрасте. Самое тревожное — уменьшение в структуре занятого сельского населения молодежи [Пожигаило 2007].

Для сравнения отметим, что в конце 1980-х гг. процент молодых людей от общей численности тружеников села составлял более 30 %. В середине 1990-х гг. он снизился до 15 %, а сейчас и этот процент уменьшился. Происходящие в российском сельском хозяйстве негативные процессы сформировали у сельской молодежи отрицательные установки по отношению к нему. Следствием явилась миграция молодежи в большие города и крупные поселки. Одна из причин — из всех отраслей российской экономики самая низкая оплата труда именно в сельском хозяйстве.

Следствием миграционных процессов из села в город является негативная тенденция трансформации половозрастной структуры сельского населения: одна из наиболее экономически активных социально-демографических групп населения — молодежь, полу-

чившая образование в городе, не возвращается в село. Причина этого на поверхности — молодые люди не видят возможности для профессиональной самореализации и не удовлетворены качеством жизни в сельской местности.

Миграция в город населения среднего возраста, как правило, связана с неудовлетворенностью работой или ее потерей, при этом у селян более высокая вероятность найти работу в городе. Эту мысль подтверждают и исследователи данной ситуации, которые указывают, что «причины сельской миграции в города — недостаток рабочих мест, вызванный медленной диверсификацией сельской экономики, отсутствие перспектив, особенно у молодежи, что связано с низким качеством жизни в сельской местности и невозможностью применить полученное в городе образование в условиях недиверсифицированной экономики» [Быченко 2012: 136].

Предельно низок и уровень реальных доходов сельских жителей. До начала реформ постсоветского периода 70 % дохода сельской семьи составляла заработная плата. В 2012 г. эта доля сократилась до 30 % [Гусева 2012: 26]. Эти цифры дают основание утверждать, что на сегодняшний день зарплата на селе уже не выполняет в достаточной мере ни социально-воспроизводственной, ни стимулирующей функции.

Значительную роль в формировании бюджета сельского домохозяйства играют разного рода социальные выплаты (пенсии, пособия, дотации и льготы). Что касается традиционных доходов от личных подсобных хозяйств, то «если до реформирования экономики аграрного сектора доход от реализации продукции подсобного хозяйства составлял до 30 % совокупных поступлений, то в начале 2010-х гг. — около 13 %» [Гусева 2012: 27]. Такое резкое падение финансовых доходов многие объясняют оттоком из сельской местности рабочей силы молодежи. В свою очередь оставшееся пожилое население не в состоянии обрабатывать приусадебный земельный участок и содержать домашний скот.

На фоне общего снижения уровня жизни сельского населения идет процесс социально-экономического расслоения деревни. Высокая и нарастающая дифференциация материальной обеспеченности сельских домохозяйств объясняется, прежде всего, различ-

ями в величине зарплаты, приходящейся на одного члена семьи, а также большей детско-иждивенческой нагрузкой на работающего в наименее обеспеченных семьях. Особенно в тех, в которых дети получают платное образование.

Важным показателем финансового благополучия сельского населения является структура потребительских расходов. Общеизвестно: чем ниже доля расходов на питание и относительно выше расходы на непродовольственные товары и услуги, тем лучше жизнеобеспечение семьи. Проведенные социологические исследования дают основание утверждать, что за годы реформ значительно уменьшилось потребление населением страны, в том числе и сельским, мясopодуkтов, молокопpодуктов, яиц и фpуктов. Важно подчеркнуть, что это объясняется не увеличением расходов на непродовольственные товары, а высокой стоимостью на перечисленные продукты.

Кризис в аграрном секторе детерминировал снижение доступности для селян учреждений образования, здравоохранения, культуры, торговли и бытового обслуживания. Особенно остро на селе стоит проблема здравоохранения. Зачастую жители получают медицинские услуги за десятки километров от места жительства. Это требует дополнительных расходов на транспорт. Кроме этого, качество медицинского обслуживания и само наличие квалифицированного персонала оставляет желать лучшего. Например, в Алексеевском районе Белгородской области на начало 2011 г. требовалось 52 специалиста в области здравоохранения, в основном для работы на селе [Гусева 2012: 26].

Низкая рождаемость на селе послужила главной причиной закрытия детских дошкольных учреждений, малокомплектных школ и фельдшерско-акушерских пунктов. Как следствие, сложно определить детей в ясли-сад, дать им хорошее образование, укрепить здоровье. Как мы уже указывали, в условиях нерегулируемых рыночных отношений резко ухудшилось бытовое, транспортное и культурно-оздоровительное обслуживание. Что касается работы учреждений культуры (библиотеки, клубы, дворцы культуры), то большинство из них либо ведут нищенское существование, либо прекратили его вовсе.

Перечисленные тенденции являются аккумулярующим показателем экономического и социокультурного неблагополучия. Материальная бедность и озабоченность экономическими трудностями коррелирует с духовной. Это влечет за собой увеличение проявлений дезадаптированных форм поведения — пьянства, наркомании, преступности, нравственной деградации личности. Ценностные ориентации сельских жителей приобретают деструктивные составляющие. Они препятствуют их интеллектуальному, духовно-нравственному, психофизиологическому развитию.

Современное село переживает кризис. Демографические тенденции и миграционный процесс оказывают негативное влияние на развитие и уровень жизни селян. Сельская культура находится на грани выживания. Например, «культурная среда на селе сегодня представлена библиотеками, имеющимися только в каждом четвертом сельском поселении (26,7 %), а 100 тысяч сел вообще не имеют библиотек, при том, что востребованность библиотечной сети в деревне на 18 % выше, чем в городе. Клубными учреждениями располагает сегодня только каждое третье сельское поселение. Киноустановки имеются только в 7,5 %, а детские школы искусств и музыкальные школы функционируют вообще только в 1,4 % российских сел» [Пожигайло 2007].

С разрушением основ традиционного хозяйствования пришли в упадок и многие элементы культурной среды сельских поселений. Конечно, есть и исключения, когда успешное ведение хозяйства сопровождается развитием культурной среды (возрождением народного творчества и промысла). Однако глубокий социально-экономический кризис российского общества сказался и на культурной среде села. Исследователь Т. Н. Бояк на примере социологического исследования особенностей культуры современной сельской молодежи указывает, что «в культуре современной сельской молодежи получили распространение такие негативные процессы, как: снижение репродуктивной функции, миграция, ухудшение физического здоровья, социально-психологического самочувствия, неуверенность в завтрашнем дне, тревожность, безработица, пьянство, оскудение основ нравственной культуры поведения» [Бояк 2012: 181].

Однако нужно отметить, что, несмотря на приведенную тенденцию, некоторые социологические исследования констатируют, что сельские жители «ценят нравственные качества выше, чем все население России. Например, порядочность ценят 28 % жителей села и 4,5 % в целом по стране, трудолюбие — 47,4 % на селе и менее 32 % по стране, честность, бескорыстие — 26,9 % на селе и в два раза меньше, 13,3 %, по стране» [Пожигаило 2007].

Однако Т. Н. Бояк в своей статье «Село в условиях современного российского общества (на примерах Бурятии)» утверждает, что у сельской молодежи уровень морального поведения пока отстает от уровня морального сознания, что определяется, прежде всего, неблагоприятными социально-экономическими, культурными реалиями села [Бояк 2012: 180]. Таким образом, сельские жители могут декларировать и осознавать одно, а в своем реальном моральном поведении проявлять совершенно другое.

Тяжелое положение с проведением досуга на селе способствует развитию изолированности, еще большему отставанию сельского населения от городского — как в культурном, так и в образовательном плане.

Естественно, акцент на определенные культурные ценности в большинстве случаев определяется типом поселения (деревня, село, поселок). В крупном селе выше образовательный уровень и в целом культурная потенция, больше интеллигенции и молодежи. Они, в своем большинстве, выступают носителями культурных ценностей и образцов поведения. Но в тоже время именно в крупных сельских поселениях из культурно-бытового уровня вытесняется традиционная бытовая культура, которая сменяется массовой. Исконно традиционные проявления культуры чаще всего заполняют вакуум в малых типах поселений. Именно в них сохраняется относительно высокая степень религиозности. Например, в условиях сельской общины исторически складывались и передавались из поколения в поколение нормы и правила, которые определяли сложившуюся жизнь человека. Они давали о себе знать в виде народных обычаев, традиций, образцов культурного поведения и выступали регуляторами действий и нравственных установок сельского жителя. Эти нормы и правила передавались

в процессе деятельности и общения на уровне обыденного сознания. Современная трансформация российского социума привела к доминированию на селе проявлений массовой культуры, причем не в лучшем ее варианте.

Заключение

Утрата сельской традиционной культуры и падение качества жизни селян в целом начинает осознаваться обществом как актуальная проблема, которая требует не только общественного внимания, но и государственных ресурсов для ее решения. В результате происходящих в нашем обществе негативных тенденций разрушаются и исчезают уникальные памятники материального и духовного наследия народов России, которые всегда служили основой их идентичности.

Культура как часть социальной инфраструктуры села определяет качество жизни местного населения, оказывает непосредственное влияние на социально-экономические процессы, в том числе на состояние трудовых ресурсов и формирование привлекательного имиджа России в целом. Сельские учреждения культуры дают возможность не только общения, без которого немислимо российское село, но и развития творческих способностей его жителей, особенно детей.

Задача обеспечения устойчивого развития и достойного уровня и качества жизни жителей села нашла отражение в обосновании актуальности «Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года», которая была утверждена распоряжением правительства РФ 2 февраля 2015 г. №151-р [Стратегия 2015]. В содержании Стратегии оговорено, что она «направлена на создание условий для обеспечения стабильного повышения качества и уровня жизни сельского населения на основе преимуществ сельского образа жизни, что позволит сохранить социальный и экономический потенциал сельских территорий и обеспечит выполнение ими общенациональных функций — производственной, демографической, трудоресурсной, пространственно-коммуникационной, сохранение историко-культурных основ идентичности народов страны, поддержание социального

контроля и освоенности сельских территорий» [Стратегия 2015].

Таким образом, возрождение социально-экономического и культурного потенциала российского села имеет сегодня стратегическое национальное значение, поэтому данная проблема нуждается в особом внимании со стороны государства, общественности, включая и научное сообщество.

Литература

Быченко Ю. Г., Шабанов В. Л. Современная миграция сельского населения: особенности, направления, последствия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2. С. 136–142.

Бояк Т. Н. Особенности культуры современной сельской молодежи // Гуманитарный вектор. 2012. № 3. С. 180–186.

Галсанова И. Б., Серебрякова Ю. А. Этническая культура современного забайкальского бурятского села. Улан-Удэ: изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2010. 132 с.

Гусева Т. С. Социальные проблемы сельского населения // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XI междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2012. С. 26–32.

Многоукладная аграрная экономика и российская деревня: (середина 80-х – 90-е годы XX столетия) / под ред. Е. С. Строева. М., 2001. 622 с.

Пожигайло П. Роль духовной культуры и ее законодательное обеспечение на современном этапе [электронный ресурс] // Русская народная линия. 02.02.2007 г. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/02/02/rol_duhovnoj_kul_tury_i_ee_zakonodatel_noe_obespechenie_na_sovremennom_e_tape (дата обращения: 21.07.2017).

Спасение села — залог экономического и духовного возрождения России // Правда. 2010. 26–27 октября.

Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года [электронный ресурс] // Распоряжение правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-п. URL http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/sel-terr/strateg_2030.pdf (дата обращения: 19.07.2017).

Научное издание

СЕЛО РОССИИ
2018. № 1

Редактор Р. Г. Саряева
Компьютерная верстка — Д. В. Татнинов

Подписано в печать 12.12.2018.
Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 10,81.
Тираж 300 экз. Заказ №. 12-2018

Отпечатано в КалмНЦ РАН
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста,
ул. им. И. К. Илишкина, 8